

МЕЖДУНАРОДНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР №1
по версии New York Times

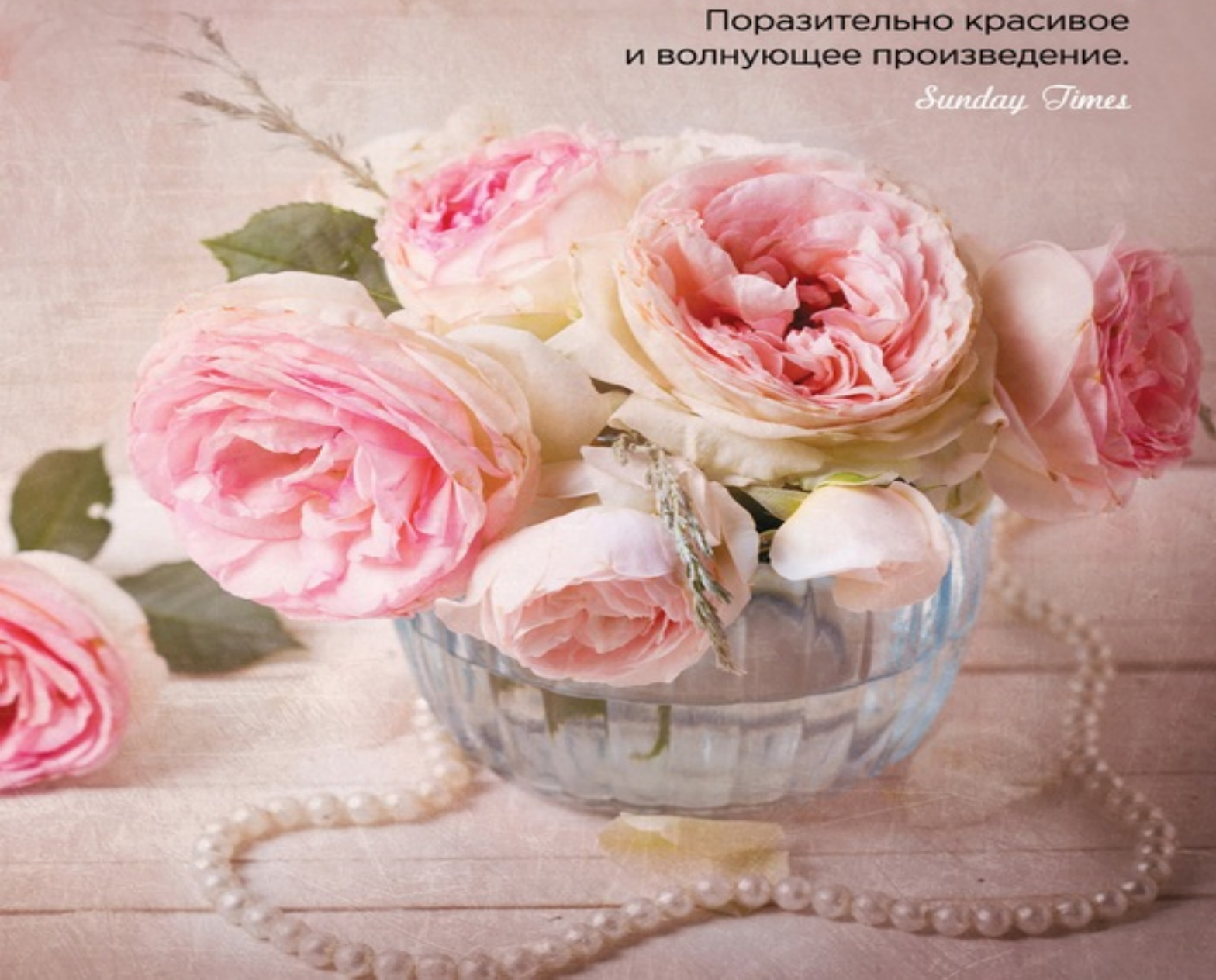
САРА ДЖИО

Лунная тропа

Поразительно красивое
и волнующее произведение.

Sunday Times

Annotation

Джун Андерсен получает в наследство от тетушки Руби легендарный книжный магазин «Синяя птица». Вскоре она обнаруживает среди книг уникальные письма – свидетельство давней дружбы между Руби и знаменитой писательницей Маргарет Уайз Браун. Поскольку магазин на грани разорения, Джун решает спасти его с помощью находки. Она обращается за помощью к Гэвину, хозяину находящегося по соседству с «Синей птицей» ресторанчика. Кажется, вместе у них есть шанс, но у Джун немало секретов, и довериться Гэвину оказывается не такто просто.

- [Сара Джо](#)
 -
 - [Авторское примечание](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)

- [Глава 24](#)
 - [Глава 25](#)
 - [Глава 26](#)
 - [Благодарность](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
-

Сара Джо

Лунная тропа

Sarah Jio

GOODNIGHT JUNE

Copyright © 2014 by Sarah Jio

© Лебедева Н., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Э»,
2016»

* * *

Авторское примечание

Помните ли вы, как прочли впервые «Баю-баюшки, луна»? Многие открывают для себя эту книгу еще в детстве (и таких, я полагаю, бесчисленное количество, ведь с момента ее выхода в свет, в 1947 году, было распродано 14 миллионов экземпляров!)^[1]. Но сама я долгое время была знакома с этой историей лишь понаслышке – до тех пор, пока не получила ее в качестве подарка на рождение ребенка. Помню, как впервые прочла ее своему старшему сыну, Карсону. Нас обоих просто очаровало это повествование – настоящая колыбельная – о маленьком крольчонке, который укладывается спать. Как приятно было читать эти строки в конце шумного дня (неудивительно, что очень скоро я выучила их наизусть). Вечер за вечером мы с радостью возвращались в «большую зеленую комнату».

В скором времени к нам с Карсоном присоединились два моих младших сына. У каждого появилась своя любимая страница, и все трое обожали искать мышку. За эти годы мы настолько свыклись с книжкой, что стали называть ее «Лунной книгой». Не будет преувеличением сказать, что история обрела столь же прочное место в нашем доме, как и в наших сердцах.

Как-то раз я написала для журнала «Пэрентин» небольшую пародию на «Луну». В то время я и подумать не могла, что на сайте журнала ее страница станет одной из самых посещаемых. Даже сейчас, спустя полвека после выхода в свет, «Баю-баюшки, луна» продолжает очаровывать новых читателей.

Если мне очень нравится книга, я стараюсь побольше узнать о ее авторе. Потому я занялась изучением жизни Маргарет Уайз Браун. Мне хотелось лучше познакомиться с этой замечательной детской писательницей, которая успела написать больше сотни разных историй до своей преждевременной смерти в 1952 году, когда ей было всего сорок два!

Я прочла все доступные мне материалы и обнаружила, что у нас с Маргарет много общего. Она была такой же неуемной и целеустремленной, как и я (качества, определяющие автора плодотворного, но терзаемого все новыми и новыми идеями). Подобно мне, Маргарет была мечтательницей. Облако, очертаниями похожее на кролика, могло вдохновить ее на новую книгу, а путешествие на лодке к островку возле дома – на целую серию новых историй.

Маргарет отличала невероятная творческая энергия. Не сомневаюсь, что способность творить была в ее жизни главной движущей силой. Свои истории она черпала буквально отовсюду. Бывало и так, что утром, только-только проснувшись, она записывала идеи для новой книги, пришедшие к ней во сне.

По себе знаю, что такое свойство сознания и окрыляет, и сводит с ума (только представьте, что вы с головой ушли в новую книгу, а вам в уши что-то постоянно нашептывают герои еще не рожденных историй!). Мой друг и коллега, Кэрол Кассела, которая является по совместительству врачом-анестезиологом, в шутку называет такое состояние «хроническим недугом». К счастью или нет, но в этом мы с Маргарет очень похожи.

Маргарет, совершенно беспомощная в вопросах любви, отличалась тем не менее несомненной деловой хваткой. Она твердо отстаивала как собственные интересы, так и интересы своих друзей-иллюстраторов, поскольку была не из тех, кто готов удовольствоваться чем-то второсортным.

Мне нравятся эти ее черты. При всей своей решительности и энергичности Маргарет умела быть мягкой и добросердечной. А еще – на редкость импульсивной. Говорят, как-то раз она потратила огромную сумму на цветы – сотни и сотни цветов. Просто выкупила на улице Нью-Йорка целую тележку с цветами. Ими она украсила свой дом и устроила для друзей замечательную вечеринку.

Неудивительно, что Маргарет Уайз Браун оставила о себе столь яркую память. Но из-за своей преждевременной смерти многие ее секреты остались неразгаданными. Никто точно не знает, что подтолкнуло ее к написанию «Баю-баюшки, луна». Считается, что весь стишок она написала за одно-единственное утро в своем нью-йоркском доме. Я попыталась представить, что могло бы натолкнуть ее на создание этой замечательной детской книжки, и мое воображение тут же заработало на полную мощность.

Так, понемножку, начали прорисовываться герои моей будущей книги. Джун Андерсен, служащая банка из Нью-Йорка, здоровье которой заметно пошатнулось из-за напряженной работы, и ее тетушка Руби, оставившая любимой племяннице дело всей своей жизни – легендарный книжный магазин «Синяя птица». Магазин этот полон секретов, и очень скоро Джун обнаруживает старые письма – свидетельство давней и глубокой дружбы между ее тетей и Маргарет Уайз Браун. Эта дружба оказала заметное влияние на творчество знаменитой писательницы.

Но хоть я приветствовала сам факт того, что Маргарет Браун стала для

меня источником вдохновения, мне хотелось, чтобы центральное место в этой книге занимала моя героиня, Джун. В конце концов, это было историей *ее* жизни. Требуется немало мужества, чтобы оставаться ранимой, смотреть в лицо совсем не безмятежному прошлому, раз за разом пытаться начать все заново – в том числе заново любить. Вот и Джун придется решать для себя все эти вопросы. И когда книжный магазин ее тетушки окажется на грани разорения, судьба его целиком и полностью окажется в руках Джун. Удастся ли ей спасти это место и его тайны? Удастся ли ей спасти саму себя?

Маргарет Уайз Браун ушла из этого мира за двадцать шесть лет до моего рождения. И хотя пути наши никогда не пересекались, я часто размышляла о том, какой могла бы быть наша встреча. Например, мы могли бы посидеть за чашечкой кофе (а может, и коктейля, что наверняка понравилось бы Маргарет) и поговорить о творчестве, о кроликах и трех маленьких мишках, удобно устроившихся на стульях. Словом, обо всем. Мы бы шутили и обменивались историями, и я непременно рассказала бы ей о том, что мой четырехлетний сын Рассел обожает ее книгу «Пёс-моряк». Мы поговорили бы о плачевной судьбе книжных магазинов из кирпича и камня в эпоху цифровых устройств и о том, как трудно привить детям любовь к чтению, когда вокруг полно видеоигр, телепередач и прочих заманчивых штучек. Я бы выразила ей свое восхищение по поводу той истории с цветами (если бы осмелилась упомянуть об этом) и поблагодарила бы за столь яркую жизнь, которая стала для меня источником вдохновения.

Да что там, одного ее присутствия было бы достаточно, чтобы привести меня в полный восторг.

С. Дж.

Глава 1

Нью-Йорк, 3 мая 2000 г.

У каждого есть свое счастливое местечко. Сцена, которая сразу же всплывает перед глазами, стоит вам зажмуриться и перенестись мысленно в ту точку земного шара, где жизнь окутывает вас теплом и уютом. Для меня это книжный магазин с его изумрудно-зелеными стенами и огромными окнами, которые служат по ночам рамкой для приветливо подмигивающих звезд. В камине еще пылают угольки, напоминающие по цвету закатное солнце, а сама я сижу перед камином, закутавшись в плед, и с увлечением читаю книгу.

– Джун?

Я быстро открываю глаза, и пронзительно-белый цвет больничных стен возвращает меня к реальности. Простыню, которой я укрываюсь, крахмалили так часто, что она стала похожа на жесткий лист бумаги, и я вздрагиваю от холода, когда медсестра сжимает мое запястье своими ледяными руками.

– Прости, что пришлось разбудить, – говорит она, закрепляя на моей руке манжет. Сейчас мне будут мерить давление.

Пока она привычными движениями сжимает грушу, я рассматриваю тату на ее руке – бабочку с фиолетово-розовыми крылышками – и мысленно возношу благодарность себе семнадцатилетней. В то время я тоже была близка к тому, чтобы наколоть на лодыжке фигурку дельфина, но в последний момент все-таки передумала.

Пальцы медсестры тянут манжет за липучку, ее лицо кажется недовольным.

– Высокое. Слишком высокое для женщины вашего возраста, – замечает она. – Наверняка доктор Кейтер захочет побеседовать с вами об этом.

При виде этого сурового лица мне хочется крикнуть: «Да я вегетарианка! Я бегаю каждое утро! Я уже два года не позволяю себе ни одного десерта!» Но тут звякает мой мобильный, и я быстро хватаю его с кровати. Сообщение от Артура, моего начальника.

«Ты где? Если не ошибаюсь, ты собиралась поработать над отчетом за второй квартал?»

Сердце у меня начинает колотиться с удвоенной силой, и я делаю пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Само собой, Артур не знает, что я в

больнице. Никто не должен об этом знать. Медсестра пытается что-то сказать, но я раздраженно машу рукой, а затем усаживаюсь поудобнее, чтобы написать ответ. «Отвлеклась на другой проект, – печатаю я. – Скоро буду». Другой проект – это мое паршивое физическое состояние. Досадно, когда тебя подводит собственное тело.

На стене висят часы. Время перевалило за восемь. Сюда я попала еще в полдень – с высоким давлением. Опасно высоким, так мне сказал врач. «Это что, сердечный приступ?» – поинтересовалась я. Весь последний месяц меня донимали неприятные симптомы, но сегодня, за деловым обедом – я и двенадцать мужчин в строгих костюмах, – у меня вдруг закружилась голова и затошнило. Ладони начало как-то неприятно покалывать. Разумеется, я не могла позволить, чтобы меня видели в таком состоянии, и ушла, предварительно извинившись. Сказала, что мне нужно срочно вернуться в офис. Вот только в офис я так и не заглянула. Села в такси и отправилась в больницу.

Теперь я лежу с капельницей, из которой в мою кровь медленно попадают лекарства. А ведь мне всего тридцать пять! Я нервно выискиваю взглядом свою сумку. *Нужно поскорее выбираться отсюда.*

Как раз в тот момент, когда я встаю, дверь открывается, и в палату входит пожилой человечек в белом халате.

– Куда это вы собрались, мисс Андерсен? – хмурится он.

Будь он хоть трижды доктор, мне решительно не нравится его тон.

– Мне уже гораздо лучше, – заявляю я, пытаюсь самостоятельно разобраться с проводками от капельницы. – А на работе меня ждут неотложные дела.

Доктор подходит ближе и кладет на столик мою карту. Судя по всему, он вовсе не горит желанием поскорее выписать меня из больницы.

– Что для этого требуется? – спрашивает он.

Я смотрю на него в полной растерянности.

– Что вы имеете в виду?

– Что нужно для того, чтобы вы хоть немного сбавили темп?

– Замедлила темп? Я вас не понимаю.

– Я прочел записи в вашей карте, – кивает он на столик.

По просьбе принимавшего меня врача я вкратце описала свой обычный день: подъем в пять утра, в семь уже в офисе (после пробежки в шесть-семь миль), а затем работа, работа и работа... До восьми, а порой и до девяти вечера (а зачастую еще дольше).

И что с того? Я – *вице-президент* крупного банка, самый молодой

вице-президент в истории банка «Чейз и Хансон», на который работают восемь тысяч служащих во всем мире. Начальство должно видеть, что я не зря занимаю свое место. К тому же я хорошо справляюсь с работой. Пожалуй, это единственное, с чем я хорошо справляюсь.

– Послушайте, доктор...

– Доктор Кейтер.

– Доктор Кейтер. – Я говорю тем доверительным тоном, который использую обычно в разговоре со строптивыми должниками. – Я ценю вашу заботу, но со мной все будет в порядке. Выпишите мне лекарства, и проблема решится сама собой.

– Не все так просто, – замечает он. – Как я понял, мисс Андерсен, у вас время от времени немеют ладони.

– Я много бегаю, а в Нью-Йорке с утра не слишком жарко.

– Не думаю, что это от холода, – качает головой доктор. – Похоже на признаки панического расстройства.

– Простите, *какого* расстройства?

– Панического, – повторяет он. – Ваш организм, судя по всему, испытывает сильнейший стресс и реагирует на него подобными отключениями.

– Не может быть. – Я решительно стягиваю ленту, которая удерживает на месте иглу. – Я знаю, вы намекаете на то, что я чокнутая, но это неправда. Может, другие в моей семейке и не в полном порядке, но обо мне такого не скажешь... Вы поможете мне снять эту штуку или мне просто выдернуть иглу?

Доктор Кейтер печально качает головой.

– Мы не можем задерживать вас тут против вашей воли, – вздыхает он. – Пообещайте хотя бы, что постараетесь притормозить. Такими темпами вы очень скоро загоните себя в могилу.

Мой телефон вновь звякает. Ну что этот доктор знает обо мне? Ровным счетом ничего.

– Все, что угодно, лишь бы поскорее выбраться отсюда, – пожимаю я плечами.

Доктор Кейтер с видимой неохотой убирает капельницу, а затем протягивает мне листок бумаги.

– Я выписал вам бета-блокаторы. Они хотя бы отчасти нейтрализуют те нервные сигналы, которые вызывают беспокойство. Принимайте эти лекарства в течение нескольких месяцев. И я настоятельно рекомендую вам разгрузить себя. Поменьше физических упражнений, не столь интенсивные нагрузки на работе. В конце концов, возьмите отпуск.

Я с трудом сдерживаю смешок. Человеку моего положения и в голову не придет уйти в отпуск. Лиза Мелтон, наш новый вице-президент, отпросилась на неделю после свадьбы, и то начальство посмотрело на это довольно косо. Когда вы достигаете определенных вершин, от вас ждут, что вы будете жить и дышать одной только работой. Так уж оно сложилось.

– Я ценю вашу заботу, – повторяю я, хватаясь за сумочку и пальто, – но мне и правда нужно идти.

* * *

– Наконец-то, – по губам Артура скользит едва заметная усмешка. – Я уж думал, больше тебя не увижу.

Мой босс – умный и циничный тип, но я-то знаю, что под этой малопривлекательной оболочкой таится доброе сердце. Или какое-то подобие его. Не зря же я сказала однажды Артуру, что он – самый симпатичный сукин сын из всех, с кем мне доводилось встречаться.

– Прости, что ушла прямо во время обеда, – промямлила я. – Просто я... у меня... Словом, неважно себя почувствовала.

– Женские проблемы?

– Да нет же, – поморщилась я. – Обещаю, что впредь ничего подобного не повторится.

Взгляд Артура обретает привычную цепкость.

– А что это на тебе надето?

Только тут я понимаю, на кого стала похожа после восьми часов, проведенных на больничной койке. Встрепанные волосы. Расплывшийся макияж. Я поплотнее запахиваю пальто, под которым нет ничего, кроме больничной пижамы.

– Я приехала прямо из дома, и у меня не было времени... переодеться.

– Ладно, – пожимает плечами Артур, – пора браться за работу.

Он выкладывает на стол целую кипу папок.

– Это все неплательщики. За кого возьмемся в первую очередь?

Я беру верхнюю папку, на которой напечатано: АТЕЛЬЕ САМАНТЫ. Я уже давно перестала переживать из-за тех мелких собственников, которые не в состоянии свести концы с концами. А поначалу было безумно трудно выступать в роли карающей руки, которая способна в один миг перечеркнуть весь семейный бизнес. Никогда не забуду первого своего поручения. Я плакала, когда мне пришлось везти в Новый Орлеан бумаги, согласно которым вся собственность переходила за долги нашему банку.

Речь шла о кафе, которое открылось здесь еще в начале XX века. Излюбленное местечко нью-орлеанских старожиллов. Меня встретила хозяйка, пожилая уже женщина, унаследовавшая это кафе от своего отца. Когда-то, в далеком 1959-м, здесь обедал сам Джон Кеннеди. По стенам были развешаны фотографии Эллы Фицджеральд, Джуди Гарленд, Луи Армстронга – разумеется, все с автографами. Хозяйка принесла мне кофе и заварные булочки. До сих пор помню, как дрожали мои руки, когда я вручала ей конверт с этими ужасными бумагами.

Потом уже стало полегче. К каждому случаю я научилась относиться с точностью и безразличием хирурга. Раз-два, и никаких эмоций. Мой девиз: только дело, ничего личного! Мне без разницы, какой замечательный или необычный у вас бизнес и сколько семейных историй с ним связано. Факт остается фактом: если вы не в состоянии оплачивать свои счета, наш банк в мгновение ока распродаст ваше имущество. Просто, как дважды два.

Мне нравится думать, что Артур выбрал меня из всех банковских служащих, поскольку уже тогда разглядел во мне некую искорку – свойство, каким не обладал никто из моих коллег. На самом-то деле я стала для него чем-то вроде куска пластилина. Я жила только работой, и из меня можно было лепить что угодно.

Артур помог отточить мои служебные навыки. За спиной многие называют его «палачом», поскольку он способен без малейших угрызений совести закрыть неприбыльный бизнес и пустить с молотка оставшееся имущество. Эмоции клиентов для него – пустой звук. Он и меня приучил смотреть на жизнь своими глазами. Наш отдел – самый успешный во всей компании. Мы отсекаем лишнее и получаем великолепные результаты.

Разумеется, далеко не все случаи требуют личного визита. Многие клиенты сами подписывают бумаги. Многие, но не все. Кое-кто предпочитает не отвечать на наши письма и игнорировать звонки. Эти люди стараются оттянуть неизбежное. Никто не хочет оказаться в неудачниках, и мне это чисто по-человечески понятно. Но жизнь есть жизнь.

Я пролиставала бумаги из верхней папки. Ателье Саманты. По документам о первом займе видно, что это моя ровесница. Родилась в 1975 году. Уже семь месяцев Саманта не платит по счетам. Другие документы удостоверяют, что эта женщина предпочитает игнорировать письма и звонки из банка.

– Придется нам нанести визит мисс Саманте. – В глазах у Артура появляется огонек. Теперь он похож на сыщика, который уже готов сцапать очередную жертву.

– Да, – вяло киваю я. У меня снова покалывают пальцы, а голова кажется тяжелой, как большая медная чаша, под весом которой напрягается все тело. Да что же со мной такое? Покалывание переходит в область головы, я как будто погружаюсь в другую реальность. Теперь моя голова напоминает воздушный шар, который парит над шеей. Надо бы обсудить с Артуром каждый из наших случаев, но я не могу. *Почему я этого не могу?* Сердце у меня начинает колотиться еще быстрее, и я невольно хватаюсь за край стула. Чувство онемения растекается уже по ладони, которую я уже практически не чувствую. *Опять то же самое.*

Я бросаю взгляд в сторону двери.

– Артур, – вырывается у меня, – такое чувство, что я отравилась, – для пущей убедительности я кладу руку на живот. – Ты уж меня извини.

Он пожимает плечами, а затем аккуратно складывает папки и передает их мне.

– Уже поздно, так что можем заканчивать. Почему бы тебе не посмотреть эти бумаги на выходных? Я отметил те из них, которые требуют особого подхода Джун Андерсен.

Я с трудом выдавливаю из себя улыбку.

– Конечно. Обязательно посмотрю.

* * *

К тому моменту, когда такси оказывается у моего дома, мне удастся хотя бы частично восстановить контроль над телом. Онемение прошло. Осталось лишь легкое покалывание в левом мизинце. Забрав в вестибюле почту, я поднимаюсь на лифте на седьмой этаж и захожу в дверь с номером 703.

Мне вновь вспоминается тот ужасный учитель биологии, который вел у нас занятия в старших классах. Как правило, я получала хорошие оценки, но естественные науки давались мне с большим трудом. Один раз, когда я провалилась на экзамене, этот учитель подозвал меня к своему столу и заявил: «В свое время у меня училась твоя мать. Она тоже была не сильна в биологии. Тебе стоило бы заниматься с большим усердием, если, конечно, ты не желаешь пойти по ее стопам. Тебе что, хочется всю жизнь проработать за кассой в какой-нибудь продуктовой лавочке?» Я ненавидела этот его взгляд – высокомерно-снисходительный. Глаза у меня щипало от слез, но в тот момент я сдержалась и выплакалась позже. Если бы только мистер Кларк увидел меня сейчас! Мою головокружительную карьеру, мою

шикарную квартиру (и плевать, что ипотеку мне теперь выплачивать до конца жизни!).

Да, у меня нет ни мужа, ни детей, ни собаки. Но много ли женщин моего возраста могут похвастаться тем, что приобрели в собственность квартиру на Манхэттене? С двумя спальнями, паркетными полами и окнами, выходящими прямо на Центральный парк.

Я бросаю пальто на мягкую скамеечку у входа – *вот вам, мистер Кларк!* – и кладу ключи на стеклянный столик у стены (на нем настоял мой дизайнер, но всякий раз, когда ключи звякают о поверхность стола, я проникаюсь к нему еще большей ненавистью). Пора разобрать почту. При виде знакомого почерка на одном из конвертов я невольно морщусь. С какой стати она снова пытается со мной связаться? Нам просто не о чем говорить. Я иду на кухню и швыряю конверт в мусорную корзину. Слишком поздно для «прости-меня-пожалуйста».

Я плюхаюсь на диван и просматриваю остальную почту. Счета, несколько журналов и открытка от Клэр, моей давней подружки из Сиэтла. С мужем Этаном и сыном Дэниелом они развлекаются в Диснейленде. «Привет из замка Золушки, – пишет Клэр. – Шлем тебе море тепла и солнечных улыбок!»

Все это, конечно, очень мило, но, если быть честной до конца, подобные сантименты для меня – все равно что нож в сердце. Я уже давно перестала ходить на свадьбы к подружкам, ограничиваясь отправкой разного рода подарков. Моя помощница заворачивает их в красивую бумагу и аккуратно перевязывает кучей ленточек. Гораздо проще поддерживать дружбу на расстоянии. Все довольны, и никто не страдает (особенно я). Единственный человек, с которым я общаюсь вне работы, – мой приятель Питер. Умный, добрый, красивый и ничуть не интересующийся женщинами. Но даже в этих отношениях инициатива всегда принадлежит ему – я никогда не звоню первой.

Под каталогом журнала мод лежит конверт от адвокатской конторы «Шерман и Уиллс». Я не из тех, кто пренебрегает официальными бумагами, и осторожно надрываю краешек. В конверте лежит стопка бумаг, к которой крепится листок с письмом:

*Адвокатская контора «Шерман и Уиллс»
567 Мэдисон
Сиэтл, ВА 98101
Кому: Джун Андерсен
Тема: Завещание Руби Крейн*

Дорогая мисс Андерсен, наверняка вы уже знаете о том, что ваша двоюродная тетя Руби Крейн покинула этот мир. Примите мои глубочайшие соболезнования в связи с этой потерей.

Я замираю с письмом в руке. Руби? Покинула этот мир?

Нам было поручено заниматься ее волеизъявлением, и я рад сообщить, что ваша тетя оставила вам все свое имущество, включая книжный магазин для детей «Синяя птица». В конверте вы найдете соответствующие документы. Подпишите их, пожалуйста, и верните моему помощнику Либби. Возможно, вы захотите сами приехать в Сиэтл, чтобы лично уладить все дела. Вам, должно быть, известно, что мисс Крейн долго болела перед смертью. Как бы то ни было, я не сомневаюсь, что возможность распоряжаться магазином доставит вам не меньшее удовольствие, чем вашей тете. Если вам потребуется моя помощь, обязательно обращайтесь.

С уважением,

Джим Шерман, адвокат.

Я кладу письмо на кофейный столик и ошеломленно качаю головой. *Руби умерла? Почему никто мне не сообщил?* Слезы наворачиваются на глаза – то ли от боли, то ли от негодования. Почему мама мне даже не позвонила? Развлекается, наверно, с новым приятелем, а до остального ей и дела нет. И все же гнев мой направлен не столько на нее, сколько на саму себя. Я так и не написала Руби. И не заехала к ней – была по горло занята делами. А теперь уже поздно. Руби больше нет.

Я с недоумением смотрю на пачку бумаг. Мы и правда были с ней близки – особенно в пору моего детства. И все же я не понимаю, почему она выбрала своей наследницей именно меня, а не маму или Эми, мою родную сестру. Эми. Как она отнесется к этому решению? Даже странно, что я не могу взять трубку и позвонить ей. В детстве у нас все было общим (за исключением отцов, но с ними мы попросту не встречались). Память услужливо подсовывает мне картинку: Эми с ее белокурыми, как у мамы, локонами, с пухлыми губками, от которых сходили с ума все окрестные мальчишки, и невинными голубыми глазами. Миновало уже пять лет с того неприятного случая, но при мысли о нем мне по-прежнему больно, и я спешу переключиться. Я вспоминаю те времена, когда мы с Эми были

всего лишь розовощекиными малышками, гулявшими рука об руку по дорожкам парка.

В оконном стекле мелькает мое отражение, и я внимательно в него вглядываюсь. Что же со мной случилось? Любознательная девочка со светлыми косичками, ни на минуту не расстававшаяся с книжкой, превратилась в женщину, у которой, как это ни печально, нет времени ни на семью, ни на книги. Я пытаюсь вспомнить, когда мне в последний раз приходилось разговаривать с Руби, и в ушах раздается ее голос. Она сама позвонила мне в прошлом году перед Рождеством. Сказала, что хочет устроить у себя в магазине рождественский ужин, с индейкой и домашними булочками. Совсем как в старые времена. Я так и не смогла вырваться, но она все-таки позвонила мне на Рождество. Мама и Эми уже были на месте: я расслышала, как они смеются где-то на заднем фоне, и тут же напряглась. Руби это сразу почувствовала.

– С тобой все в порядке, Джун? – спросила она.

– Да, – солгала я, – все в порядке.

– Я знаю, ты очень занята у себя в Нью-Йорке, – в голосе Руби слышалось неподдельное огорчение, – но я все-таки надеялась, что ты приедешь.

– Мне очень жаль, но у нас столько дел, что я вынуждена оставаться в городе, – сказала я, окидывая взглядом свою квартиру, которую даже не позаботилась украсить. Елка для одного человека показалась мне пустой тратой денег.

– Ты собираешься когда-нибудь приехать домой, Джун? – спросила Руби. В ее голосе прозвучали старческие нотки, ломкие и хрипловатые, и это напугало меня. Старость всегда казалась мне чем-то ужасным.

– Даже не знаю, – честно ответила я, утирая непрошеную слезу. По правде говоря, я вообще не знала, вернусь ли когда-нибудь в Сиэтл. Уезжая оттуда, я понимала, что покидаю этот город навсегда. Лора Уайлдер^[2] сказала однажды: «Дом – самое чудесное в мире слово». Но чем старше я становлюсь, тем яснее понимаю, что подобные сантименты не для меня.

Свое детство и юность я провела в Сиэтле. Наша маленькая семейка – мама, Эми и я – постоянно перебиралась с квартиры на квартиру. Надо отдать должное маме: она всегда без труда находила работу. Другое дело, что ей никогда не удавалось задержаться там надолго. Она торговала, работала официанткой, проверяла билеты в кинотеатре, но все это очень быстро заканчивалось. То она слишком часто сказывалась больной, то забывала про свою смену, то опаздывала, то что-нибудь еще... В конце концов она устроилась в маленький магазинчик прямо на нашей улице. Уж

не знаю: то ли ей повезло с начальником, то ли она сделала выводы из собственных ошибок, но с тех пор ее больше не увольняли. В жаркие летние дни мы с Эми сидели на тротуаре напротив магазина и щелкали семечки. Мы разгрызали черные скорлупки и сплевывали шелуху в дренажную канаву у себя за спиной. С приходом покупателей автоматические двери разъезжались в стороны, обдавая нас прохладным от кондиционеров воздухом. В воздухе этом чувствовался аромат бананов и чего-то еще, не менее приятного.

Всю неделю мама усердно трудилась в магазине, а по выходным так же усердно развлекалась – с каким-нибудь очередным парнем по имени Марк, Рик или Мак. Многие из них играли на гитаре, и мама частенько отправлялась послушать их в какой-нибудь из городских баров. В такие дни мы с сестрой, стоя в дверях ванной, наблюдали за тем, как мама укладывает свои длинные волосы. Сначала она искусно подвивала их, а затем взбивала белокурые локоны и зачесывала их назад. Прическа щедро поливалась лаком для волос. Зеленые тени и розовые румяна превращали ее в настоящую красотку. Сбрызнувшись напоследок духами, она исчезала за дверью.

Сладковатый, мускусный аромат духов часами витал в воздухе после ее ухода. Этот знакомый запах утешал меня, когда на улице вовсю бушевала гроза или когда задняя дверь поскрипывала от ветра. Уже в восемь лет я знала, что мне нельзя плакать: нужно было присматривать за сестрой, которой исполнилось всего четыре.

Забравшись на стул, я извлекала из шкафа пачку спагетти и коробку с сырной пудрой. Как все это готовить, я не знала, а потому варила макароны в сырном соусе наугад. Как-то раз я нашла в холодильнике кусок старого чеддера и тоже бросила его в эту смесь. В результате получилось малоаппетитное варево, которое мы с Эми все-таки съедали. Обычно я подавала наш ужин в кружках (тарелки грязной стопкой копились в раковине). Потом мы смотрели телевизор, пока Эми не начинало клонить в сон. Я помогала ей надеть пижаму, укладывала в постель и читала на ночь какую-нибудь книжку. Чего-чего, а книжек в нашем доме хватало – и все благодаря тете Руби. Если бы не она, мы бы и не узнали о тех мирах, которые чудесным образом вмещались в нашу убогую квартирку. Мы спешили за Меделайн по улицам Парижа или готовили тыквенный пирог с Лорой из «Маленького домика в большом лесу». И каждый вечер я читала Эми ее любимую книжку: «Баю-баюшки, луна».

У меня она тоже была любимой. Мне нравилась детская комната с зелеными стенами и полосатыми занавесками, нравилось ощущение любви

и тепла. Пожилая женщина (мать? бабушка? или тетя вроде нашей тетушки Руби?) преданно сидит у постели ребенка. Она не бросает его одного, как делает наша мама. Она просто сидит и вяжет, тихонько покачиваясь в кресле. А в комнате становится все темнее, и вот уже звезды осторожно заглядывают в окно. Сказка, да и только!

Руби ужасно не нравилось, как мама нас воспитывает. Долгие годы она даже не догадывалась, как мы живем на самом деле, поскольку мама многое от нее утаивала. Она бездумно разбазаривала те деньги, которые получала от Руби на нашу одежду и школьные принадлежности (Руби, хоть и небогатая по нынешним стандартам, всегда отличалась большой щедростью). Одно время она тратила их на выпивку и блузки всех мыслимых и немыслимых цветов. Как-то вечером, появившись на пороге нашего дома, Руби застала привычную для нас картину: мама спала в полном отрубеве у себя в спальне, а мы с Эми смотрели телевизор. Руби со слезами на глазах взяла Эми на руки и сжала мою ладошку. «Идемте, девочки, – сказала она. – Больше вы так жить не будете, обещаю вам».

В тот вечер она приготовила нам горячую ванну в своей маленькой квартирке над книжным магазином. Мама, трезвая и присмирившая, появилась лишь через два дня. Женщины спустились вниз, и объяснение, судя по всему, получилось очень горячим. С тех пор жизнь в нашем доме немного изменилась. Мама стала уделять нам больше внимания, а один раз даже сводила нас в зоопарк. Еще мы начали проводить больше времени с Руби в ее магазине. Мы оставались у нее на выходные и спали в ее квартирке пару дней в неделю. Это было замечательное помещение с кирпичными стенами и высокими потолками. Руби, по ее словам, терпеть не могла замкнутых пространств, поэтому свою собственную кровать она поставила в жилой части квартиры, а для нас с Эми устроила маленькую спальню. Мне там очень нравилось. У каждой из нас была своя кровать с чистым бельем и теплым одеялом. Меньше всего мне хотелось возвращаться домой: я жалела, что мы не можем навсегда остаться у Руби.

Она часами читала нам книжки и кормила разными вкусностями. Когда я думаю о «Синей птице», в моей душе поднимается странное волнение. Для середины сороковых Руби была своего рода первопроходцем: это ей принадлежит честь открытия первого на весь район детского магазина. Он появился на проспекте Саннисайд, в паре кварталов от Зеленого озера, и уже очень скоро стал городской достопримечательностью.

Я встаю и быстро направляюсь в спальню. Рука сама тянется к дверце шкафа. Здесь, в самом дальнем углу, притаилась коробка, в которой

хранятся мои детские сокровища: дневник, который я вела в возрасте от десяти до двенадцати; высохший букетик, подаренный мне Джеком Хэдли на выпускном балу; моя книга малыша, в которой мама удосужилась заполнить лишь пару страниц, и пачка детских книжек от тетушки Руби. В восемнадцать, уезжая из Сиэтла в колледж на Восточном побережье, я прихватила с собой один-единственный чемоданчик. Мне ужасно хотелось забрать свои книжки, все до единой, но мама ничуть не жаждала платить за пересылку – даже такую крохотную сумму. Ну а у меня тогда и вовсе не было денег. Вот и пришлось мне ограничиться лишь самыми любимыми. И первой из них стала «Баю-баюшки, луна».

Я осторожно вытаскиваю ее из коробки. Это полноценная книга в твердом переплете, ничуть не похожая на те маленькие книжонки в бумажных обложках, которые продают сейчас в магазинах. Я пролистываю страницы, и сердце у меня сжимается при мысли о том, как крохотные пальчики Эми тыкали в мышонка, прячущегося на каждой страничке. Искать его там было для нас нескончаемой забавой.

Я сажусь на пол и прислоняюсь спиной к высокой кровати. Скоро полнолуние, и луна за окном затмевает своим блеском даже огни города. Я не думаю о работе, которую мне предстоит сделать, и о папках, небрежно выложенных на обеденный стол. Я думаю о Руби, о Сиэтле и той жизни, которая осталась в далеком прошлом.

Я думаю о книжном магазине.

Глава 2

– Ты куда улетаешь? – слышу я в трубке недоверчивый голос Артура. Прошел всего день, а я уже сижу в такси, которое отвезет меня в аэропорт Нью-Йорка. Мой путь лежит в штат Вашингтон.

– В Сиэтл, – нервно повторяю я. – По семейным обстоятельствам. *Неотложным* обстоятельствам.

– Вот оно что! Значит, по семейным обстоятельствам. И что, кто-нибудь умер? В противном случае...

– Да, умер, – отвечаю я.

– Ясно.

– Послушай, – поспешно добавляю я, чувствуя, как мое сердце колотится все быстрее и быстрее. Я судорожно роюсь в сумке и достаю пузырек с таблетками, купленными буквально накануне. Я вытряхиваю оттуда синенькую пилюлю и запиваю ее одним глотком, благо бутылка с водой у меня в руке. – Я постараюсь не задерживаться, обещаю. Максимум неделя. Просто мне нужно уладить кое-что прямо на месте.

Такси уверенно лавирует в плотном потоке машин. Со всех сторон раздаются гудки. Небоскребы сияют неоновыми огнями. В Сиэтле мне будет не доставать напористой энергии Нью-Йорка. Другой вопрос: не вытягивает ли он при этом мою?

– Папки я оставила у Дженис, – добавляю я.

– Понятно, – отвечает Артур. Думаю, он удивлен не меньше моего, ведь за те одиннадцать лет, что я проработала в банке, я ни разу не позволяла себе ничего подобного.

– Я обязательно позвоню, – заверяю я, но Артур слишком ошеломлен, и я кладу трубку, так и не дождавшись ответа.

* * *

Легкий толчок возвещает о том, что мы благополучно приземлились в аэропорту Сиэтла. Я смотрю в окно на город, который покинула много лет назад. Солнце висит над самым горизонтом, озаряя серые дождевые облака. Что и говорить, знакомая картина.

Мой сосед, мужчина лет сорока, вздыхает с нескрываемым облегчением:

– Как хорошо вернуться домой!

– Да, – несколько неуверенно киваю я. На самом деле все шесть часов, проведенные в самолете, я только и размышляла над тем, правильно ли поступила. С одной стороны, в моих ушах звучал голос Артура, который откровенно намекнул на то, что я теряю завоеванные позиции. С другой, мне вспоминались слова доктора, который настоятельно рекомендовал мне «сбросить темп» и «взять отпуск». Но главной все же оставалась мысль о Руби.

Я машинально кладу руку на грудь, пытаюсь унять бешеное сердцебиение.

– Тоже живете в Сиэтле? – Голос соседа вытягивает меня из внутреннего диалога.

– Нет, – качаю я головой. – Жила когда-то. Давным-давно.

Он кивает и вытаскивает из-под сиденья свою сумку.

– Лучший город на земле. – Он с наслаждением расправляет плечи. – Чувствуете?

– Что именно? – в замешательстве переспрашиваю я.

– Здесь нет такого прессинга, который чувствуется в других городах, – поясняет он. – Только в Сиэтле можно ощутить настоящий покой.

Я вежливо киваю и напрочь забываю о его словах до тех пор, пока такси не высаживает меня перед книжным магазином. Вдохнув поглубже, я вдруг ощущаю тот самый покой, о котором толковал мне незнакомец в самолете. А может, это наконец-то подействовала таблетка от давления.

Магазин, на мой взгляд, мало изменился – разве что слегка постарел (как и я сама). На кирпичном фасаде облупилась штукатурка, а белые ставни явно нуждаются в покраске. Над дверью, впрочем, по-прежнему гордо красуется вывеска:

СИНЯЯ ПТИЦА

МАГАЗИН ДЛЯ ДЕТЕЙ

ОСНОВАН В 1946

Я вытаскиваю из сумки конверт, в котором лежит ключ. Адвокат не поленился передать его мне. Когда мы беседовали по телефону, он рассказал, что Руби долго болела перед смертью. Магазин не работал около

полугода, а то и больше.

– Руби уже не справлялась с делами, – пояснил он. – Но она старалась держаться до самого конца.

При мысли об этом у меня что-то сжалось в груди. Пальцы рук снова закололо иголочками.

– Мисс Андерсен, – донесся до меня голос адвоката, – с вами все в порядке?

– Да. – Я принялась судорожно рыться в сумочке в поисках очередной таблетки от давления.

И вот теперь я вставляю ключ в медный замок и толкаю дверь, которая поскрипывает и позвякивает под моим напором. Мне тут же вспоминаются колокольчики, которые тетушка Руби привязывала к дверной ручке, и на лице у меня появляется улыбка. Рождественские колокольчики, так она их называла. Руби всегда умела превратить обыденное в волшебное. Продолжая улыбаться, я закрываю за собой дверь и прохожу в старый магазин.

Мои каблучки постукивают по деревянному полу, а комната вдруг теряет ясность очертаний. Все дело, должно быть, в слезах, которые так некстати подступили к глазам. Вот стол тетушки Руби, заваленный папками и бумагами. Здесь же, в опасной близости от телефона, висится стопка книг. Руби решительно отказывалась менять этот старый черный аппарат на более современный. Рядом со столом расположился кукольный дом в викторианском стиле. Наклонившись, я поднимаю крохотный диванчик, который случайно вывалился на пол. Мы с сестрой часами играли с ним в детстве, представляя тот волшебный мир, в котором у нас были собственные спальни и много красивой одежды. Но главное, что у нас была мама, которая никогда не бросала своих детей – то есть нас с Эми. Я смахиваю с крыши домика слой пыли и расставляю мебель в библиотеке по собственному усмотрению: диванчик справа, а столик слева. Так остается достаточно места для рождественской елки. Руби всегда украшала ее перчинками, которые собственноручно красила в красный цвет.

Я провожу ладонью по изумрудно-зеленой стене магазина. Оттенок сосновой хвои, так называла это Руби. Краска кое-где облупилась, но со стороны этого не заметно, потому что по стенам развешаны фотографии и картины в рамках. Корова, прыгающая через луну, висит бок о бок с черно-белым снимком Роальда Даля^[3], который подписал его для тети: «Маленьким посетителям этого магазина: никогда не переставайте мечтать».

Я решительно раздергиваю старые шторы в желто-зеленую полоску.

Когда-то они выглядели на редкость роскошно, но со временем превратились в простые занавески, выцветшие от солнца и потрепанные по краям. Как-то раз тетушка Руби показала мне фотографию циркового шатра в оранжево-белую полоску. Он-то и натолкнул ее на мысль сшить такие шторы. Я щелкаю выключателем, и хрустальная люстра над головой силится разогнать вечерний мрак. Там явно не хватает лампочки (может, даже не одной). Надо будет поскорее вкрутить туда новые.

По черной лестнице я поднимаюсь в квартиру Руби, которая находится прямо над магазином. Благодаря голым кирпичным стенам и высоким потолкам это маленькое помещение выглядит как-то просторно и благородно. И хотя я знаю, что прошло уже несколько месяцев со смерти Руби, жилье не кажется опустевшим. Такое чувство, что она только-только позавтракала и пошла прогуляться у Зеленого озера. Тостер по-прежнему включен в розетку, на плите стоит чайник, а из крана тихонько капает вода.

Сквозь открытую дверь я разглядываю комнату, в которой когда-то ночевали мы с Эми. У стены, как и прежде, стоят две кровати. Фарфоровая лампа несет стражу на столике красного дерева. Я осторожно пробираюсь к постели Руби, прокладывая путь между грудой коробок и стопками книг, которые высятся тут чуть ли не в мой рост. Кровать аккуратно застелена бархатным покрывалом малинового цвета. На покрывале ни единой складочки, будто хозяйка квартиры поджидала гостей. Моя рука скользит по мягкой ткани, порядком вытертой по самому центру: Руби частенько устраивалась прямо на постели с книжкой в руках. Она делала это едва ли не каждый вечер после пяти, когда закрывала свой магазин. Так она коротала время до ужина, за который садилась только в восемь.

Я смотрю на хорошо знакомую мне диванную подушку, и глаза у меня наполняются слезами. Когда мне было десять, я вышила на ней розу и подарила Руби на день рождения. И все эти годы она бережно хранила ее. Каждый день, просыпаясь и ложась спать, она первым делом смотрела на эту подушку. Интересно, вспоминала она при этом обо мне? Ну а сама я, так уж получилось, покинула Руби, как и все свое прошлое, когда уехала из Сиэтла. Сердце у меня сжимается от боли, и я не в силах больше сдерживать эмоции. «Ох, Руби», – всхлипываю я. Мой взгляд падает на ночной столик, на котором расположились шкатулка из красного дерева, наша с Эми фотография и овальный медальон на золотой цепочке. Руби все время носила его на шее. Мы с Эми частенько допытывались, что она прячет внутри, но Руби лишь загадочно улыбалась и повторяла: «Вот повзрослеете...» Но нам так и не довелось узнать, что же за тайны хранил этот медальон.

Я беру цепочку и застегиваю ее у себя на шее. Нет-нет, я не стану открывать медальон – я этого не заслужила. Я просто буду носить его, чтобы он все время напоминал мне о Руби. Сохраню его содержимое втайне от всех – и от себя в том числе.

Как и Руби, я прячу медальон под свитер и только тут замечаю конверт, лежащий на столике рядом со шкатулкой. «Для Джун», – написано на нем рукою Руби. Я опускаюсь на постель и открываю конверт.

Милая Джун,

если ты читаешь эти строки, значит, меня уже нет в живых. Я чувствую, что конец недалек, а потому постаралась подготовить это место для тебя. Меня отправляют в дом престарелых. Меня – в дом престарелых! Можешь себе такое представить?

Я так и слышу при этом ее шутливый тон. На глаза вновь наворачиваются слезы.

Но откладывать больше нельзя, так мне сказали. Я привела в порядок кухню, а постель застелила чистым бельем. Прости, что пол в ужасном состоянии. Просто в эти дни мне трудно расставаться с прошлым, и я стараюсь сохранить все, как было раньше. Я буду только рада, если ты захочешь остановиться здесь. Чувствуй себя как дома. Да это и есть твой дом, Джун.

Этот магазин с самого начала предназначался тебе. Видишь ли, детка, у нас с тобой много общего во взглядах на жизнь и на жизненные ценности. Я знала это уже тогда, когда ты была совсем крошкой. Твоя сестра могла часами забавляться с куклами, ты же сидела у окна с книжкой в руках, с головой погружившись в эту волшебную реальность. Ты так же сильно любила книги, как и я. Надеюсь, ты и по сей день не утратила тягу к литературе и предвкушение все новых и новых открытий.

Что и говорить, я сильно расстроилась, когда ты уехала из Сиэтла. Но я понимала, что это необходимо: тебе нужно было расправить крылья и взлететь. И это тебе удалось. Жаль только, что ты не заглядывала время от времени домой, ведь я так сильно по тебе скучала.

Не сомневаюсь, что ты будешь любить наш магазин и заботиться о нем так же, как это делала я. Правда, перед тобой будет стоять нелегкая задача. Дети уже не читают книги запоем, как это было раньше. Боюсь признаться, но мне

кажется, что любовь к книге умирает. Детская литература находится сегодня в критическом состоянии. Даже самые преданные мои читатели не способны устоять перед соблазном такой вещи, как Интернет. Два года назад ко мне частенько заглядывали мальчик Стюарт и его мать Джинни. Когда я начинала читать вслух, он слушал меня как замороженный. Было видно, что воображение открывает перед ним иную реальность. Но потом он стал приходить все реже и реже. А прошлым летом, когда мать снова привела мальчика в магазин, я сразу заметила, что искорка в его глазах угасла. Все, что его интересует в эти дни, пожаловалась мне Джинни, – это фильмы и видеоигры. Неудивительно, что книги уже не затрагивают его воображения, как это было раньше.

Я сделала все что могла. Все, на что была способна. И теперь я оставляю магазин в твоих руках. Что за детство без сказок и историй? И как смогут дети полюбить сказки без книжных магазинов? Компьютер тут не помощник.

Я знаю, будет непросто удержать «Синюю птицу» на плаву. Но я верю в тебя, Джун. Если кто и сможет спасти магазин, то только ты.

Я оставляю тебе этот замечательный магазинчик со всеми его секретами. А их тут, поверь, не так уж мало.

Как сказала однажды Беатрис Поттер^[4]: «Истинное блаженство состоит в том, чтобы сохранить детскую непосредственность, дополнив ее знанием и здравым смыслом».

Именно это ты и найдешь здесь, мое дорогое дитя.

С искренней любовью,

твоя тетушка Руби.

Я со вздохом прижимаю письмо к груди. Она хочет, чтобы я спасла магазин. Но как?! Я живу и работаю в Нью-Йорке. Я не могу перебраться в Сиэтл. И мне не по силам спасти магазин.

В моих ушах раздается голос Руби: Конечно, по силам, детка.

И на какое-то мгновение я ей даже верю.

Глава 3

На следующий день я просыпаюсь в постели Руби в пять утра. По нью-йоркскому времени было бы уже восемь. Я тут же принимаюсь пилить себя за то, что поленилась и не встала вовремя. При других обстоятельствах я бы уже давным-давно была на ногах. На этот момент я бы успела пробежать шесть миль, принять душ и устроиться за рабочим столом с телефоном в одной руке и компьютерной мышкой в другой (каждое утро я начинала с просмотра почты).

Я быстро встаю, подгоняемая мыслью о собственной матери, которая любила спать допоздна. Допоздна – это до самого обеда. Мы с сестрой никак не могли ее разбудить. Обычно мы ложились рядом на постель и наблюдали за тем, как она дышит – просто чтобы убедиться, что она еще не умерла. После очередной вечеринки от нее обычно пахло вином и сигаретами. Частенько в постели с ней спал какой-нибудь мужчина, что нам с Эми дико не нравилось. Как-то раз мы взяли несмываемый маркер и нарисовали одному парню усы над верхней губой. Он проснулся с таким похмельем, что ничего не заметил, и молча скрылся за дверью. Больше мы его не видели, но я частенько представляла себе, как он ловит свое отражение в какой-нибудь из витрин, а потом пытается оттереть черную полосу. При мысли об этом я до сих пор начинаю хихикать.

На самом деле трудно винить маму в таком поведении. Ее собственная мать, старшая сестра тети Руби, умерла, когда маме было всего тринадцать. На тот момент Руби ни разу не встречалась со своими племянниками и племянницами, поскольку Люсиль, ее сестра, решительно возражала против подобных встреч. Это отчуждение между сестрами началось давным-давно, когда перед родителями девочек, людьми небогатыми, встала дилемма, кого из сестер отправить учиться. И выбор их пал на Руби.

Внезапная смерть Люсиль привела к тому, что моей маме пришлось самой заботиться о младших братьях и сестрах. Отец ее работал сутками напролет, так что от него почти никакой поддержки не было. Как-то раз я подслушала разговор между мамой и тетушкой Руби. «Я понимаю, Джанет, – говорила Руби, – что тебе не хочется быть матерью, ведь тебе с юных лет пришлось играть эту роль. Но у тебя две девочки, которые целиком и полностью от тебя зависят. Постарайся для них хотя бы немножко, ладно?»

В то время я часто размышляла об отношениях Руби с Люсиль. Мне

казалось просто ужасным, что между сестрами может возникнуть стена отчуждения. И вот... то же самое случилось и со мной. Я невольно ежусь при этой мысли и тороплюсь переключиться на более насущные проблемы.

Часы на стене громко отсчитывают секунды, я одеваюсь для утренней пробежки. Футболка с длинными рукавами удачно дополняет спортивные брюки. Солнце уже взошло, и в окно мне хорошо видно, как над Зеленым озером клубится туман. Что ж, пришло время немного размяться.

Зашнуровав кроссовки, я спускаюсь по лестнице в магазин. Здесь меня встречает недовольное шипение радиатора. Я с улыбкой вспоминаю те зимние вечера, когда грела о него озябшие ладони.

Дверь привычно звякает, и я выхожу на улицу. Над головой пронзительно покрикивают чайки. Напротив находится магазин игрушек, у дверей которого стоит его хозяйка – с коробкой в одной руке и сумкой в другой. Я вежливо улыбаюсь, но женщина хмурится и быстро исчезает в дверном проеме. *Странно. Может, правда она меня не узнала.* Руби частенько водила нас в этот магазинчик. Игрушки никогда не значили для меня так же много, как для Эми, но мне нравилось смотреть, каким счастьем озаряются глаза сестренки, когда она оказывается в окружении кукол Барби.

Стараясь не думать об этой нечаянной встрече, я начинаю потихоньку разминаться. Улица выглядит такой же, как и в былые времена. Вон там – хозяйственная лавка и кафе. Несколько человек уже потягивают за столиками утренний эспрессо. Напротив, как я уже сказала, магазин игрушек. На углу улицы – канцтовары. Мы с Эми покупали там наклейки на те монетки, которыми так щедро снабжала нас тетушка Руби. Единственным сюрпризом оказывается для меня итальянский ресторан, расположившийся по соседству с «Синей птицей».

Я разглядываю зеленый навес, на котором написано название этого местечка: «Антонио». Клетчатые скатерти на маленьких столиках, подсвечники в виде бутылок из-под «Кьянти». Кажется, постой я тут пару секунд, и смогу ощутить выплывающий из кухни запах чеснока.

Солнце, как это всегда бывает в Сиэтле, медленно всплывает над городом. Подышав на руки, чтобы согреть озябшие пальцы, я начинаю утреннюю пробежку. Первым делом я сворачиваю на улицу, которая ведет прямо к озеру. Мне она запомнилась скоплением прохожих, собак, детишек и велосипедов, но сейчас здесь царит абсолютная тишина. Только пробежит время от времени человек в спортивном костюме да мелькнет случайный велосипедист.

Пробежав первый раз вокруг озера, я захожу на вторую петлю. Влажный майский воздух приятно холодит лицо. Весна встречает меня обилием цветов: нарциссы, тюльпаны и какие-то незнакомые мне растения тянут вверх разноцветные головки. Малиновка в парке поклевывает ветку. При виде птички я невольно улыбаюсь: мне вспоминается то время, когда мы с сестрой нашли у озера птичье гнездо. Как замороженные разглядывали мы четыре голубых яичка, пока мимо не проехала мама в машине своего приятеля. Она помахала нам, приглашая устроиться на заднем сиденье. Перед тем как уехать, я пристроила гнездо на ветке соседнего дерева. Мы так и не узнали, уцелели ли наши птички: пару недель спустя, когда мы с Эми вернулись к озеру, гнездо оказалось пустым.

Завершив еще один круг, я присаживаюсь на скамейку перед лодочным домиком. Мои мысли вновь возвращаются к Эми. С сестрой мы не разговаривали уже пять лет, да мне и сказать-то ей нечего. Но я ненавижу это ноющее чувство, которое охватывает меня всякий раз, когда я думаю о ней. С какой стати мне тосковать из-за человека, который меня предал?

Какой-то мужчина выбирается из лодки на причал. Привязав ее, он смотрит в мою сторону и приветливо улыбается. Я быстро отворачиваюсь, после чего встаю и спешу по тропинке к ближайшей улице. У меня нет ни времени, ни желания на пустую болтовню. Краем уха я слышу, что мужчина шагает следом, и, когда мы останавливаемся на перекрестке, он снова улыбается мне.

– Приятный денек, – замечает он. Я украдкой окидываю его взглядом. Высокий, с темными, слегка вьющимися волосами. На висках блестят капельки пота. Как и на большинстве местных парней, на нем красуются шорты до колен и мягкая фланелевая рубашка.

– Да, – сухо киваю я.

Миновав перекресток, мы оба направляемся в сторону Саннисайд-авеню, и на лице незнакомца вновь расцветает улыбка.

– Похоже, нам по пути, – кивает он на кафе Джо, которое находится как раз на углу.

– Видимо, так, – отвечаю я с некоторой опаской.

Он распахивает передо мной дверь, и я захожу внутрь, где меня окутывает аромат кофе и подогретого молока.

Я заказываю себе двойной американо, то же самое делает и мой спутник.

– Раньше я не встречал вас у озера, – замечает он как будто между прочим.

– Я тут не живу. Так... приехала в гости.

– Тогда добро пожаловать. – Он протягивает мне руку. – Меня зовут Гэвин.

– Джун. – Я осторожно сжимаю его ладонь. От нее исходит ощущение силы и теплоты, и я разжимаю руку чуть позже, чем следовало бы.

– Ну ладно, – поднимаюсь я с места, – приятно было познакомиться.

– Пойдите. – Он тоже спешит к двери. – Давайте я провожу вас... к вашему дому.

Я с улыбкой пожимаю плечами.

– Да тут совсем рядом. Моя тетя недавно умерла и оставила мне в наследство свой магазин, – киваю я в сторону книжного.

Видно, что Гэвин ошеломлен этим известием.

– «Синюю птицу»? – спрашивает он.

Я киваю.

– Вот оно что... я и не знал, что Руби умерла. Думал, она еще в доме престарелых. Это печальная новость. Искренне вам сочувствую.

– Спасибо, – говорю я.

– Наверняка она была о вас очень высокого мнения, раз оставила вам этот магазин, – продолжает Гэвин. – Если не ошибаюсь, он работает уже лет пятьдесят?

– Больше. Этой осенью ему исполнится шестьдесят пять.

Я отдаю себе полный отчет в том, что к осени, при удачном стечении обстоятельств, я навсегда распрощаюсь с магазином. Конечно, это не то, чего бы мне хотелось. Но единственное, что способно хоть как-то оправдать себя с финансовой точки зрения, – продать это место застройщику. А уж он-то использует его по полной. Разумеется, я не собираюсь сообщать об этом Гэвину. Пока что я никому не хочу говорить о своих планах. Но я – реалист и прекрасно понимаю, что не смогу содержать книжный магазин. Я не могу позволить себе разбрасываться. Надо забыть про письмо тетушки и сделать так, как я поступаю у себя на работе: если бизнес дает крен, с ним нужно расстаться.

– А я – хозяин этого итальянского рестораника, – замечает Гэвин. – Того, что по-соседству с вами.

– Замечательно, – киваю я.

– Вы могли бы отметить у нас юбилей вашего магазина. Конечно, если вам захочется это сделать.

Я вежливо улыбаюсь в ответ. То ли это обычное проявление любезности с его стороны, то ли попытка заключить выгодную сделку.

– Мне нравится итальянская еда, – замечаю я с некоторой

нервозностью. – Но я не уверена... видите ли, надо еще столько сделать...

– Если вам что-то потребуется, – улыбается он, – то вы знаете, где меня найти.

– Спасибо. – Я торопливо поворачиваюсь к входной двери в магазин.

Закрыв за собой дверь, я опускаюсь в одно из серых кресел, которые стоят у окна. Как в детстве, я обхватываю колени руками и бросаю взгляд на ряды книжных полок. И перед глазами у меня тут же всплывает страница из прошлого.

Вот тетушка Руби, седые волосы которой аккуратно подстрижены до плеч. На лице красуются очки в темной оправе. Она до сих пор очень привлекательна – в таком утонченно-литературном стиле. Руби пытается заинтересовать Эми книжкой, правда, без особого успеха. Эми года четыре (может, и пять). У нее по-детски пухлые щечки и веселые хвостики на голове. Она в платьишке и вязаных колготках, которые порвались на одной коленке. Эми прижимает к себе куклу с желтыми волосами и грязным пятном на щеке. Руби открывает перед ней «Там, где живут чудовища»^[5]. Забавная книжка, как и сама Эми. Я уже привыкла к тому, что сестра часто капризничает и у нее все время меняется настроение. Даже мама боится ее. Я думаю так, потому что всякий раз, когда Эми заливается слезами, мама только что в обморок не падает от расстройства.

Эми решительно отталкивает книжку, но Руби не оставляет попыток заинтересовать ее. Она открывает перед сестренкой страницу, на которой нарисован маленький мальчик. Он ужасно вел себя с мамой и потому отправился спать без ужина. Эми это должно быть понятно, поскольку прошлым вечером мы тоже не ужинали. Утром, когда мама высадила нас перед книжным по пути на работу, нам обеим ужасно хотелось есть. Руби накормила нас сэндвичами с арахисовым маслом, и мне показалось, что ничего вкуснее я в жизни не ела.

– Хочешь, я почитаю с тобой? – говорю я Руби, когда сестренка сбегает к кукольному домику. – Эми не очень-то любит книжки, – добавляю я с виноватой улыбкой.

Руби торжественно открывает лежащую у нее на коленях книгу.

– Она непременно полюбит их со временем, – говорит тетушка. – Даже не сомневаюсь. Ну что за жизнь без историй?

Теперь-то я понимаю, что она имела в виду, и сердце у меня падает при мысли о том, что я уже не помню, когда читала в последний раз; не помню, когда погружалась в тот воображаемый мир, который так увлекал меня когда-то. Если бы об этом узнала тетушка Руби, она точно пришла бы в ужас.

Я вновь вспоминаю ее прощальное письмо. Руби упомянула в нем о каких-то тайнах. *Я оставляю тебе этот замечательный магазинчик со всеми его секретами. А их тут, поверь, не так уж мало.*

Что это за секреты? И почему она хочет, чтобы я их узнала?

Руби мало рассказывала о своей личной жизни. Насколько мне известно, она ни разу не влюблялась. И хотя мужчины не раз проникались к ней чувством, она предпочитала держать их на почтительном расстоянии. Я снова бросаю взгляд на книжные полки, и в этот момент, подмигнув на прощание, перегорает еще одна лампочка у меня над головой.

«Руби, что я должна тут найти?» – произношу я вслух.

Внезапно мне приходит в голову упоминание о Беатрис Поттер. Попетляв между шкафами, я останавливаюсь у полки, на которой стоит несколько томов Поттер. Я вытаскиваю старое издание «Сказки о кролике Питере», и оттуда с шелестом выпадает пожелтевший конверт. Письмо адресовано Руби. В строке обратного адреса указано: «М.У.Б, 69 Банк-стрит, Нью-Йорк».

Глава 4

Я вынимаю из конверта несколько исписанных листков и всматриваюсь в незнакомый почерк.

1 февраля 1946 г.

Дорогая Руби,

я очень по тебе скучаю. Весна уже близко, я чувствую это всем своим существом. Представляю, как чудесно выглядит Сиэтл, когда крокусы только начинают пробиваться из холодной земли. Вчера в Ист-Виллидж я обнаружила целую полянку этих цветов (правда, немного потоптанных). Я собрала небольшой букетик и поставила его в вазочке на подоконник, но уже к вечеру он завял. Жаль, что всему хорошему в этой жизни рано или поздно приходит конец.

Я так рада, что нам удалось сохранить нашу дружбу. Если уж на то пошло, мы и подружались-то по чистой случайности, когда ты была моей ученицей в группе литературного творчества. До сих пор с ужасом вспоминаю всех этих учителей из колледжа «Дана Холл». Сама я никогда не вписывалась в их компанию. Даже не знаю, с чего вдруг я решила попробовать счастья в преподавании? Должно быть, под влиянием матери. Все мои практические поступки – результат ее внушений. Счастье еще, что я познакомилась в этом колледже с тобой, а то точно умерла бы там от скуки.

Мы еще поклялись тогда, что в случае если нам удастся пережить этот год (тебя донимали нудные занятия и тоска по дому, меня – попытки самоутвердиться в качестве профессионала), то сядем на пароход и поплывем в какое-нибудь экзотическое место. Например, на Мадагаскар (а можно ли, кстати, доплыть туда на пароходе?). Пожалуй, именно в этом я и нуждаюсь сейчас больше всего. Пора уже сменить обстановку – может, хоть это позволит мне оживить мою музу. Нью-Йорк в последнее время навевает на меня только тоску. Уж очень здесь все серьезные.

Точно, мне нужно отправиться в путешествие. Если уж не на Мадагаскар, то хотя бы в Сиэтл. Я уже не первый год

обещаю тебе приехать. Может, этим летом мне удастся наконец вырваться?

Ты мне гораздо ближе, чем моя родная сестра. В детстве мы с Робертой были не разлей вода, но когда повзрослели, наши пути разошлись. Дети и замужество стали смыслом ее существования. Не могу сказать, что она выставляет это напоказ, но в глубине души, я думаю, она не одобряет моего образа жизни. Мы уже не смеемся при встречах, а разговоры наши сводятся к самым банальным вещам. Боюсь признаться, но Роберта, похоже, становится копией нашей матери.

А как ты, ладишь с сестрой или не очень? Ты почти не упоминаешь о ней в своих письмах. На следующей неделе я пригласила Роберту к себе на обед – не хочу окончательно рвать родственные связи. Потом расскажу тебе, как все прошло. Она из тех, кто не одобряет спиртное, так что придется мне спрятать на время свою коллекцию ликеров.

Если говорить о работе, то у меня, как это ни печально, начался застой. Я судорожно хватаюсь то за одну идею, то за другую, но всякий раз, когда мне кажется, что я уже близка к цели, все исчезает в мгновение ока. Мое вдохновение как капризный крольчонок, который исчезает за ближайшим углом, оставляя меня с пустыми руками.

Странная ситуация, что и говорить. Многие считают – и вполне справедливо, – что я уже сделала себе имя. Я успела опубликовать десятки детских книжек (и еще больше находится в работе). Казалось бы, я должна чувствовать удовлетворение от достигнутого. Так нет же, ничего подобного. Хочется верить, что лучшая история у меня еще впереди. Другое дело – и в этом моя главная проблема, – что я не могу знать этого наверняка. А вдруг я ошибаюсь?

Поверь, я не собираюсь донимать тебя своими проблемами. Просто рада, что могу хоть с кем-то поговорить о своей работе.

На прошлой неделе я получила письмо от матери. Она спрашивает, как у меня сейчас с финансами. Узнала, должно быть, о том, как я потратила свой последний чек. Что ж, покупка целой тележки с цветами была не самым разумным из моих решений, зато никогда еще у меня не было такой роскошной вечеринки. Как жаль, что ты этого не видела! Я

усыпала ковры лепестками роз и белых лилий, а свободные места выстелила орхидеями. А в раковине одно время высилась целая охапка роз! Можешь себе представить?

Что ж, живем мы только раз. Этим все сказано.

У меня новый кавалер. Красивый, богатый, а во фраке так просто неотразим. Не могу сказать, впрочем, что он так уж много для меня значит. Мы замечательно смотримся в паре друг с другом, но на этом, пожалуй, все и заканчивается.

Как поживает Энтони? Если я когда-нибудь соберусь написать роман, это будет история о вас двоих – такая печальная и в то же время волнующе прекрасная. Расскажи мне, что у вас нового, а то я просто умираю от любопытства. Поверь, я буду с жадностью поглощать каждое твое слово.

Твоя Брауни.

Я спешно дочитываю последние строки. Брауни. М.У.Б. Сгорая от нетерпения, я спешу наверх и вытаскиваю из сумки свой ноутбук. Что у нас тут с беспроводным Интернетом? Есть один слабый сигнал: «WiFi ресторана “Антонио”». Вряд ли тот парень, с которым я познакомилась сегодня утром, будет возражать, если я воспользуюсь его сетью. Пароля на Интернете нет, и я быстро открываю Гугл. Глядя на письмо, я набираю в поисковой системе «М.У.Б», «Брауни» и «69 Банк-стрит». Результат превосходит все мои ожидания. Судя по всему, тетушка Руби была близкой подругой известной писательницы Маргарет Уайз Браун^[6], перу которой принадлежат «Баю-баюшки, луна», «Как зайчонок убежал» и сотни других детских сказок. Руби никогда не упоминала об этой дружбе – но почему? И зачем она вставила в свое письмо цитату из Беатрис Поттер? Чтобы направить меня на верный след?

Я тут же вспоминаю, как тетя Руби каждый год устраивала для нас с Эми поиски пасхальных яиц. Она прятала их под полками и за книгами, и каждое яйцо сопровождалось подсказкой, которая вела нас к новой цели.

Без сомнения, у нее была важная причина оставить мне это письмо. Я спускаюсь вниз и начинаю запихивать на полку «Кролика Питера», как вдруг замечаю внутри что-то необычное. Оказывается, я проглядела второе письмо – на этот раз от Руби к Маргарет.

8 февраля 1946 г.

Дорогая Маргарет,

ты даже представить себе не можешь, каким утешением стало для меня твое письмо. Так радостно сознавать, что я – не единственная в этом мире, кто чувствует себя порой белой вороной. Как и я, ты пытаешься всеми силами приспособиться к окружающей действительности и от этого становишься мне только дороже. Если мы не в состоянии оставаться собой среди друзей, то как вообще мы сможем понять, кто мы такие?

Или взять, к примеру, наших сестер. Оказывается, у нас с тобой даже больше общего, чем мы предполагали. Мои отношения с Люсиль иначе как ледяными и не назовешь. Денег у наших родителей едва-едва хватало на то, чтобы дать образование только одной из нас, и они выбрали меня. Я всегда была книжным червем, тогда как Люсиль часами забавлялась с куклами. И выбор их был очевиден: Руби надо отправить в школу, а Люсиль оставить дома. Разумеется, сестра простила родителей (упокой, Господи, их душу), но так и не смогла простить меня. Я чувствую это всякий раз, когда нам приходится встречаться.

Моя сестра, как и твоя, предпочла жизнь домохозяйки. Она вышла замуж и обзавелась детьми, отдавая все свои силы заботам о семье. Ей нравится такая жизнь, и я за нее искренне рада. Жаль только, что она не в силах порадоваться за меня. Похоже, я всегда буду вызывать у нее одно лишь недовольство. Она заглянула ко мне на прошлой неделе и пришла в неопиcуемый ужас при виде того, что у меня дома нет ни кофе, ни чая, ни чего-нибудь съестного. Надо сказать, что я обычно покупаю сэндвич по дороге с работы и съедаю его прямо в трамвае. Люсиль заявила, что я веду «примитивный» образ жизни. Подумать только, примитивный!

Да, Люсиль меня порядком раздражает, но я стараюсь не забывать о том, что когда-то мы были с ней по-настоящему близки. А вдруг нам когда-нибудь удастся восстановить эту связь? И почему только отношения с сестрами должны перерасти в такую проблему! Я уверена, что если бы мы с тобой были родственниками, то никогда бы не спорили из-за подобной чепухи. Обязательно напиши, как пройдет твой обед с Робертой, хорошо?

Ты спрашиваешь меня об Энтони, и я с готовностью переключаюсь на эту тему. В самой мысли о нем есть что-то

волшебное. Трудно представить, что прошло уже два месяца с тех пор, как мы встретились с ним в книжном магазине, где я сейчас работаю. В прошлом письме я вкратце описала тебе нашу встречу, но сейчас напишу обо всем подробнее – тем более что это доставляет мне такое удовольствие!

По своему обыкновению, я была в детской секции – разбиралась там с подборкой книг, которая могла бы быть и более значительной (но об этом в следующий раз). В этот момент в магазин вошли Энтони и его дочь Мэй. Сначала я заметила ее: девочку в изящном розовом пальтишке и стильных кожаных перчатках. Ее волосы вились темными кудряшками. А потом я подняла голову и увидела Энтони.

Не знаю, Брауни, как бы поточнее описать это тебе, но в тот момент, когда наши взгляды встретились, мир словно бы замер в своем вращении. Потом заговорила его дочь, и все опять стало как раньше.

– А у вас есть «Жалкий маленький щенок»? ^[7] – спросила Мэй. Даже по тону было заметно, что эта девочка привыкла находиться в центре внимания.

– Да. – Я проводила ее к полке, на которую незадолго до этого выставила несколько новых томиков. – Прошу, – вручила я ей один из них.

– Папа, – обратилась она к мужчине, – я сяду и почитаю, а ты пока займись покупками.

– Хорошо, Мэй, – ответил он, вновь поворачиваясь ко мне.

Так мы и стояли в окружении детских книжек, даже не зная, с чего нам начать.

Когда же мы заговорили, то сделали это одновременно.

– Я – Энтони Магнусон, – представился он.

– А я – Руби Крейн.

Разумеется, я уже слышала это имя. В нашем городе все знают семейство Магнусонов. К их числу принадлежит немало известных политиков, бизнесменов и общественных деятелей. Но Энтони не очень-то вписывался в эту категорию. Мне хватило одного взгляда, чтобы понять, что мы с ним родственные души. Мы все говорили и говорили – главным образом о книгах (Энтони тоже любит читать), пока не вернулась Мэй.

Вот, собственно, и все. Мы расстались, а дальнейшее, я

думаю, ясно тебе и без слов. Я порасспрашивала знакомых и выяснила, что Энтони женат на особе из высшего света, Виктории Герхардт Магнусон. Если люди не врут, то денег у нее больше, чем у самого Господа Бога. Собственно говоря, ее состояние и спасло Магнусонов от финансового краха. Думаю, поэтому-то Энтони и женился на ней. Если верить слухам, союз их во многом был тщательно подготовленной сделкой.

Девушка, которая работает в нашем книжном, как-то раз доставляла Виктории покупки. Та отнеслась к ней с ледяным высокомерием и даже спасибо не сказала. На мой взгляд, из Энтони и Виктории такая же пара, как из кошки с собакой. Она – жесткая и холодная, он – добрый и мягкий. Боюсь, он ужасно несчастлив в этом браке, но кто я такая, чтобы вмешиваться? В конце концов, он клялся своей невесте перед алтарем.

И все же, когда Энтони заходит в магазин, я становлюсь сама не своя от счастья. Стыдно сказать, сколько раз за день я с надеждой смотрю в сторону открывающейся двери. Надо отдать ему должное, он старается приходить как можно чаще – и с Мэй, и один. Больше всего мне нравится, когда он заглядывает к нам один прямо посреди рабочего дня (его офис – а он владеет мануфактурной компанией – находится в паре кварталов от магазина). Его дочка явно унаследовала характер матери и общается с ним в приказном тоне: «Папа, мне нужно это» или «Папа, я хочу то». И все же я сочувствую бедняжке. Похоже, она ужасно несчастна, несмотря на все свое богатство. Если бы я могла хоть как-то достучаться до нее, выказать ей интерес и симпатию, на которые так скупа ее мать, может, она бы и изменилась.

Ах, Маргарет, как бы мне хотелось, чтобы все было иначе! Что ни говори, а такого, как Энтони, мне уже не найти. Даже в моменты наших кратких встреч в магазине меня не покидает ощущение, что я знаю этого человека всю свою жизнь.

Но, как ни крути, а все упирается в его брак с Викторией. Во вторник вечером любопытство мое пересилило: надев пальто, я поехала на трамвае к дому, где живет Энтони. Ты даже представить себе не можешь всю роскошь этого места – она буквально бьет через край. И все же нетрудно понять, что дом этот – дело рук Виктории, а не Энтони. Сам бы он ни за

что не поселился в таком особняке.

В зале ярко горел свет, и в окно я увидела Викторию. Для меня стал полной неожиданностью тот факт, что женщина эта по-своему очень привлекательна: резкие черты лица, черные как смоль волосы. На фоне ее изысканного наряда моя скромная юбка показалась мне совсем невзрачной.

В этот момент в комнату вошел Энтони. Он положил руку жене на плечо, и в моей душе все оборвалось: нестерпимо было видеть, как он прикасается к ней. Тут-то я и поняла, что влюблена в него без оглядки.

Ничуть не удивлюсь, если ты осудишь меня или вовсе проникнешься презрением. Да, я люблю женатого мужчину. Ну вот, я все тебе рассказала.

Не знаю, что из этого получится и получится ли вообще что-нибудь. Но я чувствую, что влюбляюсь все сильнее и сильнее. Боюсь, и с Энтони происходит то же самое.

Надеюсь, я не успела измучить тебя своими признаниями. Ах, Маргарет, твой ум всегда преобладал над чувствами к мужчинам. Как бы мне хотелось, чтобы и я могла контролировать свое сердце!

Ладно, пора заканчивать. Завтра моя очередь открывать магазин, так что я должна встать пораньше.

Ах да, Мадагаскар – это здорово! А Сиэтл еще лучше.

С любовью, Руби.

P.S. Я в восторге от того, что ты потратила весь свой чек на цветы. Просто счастье, что я могу называть тебя своей подругой.

Слезы застилают мои глаза, мешая прочесть последние строки. Выходит, Руби была влюблена, а я об этом ничего не знала, даже и не подозревала. Вдобавок у Маргарет и у нее тоже не складывались отношения с сестрами. Меня в чем-то можно уподобить Люсиль. Как и она, я страдала из-за предательства сестры. Другое дело, что Руби не умышленно задела чувства сестры. Чего не скажешь о той же Эми. В моей душе вновь закипает застарелый гнев. Гнев и печаль, что я потеряла человека, который был мне очень дорог. Ладно, это дело прошлое. Руби и Маргарет пытались хоть как-то примириться с сестрами, но я на это

никогда не пойду. Иногда приходится накрепко запереть за собой дверь и выбросить ключ.

Подгоняемая любопытством, я вытаскиваю с полки еще несколько книг, но безрезультатно. Никаких писем там нет. Я начинаю обшаривать нижнюю полку, и в этот момент до меня доносится звяканье колокольчиков. Неужели я не заперла дверь?

– Эй! – Я быстро поднимаюсь на ноги. – Кто там?

Это Гэвин, и я испытываю мгновенное облегчение.

– Прости, – говорит он, – я вовсе не хотел тебя напугать.

В руках он держит пару бумажных пакетов, от которых исходит аромат чеснока и базилика.

– Я подумал, что ты могла проголодаться, и принес тебе кое-что перекусить.

Я бросаю взгляд на часы и только тут понимаю, что время уже подошло к полудню, а во рту у меня не было ничего, кроме чашки кофе.

– Спасибо. – Я выбираюсь из-за полок на свободный пятачок. Про письма я совсем забыла и теперь спешно прячу их в карман.

Гэвин оглядывается в поисках места, на которое можно было бы поставить еду, но не находит ничего лучше, кроме детского столика, возле которого стоят такие же миниатюрные стульчики.

– Как тебе? – улыбается он.

– Нормально, – улыбнувшись в ответ, я усаживаюсь на крохотное сиденье. Гэвин делает то же самое, и мы, глядя друг на друга, хохочем.

Гэвин открывает первый пакет и передает мне одну из тарелок. За ней следует салфетка, в которую завернуты вилка, ложка и нож.

– Надеюсь, тебе нравится паста путанеска, – замечает он.

– Моя любимая, – улыбаюсь я. – Как это ты угадал?

– Когда дело доходит до еды, я становлюсь телепатом. – Гэвин успел переодеться, и теперь на нем белая рубашка и синие джинсы. – Мне достаточно увидеть человека, чтобы подобрать для него идеальную пищу.

– Неужели? – хмыкаю я.

– Конечно. Сегодня утром, у озера, ты выглядела немного грустной. В такой ситуации я предложил бы тебе спагетти аль помодоро.

– Спагетти аль помодоро?

– Именно, – кивает он. – Нет ничего лучше спагетти, когда нужно поднять кому-то настроение. Ну а путанеска – это для новых начинаний.

Я аккуратно разворачиваю салфетку, а Гэвин окидывает взглядом магазин.

– А вот если бы ты пришла и сказала, что у тебя был плохой день, что

ситуация вышла из-под контроля, я предложил бы тебе болонский соус.

Я снова не смогла сдержать улыбку.

– А как насчет более запутанных случаев?

Я вспоминаю о тетушке Руби, которая, судя по письму, вполне могла оказаться с разбитым сердцем. Еще я вспоминаю о событиях пятилетней давности, когда пострадала я сама.

– Как насчет разбитых сердец?

– Это посложнее, – замечает Гэвин. – Но тут, как подсказывает опыт, нет ничего лучше баклажанов.

– Баклажанов? – смеюсь я.

– Самый удачный вариант, – торжественно кивает он.

Я с улыбкой наблюдаю за тем, как он накладывает мне пасту, а затем берусь за вилку.

– Очень вкусно. – Я говорю это совершенно искренне. – Ты сам готовишь или занимаешься только административными вопросами?

– Мы с моим партнером занимаемся всем понемногу. Готовим, обслуживаем столики, ну и так далее, – улыбается Гэвин. – Это неизбежно, когда ты – мелкий собственник.

Я киваю, а в моей памяти всплывает маленький итальянский ресторанчик, который я вынуждена была недавно закрыть. Его хозяин, как и Гэвин, был мастером на все руки. Он как раз чинил дверцу духовки, когда я ступила на порог, вооруженная кипой банковских документов.

– Тогда передай мои комплименты шеф-повару, – говорю я, отбрасывая неприятные воспоминания.

Лицо у Гэвина на мгновение становится мрачным, но вскоре вновь озаряется улыбкой.

– Так что ты планируешь сделать с этим местечком?

Я внутренне морщусь, представляя, как местные воспримут новость о продаже магазина. Так и вижу эти заголовки в газетах: **НЬЮ-ЙОРКСКИЙ БАНКИР УНАСЛЕДОВАЛА ВСЕМИ ЛЮБИМЫЙ МАГАЗИН И НАВСЕГДА ЗАКРЫЛА ЕГО ДВЕРИ.**

– Я... ну...

– Пожалуй, его стоило бы немного обновить, – поднявшись, Гэвин проводит рукой по соседней полке.

– Да, я...

– Я мог бы помочь, – продолжает он. – У меня в подвале тонны инструментов. Нам пришлось полностью ремонтировать здание, прежде чем мы смогли открыть ресторан. Так что я дока в этом деле.

– Спасибо, – благодарю я. – Но я пока не очень представляю себе,

какие переделки тут потребуются.

Но Гэвина мысль о переделке магазина воодушевляет все больше и больше.

– Нужно будет обновить книжные полки, – замечает он, – снять их и как следует отполировать. Кое-где покрасить стены... Ах да, поменять стойку – и магазин вновь станет, как новенький.

Я не решаюсь сказать ему о том, что все его планы совершенно ни к чему. Что в скором времени я позвоню в грузовое такси и найму человека за восемь долларов в час, чтобы тот закинул в машину все эти книжки и отвез их в местную библиотеку. А все, что нельзя будет раздать, отнесут на свалку.

На свалку. От этого слова наследство тетушки Руби тускнеет на глазах. Что бы она сказала, если бы узнала о моих планах? Я почти вижу, как она похлопывает по медальону, который – я совсем об этом забыла! – висит теперь на моей шее. Я нервно кручу золотую цепочку.

– Готов предположить, что это место значит для тебя очень много. – Слова Гэвина возвращают меня к действительности. – Ты же тут выросла, не так ли?

– Да, – ошеломленно отвечаю я. – А как ты узнал?

– Догадался. Твоя тетя могла оставить магазин только тому, кому он дорог так же, как и ей. Вдобавок, – усмехается он, – ты больше похожа на жительницу Сиэтла, а не Нью-Йорка.

На самом деле странно слышать такое. Нью-Йорк изменил меня: сделал жестче, энергичней. Неужели он этого не замечает?

– Получается, ты хорошо знаешь оба эти типа?

– Можно сказать и так, – улыбается Гэвин.

Интересно, Руби была знакома с этим человеком? И что она о нем думала?

– Ты хорошо знал мою тетю? – спрашиваю я.

– Да так, совсем немножко, – отвечает он. – Мы пробыли здесь всего год. Руби закрыла магазин где-то через полгода после того, как мы с Адрианной открыли ресторан. Ей все здесь очень сочувствовали, поскольку понимали, какая это для нее трагедия. Но Руби уже не справлялась с делами. Лилиан и Билл убедили ее в том, что ей лучше перебраться в дом престарелых.

Я чувствую угрызения совести. Я могла хотя бы позвонить, но так и не позвонила. Мое сердце начинает биться быстрее, и я делаю несколько глубоких вдохов. Таблетки наверху, так что придется принять их попозже.

– Лилиан и Билл – это хозяева кукольного магазина? – Я вспоминаю

взгляд, которым наградила меня при встрече Лилиан.

Гэвин кивает.

– Видишь ли, Руби получила серьезную травму.

Я в ужасе прикрываю рот ладонью.

– Я привык заглядывать к ней по вечерам, просто чтобы убедиться, что с ней все в порядке, – продолжает он. – В один прекрасный день я зашел в магазин, но не заметил Руби у письменного стола. Откуда-то из задней части дома до меня донесся слабый крик. Я бросился туда и увидел, что она лежит у подножия лестницы, с которой упала еще утром. Я тут же позвонил в «Скорую», и ее отвезли в больницу. Через несколько месяцев, подлечившись, она вернулась домой, но к тому времени в ней что-то изменилось. Это было заметно по ее взгляду. Я помог ей кое-что переставить в магазине. У Руби были свои представления о том, где должна находиться та или иная вещь, – Гэвин отстраненно смотрит в сторону письменного стола. – Мне трудно это объяснить, но она, похоже, знала, что жить ей осталось совсем немного.

Я промокаю салфеткой уголки глаз.

– Прости, – говорит он. – Я не хотел тебя расстраивать.

– Все в порядке, – быстро отвечаю я. – Просто я очень ее любила, и... Надеюсь, она об этом знала.

– Конечно, знала, – Гэвин ободряюще кладет руку на мое плечо.

– Жаль, что я не выбралась сюда до того, как... – Я поднимаю голову, и взгляды наши встречаются.

– Но ты же теперь здесь. – Он кивает головой на потолок. – Я уверен, Руби только порадуется тому, что ты сделаешь для ее магазина.

– Конечно, – вздрагиваю я и нервно хватаю кусок хлеба.

– Я так понимаю, что ребенком ты проводила тут немало времени?

Я киваю.

– Наша мама, она... словом, она все время была занята, и мы с сестрой подолгу жили у тети.

– Так у тебя есть сестра? А где она живет, в Сиэтле?

– Да, она живет здесь, но мы... – Я устало качаю головой. – Мы уже давно не разговариваем.

Улыбка сползает с его лица, а во взгляде появляется странная печаль.

– Представляю, как тебе нелегко. Что у вас случилось?

– Видишь ли, – нервно улыбаюсь я, – это долгая история, а мне еще нужно как следует поработать...

– Прости, – он встает из-за стола, – я не хотел быть назойливым.

– Все в порядке, – говорю я, – но это и правда долгая история. Как-

нибудь в другой раз, хорошо?

– Конечно, – собрав тарелки, он направляется к двери. – Если захочешь погулять у озера, я охотно составлю тебе компанию.

Я невольно улыбаюсь, поскольку подобная прогулка представляется мне не чем иным, как пустой тратой времени. В моей жизни нет места нецелесообразному. Именно поэтому мои утренние пробежки больше напоминают спринт. Но Гэвин смотрит на меня с выжидательной улыбкой, и я вспоминаю, что люди в Сиэтле привыкли жить в другом, более медленном темпе. Я вспоминаю, что когда-то и я была одной из них.

– Ах да, прогулка, – говорю я. – Пожалуй, неплохая мысль.

Он машет мне на прощание рукой и закрывает за собой дверь. Колокольчики Руби рассыпаются привычным звоном, и звон этот долго еще стоит у меня в ушах.

Глава 5

Я бросаю взгляд на часы с кукушкой и вижу, что время близится к половине пятого. Весь день я рылась в ящиках Руби в поисках новых писем. За окном уже смеркается, а я так ничего и не нашла. Надо будет поменять лампочки в люстре, иначе скоро я вообще не смогу ничего разглядеть в такой темноте.

Кое-что, впрочем, мне удалось-таки обнаружить. К примеру, набор фарфоровой посуды, а еще – часы Картье, которые остановились, должно быть, еще в незапамятные времена. И еще старомодный красный купальник, аккуратно завернутый в белую бумагу. Я представляю его на Руби и невольно улыбаюсь, но в дело тут же вмешивается практическая сторона моей натуры: в винтажном магазине за этот кусочек ткани можно получить неплохую цену.

Тем не менее мои мысли постоянно возвращаются к переписке между Руби и Маргарет. Маргарет Уайз Браун. Неужели моя тетушка была доверенным лицом женщины, которая по праву заслужила славу замечательной детской писательницы? Да уж, Руби явно умела хранить секреты. Перспектива новых открытий наводит меня на мысли о том, что стоило бы повременить с продажей магазина – по крайней мере до тех пор, пока я не найду всех писем. Это не мешает мне, впрочем, проверить финансовое состояние магазина и обдумать парочку планов на будущее. Надо выяснить, кто из застройщиков работает в этом районе, и назначить несколько встреч.

В магазине становится все прохладнее, и я бросаю взгляд в сторону старого камина. Руби зажигала его с октября по апрель, а иногда и в начале мая. На этот случай у нее всегда хранился приличный запас дров. Я выхожу на улицу и сворачиваю за дом. Здесь, под карнизом, висит целая поленица. Такое чувство, что Руби незадолго до своего ухода сделала очередной заказ. И предназначался он для меня.

Я с улыбкой вытаскиваю полено, но уже в следующий миг быстро поворачиваюсь, услышав за спиной какое-то движение. В тупичке никого не видно, и все же меня не покидает чувство, что я тут не одна. «Эй!» – окликаю я срывающимся голосом. В ответ – тишина, и лишь где-то вдалеке пронзительно мяукает кот.

Я окидываю взглядом темные углы. Никого. Тогда я выхватываю еще парочку поленьев и спешу назад в магазин. Здесь я останавливаюсь только

для того, чтобы запереть за собой дверь. На каминной полке лежит коробок спичек. Здесь же высится стопка газет. Самая верхняя помечена 7 января 1963 года. Крупный заголовок гласит: СЕМЕЙСТВО МАГНУСОНОВ ПОЖЕРТВОВАЛО 1 МИЛЛИОН ДОЛЛАРОВ НА НОВЫЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ. Я комкаю газету и запикиваю ее под полено в камине, после чего зажигаю спичку и наблюдаю, как пламя, перекинувшись на дерево, начинает жить собственной жизнью. Полено трещит и шипит, и в этот момент меня озаряет идея.

Жалкий маленький щенок. Ну конечно! Именно эту книжку упомянула Руби в своем последнем письме. Если я найду ее, то там, возможно, окажется еще парочка писем.

Я спешу к полкам и начинаю искать книгу, которую читала еще ребенком. «Пятеро щенков вырыли под забором дыру и отправились на прогулку в этот необъятный мир». Я невольно улыбаюсь. Вот и я, как те самые щенки, отправилась на прогулку в необъятный мир и при этом слегка заблудилась по пути. Целый час я безуспешно роюсь в книгах и уже готова сдаться, как вдруг пламя камина озаряет золотистый корешок на одной из верхних полок. Вот оно, шепчет мне внутренний голос.

Я подкатываю к полке лестницу, вспоминая о том, как в детстве я любила кататься на ней от одной стены к другой. Стоило Руби подняться за чем-нибудь наверх, как мы с сестрой принимались по очереди катать друг друга на этой громоздкой конструкции. Тетушка делала вид, будто не догадывается о наших шалостях, хотя лестница гроыхала так, что не услышать ее было невозможно.

Я протягиваю руку и снимаю с полки заветную книжку. «Жалкий маленький щенок». Единственный экземпляр. Между страницами и правда что-то лежит. Я открываю книгу и извлекаю оттуда два пожелтевших конверта.

Вновь устроившись у огня, я принимаюсь за первое письмо – от Маргарет к Руби.

22 февраля 1946 г.

Дорогая Руби,

ты даже представить не можешь, как я рада твоему письму. Оно стало для меня единственным лучиком света на этой неделе, которую иначе как ужасной не назовешь. Итак, с чего же начать?

Ты знаешь, я приглашала на обед свою сестру Роберту, чтобы хоть как-то сгладить те болезненные противоречия,

которые никак не дают нам покоя. Ну а Роберта, в свою очередь, использовала этот час для того, чтобы просветить меня насчет моего «образа жизни». Почему я не желаю выходить замуж, спрашивала она. Почему я не обзаведусь семьей? Почему не перестану якшаться с этими ужасными представителями богемы? В действительности все это сводилось только к одному: почему я не стану такой, как она? Но я не желаю быть такой, как она, о чем не преминула тут же заметить. Как ты догадываешься, мои слова были приняты не слишком благосклонно. Схватив сумку и пальто, Роберта бурей вынеслась из моей квартиры. Что и говорить, я чувствую себя просто отвратительно. Я не желаю, чтобы нашим отношениям пришел конец, но мне хотелось бы дожить до того дня, когда мы с сестрой примем друг друга безо всяких оговорок – она в своем правильном, домашнем мирке, и я со своей привычкой поступать, как вздумается. Должно быть, нечто похожее ты чувствуешь в отношении Люсиль. Остается надеяться, что в один прекрасный день мы сможем принять и простить друг друга с той любовью, которая связывала нас в далеком детстве.

Один иллюстратор, который работает в нашем издательстве, пожаловался мне недавно на свое одиночество. И я не придумала ничего лучше, как подарить ему щенка. Маленького терьера. Но у парня, судя по всему, не было опыта общения с собаками, поскольку этот простофиля оставил щенка одного, и бедный песик описал ему иллюстрации к новой книге. А потом он еще и прогулялся по ним своими лапами. Словом, парню придется начинать работу заново, и винит он в этом не кого-нибудь, а меня.

Ладно, все это уже в прошлом. Но я теперь воздержусь от каких-либо подарков иллюстраторам.

На этой же неделе – как будто визита Роберты было недостаточно! – ко мне в гости пожаловала матушка. Ей не терпелось поговорить со мной о моем замужестве. Ну, скажи, что может быть неприятнее темы брака и замужества? Мама заявила, что не спит ночами, переживая из-за своей незамужней дочери, которая сутками напролет «болтается по городу». Я налила ей стаканчик шерри и посоветовала уgomониться, но на нее это не подействовало. Она продолжила меня терзать. Тогда я заявила, что если мне вдруг и приспичит выйти замуж (чего,

надо сказать, я совсем не планирую), то она узнает об этом первой. Мои слова ее немножко успокоили, пусть и на время.

Ну как я могу выйти замуж, воочию наблюдая тот ужасный брак, который соединял моих родителей? Я чувствую в глубине души, что замужество ведет к одним лишь несчастьям (по крайней мере, когда речь заходит о таких, как я). Люди заглядывают в нашу жизнь на какое-то время, а затем наступает момент разлуки. Все мои романы были на редкость недолговечными, и мне это даже нравится (по крайней мере, так я говорю себе). Если честно, Руби, я сама хотела бы уверовать в то, что ты написала обо мне. Хотелось бы думать, что я и правда не подвержена тем страданиям и безумствам, которые несет с собою любовь. Но в глубине души я понимаю, что это не так.

И все же я предпочту броситься в холодную реку, чем обручусь с каким-нибудь парнем. Что может быть ужаснее, чем принадлежать другому человеку? Это все равно что стать чьей-то собственностью. Давай пообещаем друг другу, что никогда не выйдем замуж! Мы будем с тобой как две одинокие тростинки, гордо возвышающиеся посреди шумного потока воды. Пусть других сметает в реку жизни, мы же сами будем определять свое существование. Ну, как тебе моя мысль?

Вся беда в том, что люди стали относиться к себе слишком серьезно. На шутки все смотрят исключительно свысока. Ну а я со своими нью-йоркскими друзьями организовала то, что сами мы называем «Обществом пустоголовых». Это такая умора, Руби, ты даже не поверишь! Жаль, что ты не можешь побывать на наших собраниях. Я, как президент, наделена правом объявлять любой день Рождеством. В этом случае один из нас готовит жаркое и рождественский пудинг. В общем, веселимся от души! Я записала тебя почетным членом, так что ты вполне можешь подыграть нам.

Теперь о серьезном. Будь поосторожнее с этим Энтони Магнусоном. Боюсь, он уже претендует на твое сердце, но ты ни в коем случае не отдавай его! Знаю по собственному опыту, что вернуть его потом будет непросто.

Я по-прежнему думаю, что мне надо бы уехать куда-нибудь из Нью-Йорка. В последнее время я чувствую себя не на своем месте, как те птенцы из книжки «Дорогу утятам!»^[8]. Вчера на

Пятьдесят седьмой меня едва не сбила машина. Я так испугалась, что выронила рукопись в грязную лужу. Ох, Руби, видела бы ты меня в тот момент! Я упала на колени и безудержно разрыдалась. Я ревела бы так целый день, если бы не один старичок. Он помог мне подняться и предложил чистый платок. Боюсь, что рукопись погибла безвозвратно. К счастью, я всегда держу в голове запасной вариант!

Есть еще кое-что, чем бы мне хотелось поделиться с тобой, но пока что у меня нет на это ни сил, ни времени. Я должна все как следует обдумать и только потом выплеснуть это на бумагу.

Ну а до тех пор счастливого тебе Рождества,

твоя Брауни.

Я кладу письмо и помешиваю кочергой угли в камине. На улице успел подняться ветер: я слышу, как он грохочет карнизами и бьется о дверь. Интересно, почему Маргарет не пожелала открыть Руби свой секрет? Размышляя об этом, я беру второе письмо и начинаю читать.

7 марта 1946 г.

Дорогая Брауни,

ты здорово озадачила меня своим последним письмом. Не сомневаюсь, что в должное время ты откроешь мне свой секрет, но до тех пор я буду сгорать от любопытства. Пока же позволю выдвинуть парочку предположений. Теория № 1. Невзирая на всю твою критику в адрес мужчин и нежных чувств, я готова заподозрить, что ты в кого-то влюбилась. Может, в одного из ваших иллюстраторов? Если не ошибаюсь, в прошлых письмах мелькнуло имя Грегори. Впрочем, судя по тону твоего последнего письма, это не самая удачная из догадок (хотя тебе уже случалось удивлять меня прежде). Теория № 2. Ты заболела. И тут мне остается лишь пожалеть, что ты не захотела сразу сообщить мне об этом. В любом случае я уповаю на то, что здоровье у тебя в порядке и ты не подвержена никаким недугам. № 3. Ты с головой ушла в новую книгу. Дай бог, чтобы все так и оказалось!

Мне больно слышать, как относятся к тебе твои близкие. Если бы моя мать не умерла так рано, она тоже наверняка

разочаровалась бы во мне. Другое дело, что от сестер мы ожидаем большего. Мы вместе прокладывали путь в этом неласковом мире, а это значит, они должны быть на нашей стороне. Так почему же они обращаются с нами как с врагами? По крайней мере, Роберта еще разговаривает с тобой. Люсиль же в последнее время попросту игнорирует мои звонки. Стоит ей услышать мой голос, как она вешает трубку. На прошлой неделе я написала ей письмо, в котором излила свою сердечную боль. Я даже извинилась за свое образование, которым, как она считает, я обязана ей. Ради сохранения нашей родственной связи я забыла о гордости, поскольку не хочу жить в мире, в котором сестры становятся друг другу чужими. Теперь мне остается лишь ждать и надеяться.

Я много думала над тем, что ты написала мне по поводу брака. Не хотелось бы тебя разочаровывать, но если бы Энтони Магнусон сказал мне, что разводится с Викторией, я без раздумий бросилась бы к нему в объятия. Я бы отсчитывала мгновения до того момента, когда смогу стать его невестой. И это, поверь, чистая правда.

Да, Брауни, я люблю этого мужчину. Похоже, я окончательно потеряла голову. Боюсь даже, что я люблю его слишком сильно. Но и он ко мне равнодушен – это видно по тому, как он смотрит на меня. Возможно, его чувства не так сильны. Что ж, он человек занятой, да еще и женатый. Но мне плевать: я готова удовольствоваться даже крохотным уголком в его сердце. Он по-прежнему частенько заглядывает ко мне на работу. Однажды я поделилась с ним своей мечтой. Сказала, что хотела бы открыть собственный книжный магазин. «Ну так возьми да открой!» – заявил он. Пришлось немного разочаровать его, рассказав о том, что не каждому деньги сыплются под ноги, как, например, Магнусонам.

На прошлой неделе он попросил меня поужинать с ним в городе. Разумеется, я согласилась, хотя меня и пугала мысль о том, что наша дружба может выйти за рамки магазинных встреч. В шесть часов, когда закончилась моя смена, Энтони прислал за мной машину. Ну и странно же было ехать на заднем сиденье в полном одиночестве! Шофер все время поглядывал на меня в зеркальце, но мне было все равно: мысль об Энтони удерживала меня наверху блаженства. Когда машина

остановилась перед рестораном, он уже ждал меня у входа в стильном костюме и при галстуке. На этом фоне мое скромное платье показалось мне еще невзрачнее. Но Энтони заявил, что выгляжу я просто превосходно, и меня убедили не столько его слова, сколько то, как он при этом посмотрел на меня.

За ужином мы только и делали, что говорили. Энтони рассказал мне о том, как ребенком он чуть не утонул в озере Вашингтон. И теперь он поддерживает благотворительный фонд, который учит плавать детишек из бедных семей. А я рассказала ему о своей мечте побывать в Париже и прочесть детям книгу на вершине Эйфелевой башни. «Нашим детям?» – спросил он, лукаво улыбнувшись.

Я знаю, что он просто шутил и ничего больше, но в тот момент я едва не растаяла от счастья. Вечер удался на славу. Но я встревожилась, когда к нашему столику приблизилась какая-то пара. Они с любопытством взглянули на меня, и я подумала, уж не друзья ли это Виктории. В таком случае ей скоро станет известно о нашей встрече. Но Энтони, казалось, ничуть не обеспокоился, и я тоже махнула рукой на свои страхи.

Брауни, доводилось ли тебе встречать человека, с которым бы ты чувствовала себя как дома? Вот что я ощущаю в присутствии Энтони. Я могла бы закутаться в его улыбку и проспать в полной безмятежности не одну тысячу лет.

У меня сердце разрывается при мысли о том, до чего он несчастен в своей семье. Ему глубоко безразлично то богатство, которое так ценит его жена. Представляешь, она каждый год путешествует в Европу и возвращается оттуда с целым ворохом нарядов от Шанель. А на следующий год она просто выбрасывает эти платья. Не раздает, а именно выбрасывает. По словам Энтони, она настаивает именно на этом. Должно быть, ее раздражает сама мысль о том, что ткань, которую она носила, будет касаться чужой кожи. Как тебе подобные капризы?

Не знаю, почему бы ему в таком случае не развестись? Конечно, он не может не беспокоиться из-за дочери, хотя Мэй, судя по всему, унаследовала характер матери: девочка тоже вечно чем-то недовольна. На самом деле, я думаю, все упирается в деньги. Богатство Виктории спасло ту компанию по недвижимости, которой владеет отец Энтони. Вдобавок они

используют эти средства для своих благотворительных фондов. Если он уйдет от жены, то всему этому, без сомнения, придет конец.

Не знаю, что будет с нами дальше. Наша дружба (если это можно так назвать) не вписывается в рамки общественных условностей. Я знаю только, что никогда не встречала такого мужчину, как Энтони. И я намерена продолжать это восхитительно-пугающее странствие, даже если все закончится моим разбитым сердцем.

В то время как я пишу тебе эти строки, в Сиэтле уже наступила ночь. С моего места на диване хорошо видна луна, пробивающая себе путь в облаках. Знаешь, тебе стоило бы написать о луне какой-нибудь детский стишок. Сама подумай, как бы ни складывалась наша жизнь, какие бы радости или горести ни встречались на нашем пути, луна каждый вечер поднимается на небосклон, чтобы поприветствовать нас своим светом. Для меня в этом есть что-то на редкость утешительное.

Ах, Брауни, ты сама сказала, что тебе нужно уехать из Нью-Йорка. Так почему бы тебе не заглянуть в Сиэтл? Прощу, приезжай в гости! Ты могла бы остановиться у меня, и мы бы немножко подбодрили друг друга. Я бы тебя рассмешила, а ты бы поведала мне новую историю – рассказала бы о том, что у моей сказки еще будет счастливый конец.

С нетерпением жду от тебя письма,

Твоя Руби.

Я задвигаю каминную решетку и поднимаюсь наверх, в маленькую квартирку. С удобством устроившись у окна, я смотрю на небо и размышляю о том, что только что прочитала. Слова письма крутятся у меня в голове, как пузырьки в бокале с шампанским. *Сестры*. Руби ценила свою сестру превыше всего, даже превыше собственной гордости. Она прямо об этом сказала: *Ради сохранения нашей родственной связи я забыла о гордости, поскольку не хочу жить в мире, в котором сестры становятся друг другу чужими. Теперь мне остается лишь ждать и надеяться.*

Насколько мне известно, Руби действительно ждала и надеялась, однако в итоге ее поджидало горькое разочарование. По словам моей мамы, смерть Люсиль потрясла Руби до глубины души, тем более что сестры не

разговаривали к тому моменту уже несколько лет. Я представляю, как Руби стоит над гробом Люсиль – гробом чужого ей человека, если уж на то пошло. Вот оно, последнее прости. Потом я представляю на месте Люсиль Эми. В своем воображении я оказываюсь на похоронах сестры, и мои глаза невольно наполняются слезами.

Вздохнув поглубже, я возвращаюсь к реальности. Нет, у нас с Руби разные ситуации. Мои отношения с Эми нельзя уподобить ее отношениям с Люсиль. Не желая даже думать на эту тему, я переключаюсь на более важный момент. Неужели это моя тетушка натолкнула Маргарет Браун на мысль написать книжку о луне? Это же настоящее литературное открытие! Забавно, что такой секрет много лет хранился в книжном магазине. Целое сокровище, которое тетушка щедро позволила мне раскопать.

На небе сегодня ни облачка, и луна за окном – как яркая картинка, на которую явно не поскупились раскрасить. Я вспоминаю строки из письма Руби и думаю о тех временах, когда сама смотрела на небо в мечтах о другой, более счастливой жизни.

В этот момент до меня доносится шум машины. Перед магазином притормаживает темный внедорожник. Медленно опускается тонированное окно. Я вижу вспышку фотокамеры, и уже в следующее мгновение машина трогается с места и исчезает за углом.

Глава 6

Наутро я просыпаюсь от назойливых телефонных трелей. Солнце, судя по всему, только что взошло и висит теперь над самым горизонтом. Лучи его бьют в окно с такой силой, что я невольно зажмуриваюсь.

– Алло? – сонно выдыхаю я в трубку.

– Джун?

– Мама?

– Где ты? – спрашивает она. На заднем плане я слышу шум самолета. Похоже, мама и ее новый бойфренд собрались в путешествие.

– А где ты? – интересуюсь я с легким раздражением.

– Мы с Рэндом в аэропорту, – бодро отвечает она. – Хотим отдохнуть пару деньков в Вегасе.

Рэнд. Даже не знаю, имя это или прозвище. Может, сокращенное от Рэнди или Рэндольф. Уточнять я, во всяком случае, не намерена.

– Понятно, – говорю я. Не сказать, чтобы у нас с мамой были такие уж теплые отношения, но мы, по крайней мере, разговариваем. Она звонит мне раз в пару месяцев и шлет открытки к Рождеству и дню рождения. Мне этого вполне достаточно, хотя маму это вряд ли устраивает. Но я уже давно поняла, что могу выносить ее лишь в малых дозах.

– Ма, я в Сиэтле.

– В Сиэтле? – Ее голос теряет привычную беспечность.

– Да, – говорю я.

– Так ты у Руби?

– Да.

– Ох, Джун... Стало быть, ты знаешь...

– Что она умерла? Да, знаю.

– Я хотела сообщить тебе, детка. Правда хотела. Но я...

– Не стала беспокоить себя подобными пустяками? – Я даже не пытаюсь скрыть подступившее раздражение.

– Не говори так. Я правда собиралась обо всем рассказать, но потом...

– Потом ты решила подождать, пока эту новость мне сообщит ее адвокат?

– Адвокат?

– Именно. Руби завещала мне свой магазин. Ну и все остальное.

– Ясно, – говорит мама. По голосу ее трудно понять, расстроена она или просто удивлена.

– Мне нужно разобрать ее вещи, прежде чем решить, что же мне с этим всем делать.

– Ты хочешь продать магазин? – спрашивает мама. – Джун, возможно, тебе...

– Пока что не знаю. То есть да, скорее всего я его продам. Я не могу оставаться в Сиэтле. В Нью-Йорке у меня работа, налаженная жизнь.

Не сказать, чтобы это была такая уж полноценная жизнь, но я не собираюсь объяснять это маме – особенно теперь, когда я пытаюсь оправдать перед ней свое решение.

– Я могла бы помочь тебе, – говорит мама с неожиданной настойчивостью. – Я думаю, магазин должен остаться в семье. И Эми так думает.

Я тут же вскипаю от гнева. Она же обещала никогда не упоминать при мне имя сестры!

– Какое ей дело до магазина? – Щеки у меня пылают. – Я сама решу, как мне лучше поступить.

– Не забывай, Эми тоже любит «Синюю птицу». И она ужасно по тебе скучает, – тихо добавляет мама. – Может, пора уже прекратить эту бессмысленную вражду? Вы же сестры.

Я вспоминаю Руби и Люсиль, Маргарет и Роберту. Мне бы очень хотелось проникнуться к своей сестре похожими чувствами. Но мне это недоступно. Вот если бы я могла перевести стрелки часов назад, чтобы стереть ту жгучую боль и обиду!

– Нет, – наконец произношу я. – Нам не о чем с ней разговаривать, и ты это прекрасно знаешь.

– Люди меняются, Джун. Жаль, что ты не хочешь этого замечать.

– Меняются? Ерунда.

– Ты и сама изменилась, – говорит мама после секундного молчания. На мгновение я теряю дар речи.

– Порой мне кажется, что я совсем тебя не знаю, – продолжает она. – Нью-Йорк сделал тебя жестче.

Да какое она имеет право так разговаривать со мной? Можно подумать, она когда-нибудь меня знала!

Слышно, как объявляют посадку на самолет.

– Это наш рейс, – говорит мама. – Ну все, нам пора. Как только вернусь, сразу загляну к тебе.

Не нужно, хочется мне сказать, но я успеваю вовремя прикусить язык.

– До свидания. Желаю вам выиграть джекпот, – говорю я и спешно выключаю телефон.

Я вновь чувствую странную тревогу – совсем как в Нью-Йорке. Вытащив из сумки пузырек с лекарствами, я глотаю таблетку, после чего включаю ноутбук. Для человека, который привык проверять почту раз в четыре минуты, я на удивление расслабилась. За все время, что я провела в Сиэтле, я ни разу не подумала о работе! Я захожу в ящик и вижу, что там уже скопились письма. Некоторые из них в знак первоочередности помечены красным флажком. Я открываю верхнее, и сердце у меня тревожно сжимается. Это от Артура:

КОГДА ТЫ ВОЗВРАЩАЕШЬСЯ НА РАБОТУ? – А.

По правде говоря, я купила билет в один конец, поскольку понятия не имела, как долго мне придется разбираться с наследством. Я-то надеялась управиться быстро, где-нибудь за неделю, но оказалось, что все не так просто. Будущее магазина, тайны Руби, мои воспоминания – все смешалось в одну кучу. Я жму на кнопку «ответить» и печатаю:

ОСТАЛОСЬ УЖЕ НЕМНОГО. К ВЫХОДНЫМ БУДУ ЗНАТЬ ТОЧНЕЕ. ПОСТАРАЮСЬ ДЕРЖАТЬ ТЕБЯ В КУРСЕ. – ДЖУН.

Я нажимаю кнопку «отправить» и чувствую, как у меня вновь поднимается давление.

Надев кроссовки и прихватив куртку, я выхожу на улицу. Пора немного размяться. В соседнем ресторане еще не зажгли свет. Я быстро отворачиваюсь, заметив в витрине собственное отражение. Я надеялась увидеть Гэвина и при мысли об этом чувствую странную неловкость. На пробежке вокруг озера я вновь утверждаюсь в своем намерении поскорее разобраться с имуществом Руби. Я составлю список и распишу все по разным категориям. Так я поступаю в тех случаях, когда распродаю чье-либо имущество в интересах банка. Я найму рабочих, чтобы погрузить все в машины. Я найду хорошего покупателя. Словом, я разберусь с этим затруднением.

Пробежав вокруг озера пять миль, я перехожу на шаг, чтобы отдышаться, а потом присаживаюсь на скамью. Отсюда мне хорошо видна утка, которая пробирается к воде через заросли тростника. Она важно шествует по берегу, а за ней спешат шесть крохотных пушистых комочков. Последний утенок меньше своих братьев и сестер, и ему трудно угнаться за остальными. В какой-то момент он теряет их из виду и тревожно оглядывается по сторонам. Мне хочется помочь ему, перенести к матери-утке. Я поднимаюсь на ноги, но в эту секунду откуда-то из кустарника

выскакивает большая крыса. Она хватается утенка, и оба в мгновение ока исчезают в густой траве.

«Нет! – кричу я. – Не смей! Оставь утенка!» Меня охватывают ужас и чувство беспомощности. Мне снова девять лет, и я стою рядом с Эми над заброшенным гнездом малиновки, гадая о судьбе несчастных птенцов. Я окидываю взглядом берег и только тут понимаю, что не я одна наблюдала за этой трагедией. Утка тоже знает, что сейчас произошло.

Поднимаясь от озера к перекрестку, я все время размышляю об увиденном. Я думаю про птичье гнездо и исчезнувшие яйца, про утку и ее птенцов. В мире всегда будут крысы и утята, хищники и их жертвы. А еще – банки и разорившиеся компании. И люди вроде меня, которые, как крысы, будут хватать причитающуюся им добычу. Это естественный цикл, но сейчас мне не очень нравится то место, которое я в нем занимаю.

Раскрасневшаяся и измученная, прохожу я мимо ресторана «Антонио». Дверь слегка приоткрыта, и до меня доносится аромат чеснока и каких-то приправ. Должно быть, Гэвин уже на месте. «Эй?» – заглядываю я внутрь.

Не дождавшись ответа, я захожу в ресторан. Помещение радует глаз насыщенной отделкой стен и изящно расставленными столиками. У бара – широкая деревянная стойка, за которой могут усестись человек шесть. И все же комната выглядит маленькой и уютной, и я сразу проникаюсь к ней симпатией.

Очаг позади стойки топится дровами, и я чувствую свежий запах вишневых веток. С кухни доносится грохот, как будто там уронили что-то железное. Затем дверь открывается, и на пороге появляется Гэвин. Увидев меня, он широко улыбается. На белом полотенце, которое свисает с его пояса, краснеют пятна помидорного сока.

– Привет, – говорит он. – Прости, что заставил ждать.

– Нет, нет, я только что зашла. Я возвращалась с пробежки и решила заглянуть сюда, чтобы поздороваться.

– Привет, – повторяет он, все так же улыбаясь. В этот момент из кухни доносится гудок таймера.

– Пойдем со мной, – говорит Гэвин. – Посмотришь, как мы тут обустроились.

Я киваю и прохожу за ним на безупречно чистую кухню. По размеру она чуть больше, чем зал. По обеим сторонам от духовки тянутся полки с посудой. В центре комнаты стоит широкий стол на крепких ножках. Такое чувство, что его привезли со старой итальянской виллы.

– Сегодня у нас день ньокки. – Гэвин кивает на усыпанную мукой

разделочную доску, на которой высится горка теста с оранжевыми вкраплениями. – Ела когда-нибудь ньокки из сладкого картофеля?

– Нет, но звучит весьма заманчиво.

– Прекрасно, – кивает он. – Тогда можешь помочь мне, а заодно заработать себе обед.

Я улыбаюсь и иду к раковине, чтобы помыть руки. У стола Гэвин показывает мне, как раскатывать тесто на длинные змееподобные полоски. Затем мы режем полоски на небольшие кусочки. Гэвин вручает мне деревянную штучку, которую называют лопаткой для ньокки. Мы прокатываем по ней полоски, и тесто принимает законченный вид.

После этого мы кладем кусочки на противень, присыпанный кукурузной мукой, и вновь принимаемся за тесто. Как же приятно работать руками, не отвлекаясь ни на какие посторонние мысли!

– Ты всегда любил готовить? – спрашиваю я, отправляя на противень новую порцию ньокки.

– Да, – кивает Гэвин. – Мы с братом и сестрой часто играли в ресторан. Мне нравилось быть шеф-поваром.

– А детская плита у тебя была? – улыбаюсь я.

– Нет. Зато она была у моей младшей сестры, но та никогда не давала мне поиграть с ней, – смеется Гэвин. – Как-то ночью я выбрался из постели и стащил ее из комнаты сестры. Помню, что собирался испечь шоколадное печенье, но все кончилось тем, что я съел все тесто.

– Тоже неплохо, – улыбаюсь я.

– По правде говоря, только в ресторане я и мог бы работать. Мне нравится эта энергетика. Такое чувство, будто каждый вечер ты выходишь на сцену. – Он бросает на меня внимательный взгляд. – А чем ты зарабатываешь на жизнь? Помимо книжного магазина, разумеется.

Этот вопрос возвращает меня к действительности.

– Не могу сказать, что моя работа такая уж интересная.

– Уверен, что это не так. – Гэвин не сводит с меня выжидательного взгляда.

– Я работаю в банке, – говорю я. – Финансы и все, что с ними связано. Сам видишь, весьма скучное занятие.

Я не собираюсь углубляться в детали своей работы. Мало кто относится с симпатией к тому, чем занят наш отдел, – я давно успела уяснить это по общению с другими людьми.

– И все же, – улыбается Гэвин, – я не прочь узнать, как ты увлеклась финансами. Тебя всегда интересовала работа в банке?

Я заканчиваю очередную партию ньокки, попутно размышляя над его

вопросом.

– Хочешь знать, играла ли я в детстве в банкира? Ничего подобного. Больше похоже на случайный выбор.

– Тебе нравится твоя работа?

– Я хорошо с ней справляюсь.

– Я вовсе не это имел в виду, – замечает Гэвин.

– А что же?

– Взять, к примеру, меня, – говорит он. – Сразу после колледжа я начал изучать юриспруденцию.

– Почему?

– Почему? Да в общем-то из-за девушки.

– Вот оно что, – улыбаюсь я. – По крайней мере, ты следовал зову сердца.

– В том, что касается чувств, возможно. Но в том, что касается карьеры... – Гэвин стал серьезным. – Понимаешь, из меня мог получиться хороший юрист. Я был лучшим в своей группе. Неудивительно, что меня приняли на работу в одну крупную бостонскую компанию. Мне ничего не стоило сделать головокружительную карьеру. Вот только... – Он задумчиво пожимает плечами.

– Только что? – спрашиваю я. Мне бы не хотелось признаваться Гэвину, но наши с ним истории – по крайней мере в том, что касается карьеры, – похожи друг на друга как две капли воды.

– У меня не было к этому настоящего интереса, – поясняет он. – Я хорошо работал, но настал момент, когда я решил заново переосмыслить свою жизнь. И выяснилось, что я терпеть не могу законотворчество. Оно не имело никакого отношения к моему истинному призванию.

Я ловлю каждое его слово.

– Вот тогда я и перебрался сюда, – продолжает Гэвин. – Родители решили, что я просто спятил. В чем-то они, наверно, были правы. Разве нормальный человек откажется добровольно от блестящей карьеры и солидной зарплаты? – раскатав еще одну полоску теста, он снова поворачивается ко мне. – Но я нашел свой путь. Я проработал в нескольких ресторанах, прежде чем решился открыть свой собственный.

Я понимающе киваю.

– А как же девушка?

– Она бросила меня в тот же день, когда я ушел с работы, – отвечает он после секундного замешательства.

Он произносит это с неизменной улыбкой, и я тоже улыбаюсь в ответ.

– А тебе удалось... найти новую любовь?

Гэвин что-то напряженно обдумывает и уже открывает рот, чтобы ответить, как вдруг дверь на кухню распахивается. На пороге появляется молодая женщина в серых леггинсах и черной куртке. В руках она держит большую коробку с баклажанами, кожица которых отсвечивает густым фиолетовым цветом.

– Гейв! – восклицает она от дверей, балансируя тяжелой коробкой. – Ты даже не представляешь, какие роскошные баклажаны продавались сегодня на рынке. Я знаю, что купила слишком много, но разве тут удержишься, когда они такие красавцы?

С Гэвином она говорит как со старым знакомым.

Гэвин бросается ей на помощь и забирает из ее рук коробку, а у меня вдруг возникает чувство, что я здесь лишняя. У женщины весьма примечательная внешность: чувственные губы, большие карие глаза, высокие скулы. Она примерно моего возраста или чуть помоложе. Не удивлюсь, если окажется, что в ней течет итальянская кровь. Длинные темные волосы забраны в хвост. На лице – ни следа макияжа. Да он ей и не нужен. Ее красота и так бросается в глаза.

В этот момент она замечает меня, но тут же вновь поворачивается к Гэвину.

– Я не знала, что ты не один.

– Адрианна, это Джун, – говорит он. – Наша новая соседка.

– Соседка? – Она морщит свой носик.

– Ее тетушка Руби недавно скончалась и оставила Джун книжный магазин.

Адрианна холодно улыбается.

– Кажется, Лилиан упоминала что-то о новой хозяйке. – Она наконец-то поворачивается ко мне. – Искренне сочувствую вашей потере.

– Спасибо, – отвечаю я.

Адрианна принимается за баклажаны. Она относит их к раковине и начинает заботливо перемывать.

– Я слышала, вы хотите продать магазин, – несмотря на дружелюбный тон, это очень похоже на колкость.

На мгновение я замираю. Я ни с кем не делилась планами насчет магазина и теперь чувствую себя крайне неловко. Что подумает обо мне Гэвин?

– Нет, – поспешно говорю я. – Мне...

– Не нужно слушать чужие сплетни, Адрианна, – бросается мне на выручку Гэвин.

Я улыбаюсь, но на душе у меня нехорошо. Интересно, что думают обо мне соседи? Неужели кто-то подслушал мой разговор с транспортной компанией? Или их сбила с толку моя профессия? Мои мысли вновь возвращаются к Гэвину и Адрианне.

– Все в порядке, – говорю я, стараясь рассеять возникшее напряжение. Только тут до меня доходит, что я понятия не имею о том, кто такая Адрианна. Подружка Гэвина? Или сестра? Господи, пусть она будет его сестрой.

– Так вы... – начинаю я.

– Мой партнер по бизнесу, – быстро говорит Гэвин. – Мы с Адрианной вместе владеем этим рестораном.

Я киваю, но мое замешательство только возрастает. Они или женаты, или помолвлены. А может, все еще сложнее. В любом случае я чувствую, что Адрианна не рада моему присутствию. Я встаю и стряхиваю с рук муку.

– Спасибо за полезный урок, – говорю я Гэвину, – но мне пора возвращаться. В магазине еще полно работы.

– Ты даже не попробовала ньокки, – хмурится он.

Адрианна оглядывает стол, после чего выкладывает на доску баклажан и берется за нож.

– Как-нибудь в другой раз, – говорю я.

– Как хочешь. – Гэвин явно разочарован. – Заглядывай к нам иногда.

Я киваю и выхожу из кухни. Миновав главный зал, я оказываюсь на улице. Еще пара минут, и я уже у себя в магазине. *И что это сейчас было?* Впредь я решаю избегать ненужных контактов. Так будет спокойнее.

* * *

Весь день я перебирала ящики с книгами. Как я ни старалась сосредоточиться только на работе, мои мысли вновь и вновь возвращались к тому, что я услышала сегодня от Гэвина.

В два я поднимаюсь наверх, чтобы перекусить зачерствевшей булочкой, которую купила накануне в соседнем кафе. Я думаю об Артуре, своем непосредственном начальнике. В наших с ним отношениях нет и намека на личное. Он ничего не знает обо мне, а я знаю только то, что вся жизнь Артура вертится вокруг работы (может, поэтому-то жена и сбежала от него десять лет назад). Неужели и мне уготована такая же участь?

К пяти, когда я успеваю разобрать уже девять коробок, мой желудок

выражает решительный протест. Пожалуй, мне стоит заказать пиццу или взять такси и доехать до супермаркета, который расположен в паре километров отсюда. Я иду вверх, чтобы взять сумку, и в этот момент раздается стук в дверь. Я снова спешу вниз, но на улице никого нет. Лишь на коврике перед дверью стоит большой бумажный пакет. Я беру его и вновь запираю дверь. Внутри находится контейнер с чем-то горячим и бутылка итальянского вина. Тут же лежит свернутый пополам листок бумаги. *Джун, в твоей жизни накопилось немало проблем, а ньокки всегда приносит утешение. Ешь с удовольствием + приятных снов. Гэвин.*

Улыбнувшись, я устраиваюсь в кресле перед камином и вынимаю коробочку с ньокки. Рядом лежат завернутые в салфетку вилка и нож. Я с аппетитом принимаюсь за еду, с каждым кусочком убеждаясь в том, что ничего вкуснее я в жизни не ела. Наконец, покончив с ньокки, я спешу вверх за штопором. Откупорив бутылку вина, я наливаю стакан и вновь усаживаюсь у огня.

В этот момент я думаю о сестре. Я вспоминаю наш первый совместный ужин в той квартирке, которую мы делили с ней одно время. Я была просто счастлива, когда Эми перебралась ко мне в Нью-Йорк. На тот момент мне исполнилось тридцать, а ей – почти что двадцать шесть. На восток ее сманила должность помощницы в доме моды, но Эми недолго продержалась на этой работе (как, впрочем, и на других). Она всегда считала, что где-то там жизнь лучше, а потому спешно перебиралась с места на место. Но тогда она только устроилась на новую работу, и ей казалось, что перед ней открывается небывалое будущее. Я помню, как она говорила мне о своем желании стать дизайнером. Я приготовила вкусный ужин, и мы распили бутылку вина. В половине десятого, когда к нам присоединился Райан, голова у нас кружилась от счастья и спиртного. *Райан.* Я закрываю глаза.

Я недовольно встряхиваю головой, пытаюсь прогнать докучливые воспоминания. Мои мысли вновь возвращаются к Руби. Мне хочется знать, как продолжилась их переписка с Маргарет. В своем последнем письме Маргарет сообщала о том, что хочет поделиться с Руби каким-то секретом. Еще мне приходит на ум упоминание истории «Дорогу утятам». Может, именно там прячутся новые письма? Я подхожу к полке и вытаскиваю оттуда книжку, но конвертов внутри нет. Быстро осмотрев соседние полки, я понимаю, что это единственный экземпляр.

В полном разочаровании я усаживаюсь на место и берусь за те две книжки, в которых обнаружила письма. Чем они отличаются от остальных? Вот «Жалкий маленький щенок». На той странице, где указаны выходные

данные книги, я вижу циферку «1». Первое издание. Слова «первое издание» стоят и на странице «Кролика Питера». Логично предположить, что и остальные свои письма Руби спрятала лишь в тех экземплярах, которые первыми вышли в печать.

Не в силах справиться с волнением, я начинаю разыскивать «Дорогу утятам». Где-то здесь должен быть томик, который относится к первому изданию этой книги. Куда бы я поставила его, будь я на месте Руби? Вспомнив о том, что «Маленький щенок» обнаружился на самой верхней полке, я подкатываю туда лестницу и приступаю к поискам. Через час я уже готова сдаться, как вдруг замечаю за книжками зеленый корешок, который кажется более высоким, чем остальные. Я протягиваю руку, и точно: с обложки на меня смотрит утка и шестеро утят. Я невольно вспоминаю сценку, свидетельницей которой я стала сегодня утром на озере. Я открываю книгу, и в руки мне падают два конверта.

Спустившись с лестницы, я устраиваюсь в кресле и открываю конверт, в котором лежит письмо Маргарет.

27 марта 1946 г.

Дорогая Руби,

вчера у меня в гостях снова была мама. Бросив неодобрительный взгляд на экземпляр книжки «Как зайчонок убежал», она пустилась в пространные разъяснения по поводу того, что мне пора получить наконец университетский диплом и стать учительницей. Ибо на что еще может претендовать «старая дева» вроде меня? Я не сказала ей о том, что рассталась с мечтой о преподавании после того ужасного семестра, когда я вела занятия в колледже (единственным плюсом той практики стало знакомство с тобой).

Хоть я и не поверила словам мамы, они тем не менее запали мне в душу. Неудивительно, что я чувствую себя совершенно обессиленной. Похоже, я окончательно потеряла интерес к работе. Эти слова погасили во мне творческую искорку.

Вот что я хочу тебе сказать: я решила покончить с написанием книг. По крайней мере, на время. Не потому, что мама права – вовсе нет. Но я чувствую себя какой-то потерянной и не могу понять, в каком направлении мне двигаться.

Мало того, я больше не слышу героев своих книжечек. Они просто... замолчали. Все, что я слышу, – свои унылые мысли.

Такое чувство, что я попала в ловушку, сотканную из собственных страхов!

От Роберты по-прежнему ни слова. Я подумываю послать ей цветы, если она так и не объявится до конца недели. Ты совершенно права насчет сестер: мы должны быть снисходительнее к ним, даже если они имеют склонность выводить нас из себя.

Ну все, я заканчиваю, а то Кристиан уже тянет меня за брюки. Я и так запоздала вывести его вовремя. Словом, мы идем на прогулку, а попутно я постараюсь поразмыслить над своим будущим.

Может, мне заняться выгулом собак?

Твоя опечаленная подружка

Маргарет.

Я растерянно покачиваю головой. Что она там пишет насчет сестер? «Мы должны быть снисходительнее к ним, даже если они имеют склонность выводить нас из себя». Как ни стараюсь я проникнуться этой мыслью, она никак не укладывается у меня в голове. Стоит мне оглянуться назад, и я ощущаю все ту же жгучую боль. Интересно, что сделали бы на моем месте Руби и Маргарет? Неужели и в моем случае они не изменили бы своего мнения?

Я беру второй конверт и вытаскиваю оттуда письмо от Руби к Маргарет.

11 апреля 1946 г.

Дорогая Брауни,

я рыдала, читая твое письмо. Невыносимо видеть тебя в таком расстройстве. Как бы мне хотелось дотянуться до тебя сквозь эти строки и обнять покрепче! Я чувствую, как отчаянно ты нуждаешься в моей поддержке. Как мне убедить тебя в том, чтобы ты не обращала внимания на слова матери? Ты и сама знаешь, что ее мир не имеет ничего общего с твоим.

Ты можешь представить себя образцовой женой и домохозяйкой, с кучей детишек, постоянно снующих у твоих ног? Да ты сойдешь с ума от такой жизни! Нет, тебе нужен вовсе не муж и не «респектабельная» работа. Ты должна делать то, что добавляет тебе силы и энергию, то, в чем проявляется твоя

многогранная натура.

Ничто не создает нам столько проблем, как отношения с близкими. Уж я-то знаю это, как никто другой. Я писала тебе о том, что сестра привыкла отгораживаться от меня ледяным молчанием. Но вчера я пришла к ней сама, и Люсиль, как ни странно, впустила меня в дом. За чаем мы говорили о всяких пустяках. Но мы, по крайней мере, говорили! Это уже немалый шаг вперед. Разумеется, в разговорах с ней мне придется о многом умалчивать (вряд ли она, к примеру, одобрит мои отношения с Энтони!), но я с этим уже смирилась. Что толку расстраивать Люсиль? Вдобавок, причиняя ей огорчения, я в той же мере расстраиваюсь сама. Мы с особой остротой воспринимаем суждения близких, даже если в чем-то и не согласны с ними. Все потому, что мы их любим – или, если говорить в целом, считаем себя их частью. Даже если слова их не вызывают у нас ничего, кроме отторжения, мы все-таки начинаем сомневаться. Мы можем даже отказаться от собственной правоты, чтобы доказать правоту близких.

Я сделаю все, что в моих силах, лишь бы сохранить родственные отношения с сестрой. В противном случае я всю жизнь буду винить себя в том, что не воспрепятствовала нашему разрыву.

А теперь о твоём решении бросить писать. Ну что за бессмыслица? Подумай о тех детях, которые только готовятся прочесть твои будущие книги. А теперь поразмысли о том, какого счастья ты их лишаешь.

Я уверена, стоит тебе немного подождать, и ты вновь услышишь голоса своих персонажей. Они все еще здесь, только кажутся слегка напуганными. Дай им возможность вновь выйти на сцену, а сама постарайся успокоиться. И очень скоро ты опять услышишь их шепоток.

У всякой жизни, всякой истории есть свои спады и подъемы. И ты как раз оказалась у подножия холма. Не исключено, что вокруг все затянуто туманом и ты больше не можешь разглядеть путь. Не нужно бояться: продолжай двигаться вперед, и ты обязательно выберешься на дорогу. Пробравшись через густой кустарник, ты окажешься на поляне, озаренной яркими солнечными лучами. Солнце согреет тебя и вернет тебе прежнее вдохновение.

Что, если бы Эйнштейн перестал делать свои открытия? А Бах перестал сочинять музыку? Что, если бы Эдисон так и не изобрел лампочку? Я хочу сказать, что твои книги значат безмерно много для современных детишек, так что ты не можешь бросить все на полпути.

Ну а я могу поделиться с тобой кусочком лунного вдохновения. Накануне я читала одну старую китайскую сказку. Мы тут у себя привыкли говорить о «человечке на луне», а китайцы считают, что там живет кролик. Прошлым вечером я выглянула из окна, и, Брауни, он действительно был там! Маленький кролик с белыми ушками, печально склонившийся над ступкой и пестиком. Никогда уже я не смогу взглянуть на луну, как прежде.

Прошу тебя, не раскисай. А если вдруг опять собьешься с пути, посмотри на луну и вспомни обо мне. Никто не верит в тебя так, как я.

Твоя Руби.

Глава 7

На следующее утро я стою у южной стены и расставляю по полкам книжки с картинками так, как это понравилось бы Руби. В какой-то момент я замираю с книжкой в руке. И чем, собственно, я тут занимаюсь? Если я собираюсь продать магазин, то нужно освобождать полки, а не заставлять их новыми книгами. Вдохнув, я выпрямляюсь, и в этот момент у дверей звонит колокольчик.

– Как тебе ньокки? – спрашивает Гэвин, заглядывая в магазин. Я улыбаюсь, стараясь не думать о том, как может отреагировать на этот визит Адрианна.

– Очень вкусно, – отвечаю я. – По правде сказать, ничего лучше я в жизни не ела.

Гэвин подходит поближе.

– Самое утешительное из всех блюд. – Он смущенно потирает лоб. – Послушай, я хотел извиниться перед тобой за вчерашнее.

– В смысле? – Я делаю вид, будто не понимаю, о чем это он.

– Я про то, как вела себя Адрианна. Надеюсь, тебя это... не смутило.

– Нет, – торопливо отвечаю я. И тут же вспоминаю о письмах Руби: ее мужество неожиданно придает мне силы. – На самом деле я и правда немного смутилась, – замечаю я. – Все потому...

Гэвин делает еще шаг в мою сторону.

– Все потому, что я тебе нравлюсь?

В первый момент я чувствую только досаду, но его улыбка полностью меня обезоруживает.

– Могу сказать, что ты мне нравишься, – добавляет он.

На мгновение в комнате воцаряется тишина.

– Но Адрианна, – говорю я наконец. – Я не хочу мешать...

– Ты ничему не мешаешь, – заверяет Гэвин. – Может, присядем? – кивает он на стулья у камина. – Я расскажу тебе нашу историю.

Пока он говорит, я неотрывно смотрю на огонь. На Гэвина я и взглянуть боюсь, поскольку не знаю, что он сейчас скажет. Их с Адрианной прошлое определит наше будущее. Будущее. Я вновь и вновь прокручиваю в голове это слово.

– Мы были помолвлены, – начинает Гэвин.

Помолвлены. Я мысленно охаю.

– Мы встретились в кулинарной школе и с первых же дней

понравились друг другу. Адрианна из большой итальянской семьи, а у меня тут не было ни одного знакомого. В ее семье меня сразу приняли как родного. Практически все время мы проводили вместе, и после двух лет мне показалось естественным сделать ей предложение. Забавно, – усмехается Гэвин, – но в тот момент это было похоже на кино. Я словно бы со стороны наблюдал за тем, как этот парень предлагает своей девушке выйти за него замуж.

Он растерянно качает головой.

– Но я не чувствовал того, что должен был чувствовать. Я ждал и ждал в надежде, что со временем все наладится. Я сказал себе, что в одно прекрасное утро я проснусь и все будет как нужно. А потом мы открыли ресторан, и это еще больше привязало нас друг к другу. Мы собирались пожениться и стать деловыми партнерами, – взгляд Гэвина тоже устремлен на огонь. – Но полгода назад я проснулся посреди ночи в холодном поту. Мне приснилось, что я женат, и женат счастливо. Я взглянул на Адрианну, которая спала рядом, и понял, что должен объясниться. Адрианна – чудесная женщина, но мы с ней не пара.

– Ну и ну. – Я проникаюсь внезапным состраданием к женщине, которая еще вчера держалась со мной очень холодно. Уж я-то знаю, что значит любить человека, который не в состоянии ответить на твои чувства.

– В итоге мы разорвали нашу помолвку, – продолжает Гэвин. – Но поскольку ресторан – наша общая собственность, нам пришлось как-то подстраиваться друг под друга. Поначалу Адрианна восприняла все очень болезненно. Я знаю, что ей и сейчас нелегко, но она смирилась с такой ситуацией.

– А вдруг она просто ждет и надеется, что ты снова изменишь свое решение?

– Может, и так, не знаю, – пожимает плечами Гэвин.

– Как же нелегко ей, должно быть, приходится. Встречаться с тобой каждый день в надежде на то, что ты все-таки раскаешься в своей ошибке.

– По правде говоря, я стараюсь не думать об этом, – замечает Гэвин. – Я и правда считал, что ей удалось справиться с чувствами, пока не увидел вчера, как она на тебя смотрит.

– Совместная работа – не лучшее решение для вас, – говорю я. – По крайней мере, с учетом вашего прошлого.

Гэвин понимающе кивает.

– Я и сам тревожусь из-за этого. Но мы оба любим ресторан. Любим нашу работу. И я надеюсь, мы все-таки сможем подняться над личными недоразумениями.

– Не так-то это просто. – Я вновь вспоминаю Эми. – Когда сталкиваешься с такой болезненной ситуацией, нельзя просто сделать вид, что ничего не было. Адрианна слишком долго любила тебя. А теперь ей нужно в одно мгновение переключиться и увидеть в тебе просто друга. Это не для женского сердца.

Гэвин вновь кивает.

– Я старался вести себя как можно тактичнее. Ни с кем не встречался, чтобы не добавлять ей переживаний. Но последний месяц, казалось, все изменил. Адрианна сказала, что познакомилась у «Джо» с каким-то парнем и они неплохо провели время. Я решил, что она наконец-то исцелилась. А потом я встретил тебя. – Он внимательно всматривается в мое лицо. – Мне трудно это объяснить... но меня потянуло к тебе, как магнитом.

Я улыбаюсь, но не нахожу, что ответить.

– Я понимаю, что все не так просто, – быстро добавляет он, – и не настаиваю на чем-то серьезном. Мне лишь хочется... лучше с тобой познакомиться. Ты как, не против?

– Конечно, нет, – говорю я.

– Хорошо. – Лицо его вновь озаряется улыбкой. – Слушай, у нас сегодня намечается неплохой вечерок. Первую пятницу каждого месяца мы приглашаем в ресторан джаз-группу и готовим какое-нибудь новое блюдо. Почему бы тебе тоже не заглянуть к нам? – Он встает и поворачивается к двери. – Ну как, до вечера?

– До вечера, – киваю я.

* * *

Дверь закрывается, а я в этот момент жалею только о том, что Руби нет рядом. Я бы бросилась в порыве чувств ей на шею и поведала самые потаенные свои мысли – вроде тех, какими она делилась с Маргарет Уайз Браун. У меня было не так уж много подружек, что правда, то правда. Зато я всегда могла обратиться к Руби. Тут мне приходит на ум последняя пара писем и проскользнувшее там упоминание о «Сбежавшем крольчонке». Я тут же приступаю к поискам и обнаруживаю на верхней полке первое издание книги. Обложка у нее слегка покособилась от времени. Я переворачиваю страницу и вот, пожалуйста! Внутри меня ждут очередные два письма.

26 апреля 1946 г.

Дорогая Руби,

ты умеешь не только торговать книжками, но и исцелять. Переизбыток (скажем так) материнской любви, о котором я тебе писала, обернулся для меня гриппом, но твое письмо сыграло роль настоящего лекарства – и для тела, и для души.

Спасибо тебе за поддержку. Я вернулась к сочинительству и могу сказать, что мысль о кролике на луне представляется мне весьма заманчивой. Тебе удалось затронуть мое воображение. Я так и вижу маленького крольчонка, который сидит у себя в детской. И на каждой странице обязательно будет луна. Пока что это не столько идея, сколько ощущение, но оно все разрастается и крепнет. Не знаю, чем все в итоге обернется, но я намерена прислушиваться к своим героям, чтобы потом выплеснуть их слова на бумагу. Если из этого когда-нибудь получится книга, я непременно посвящу ее тебе.

Как я и надеялась, цветы сыграли роль волшебной палочки. Точнее, не просто цветы, а тюльпаны. Ну чье недовольство устоит перед букетом роскошных желтых тюльпанов? Как только Роберта их получила, сразу же позвонила мне. Она извинилась за то, что во время последней нашей встречи проявила излишнюю чувствительность (я бы даже сказала, критичность). И хотя отношения между нами остаются натянутыми, мы, по крайней мере, разговариваем друг с другом. Со временем, надеюсь, она все-таки сможет принять меня и мою жизнь. Это все, на что я могу надеяться. В конце концов, нас объединяют воспоминания об общем детстве, когда мы гуляли с ней, держась за руки. Мы вместе смотрели на звезды, бродили по лесу и мечтали о той жизни, которая поджидает нас за оградой дома. Повзрослев, Роберта отбросила эти воспоминания, но я не сомневаюсь, что смогу со временем пробудить их вновь. Пусть она вспомнит, что мы, несмотря на наши взрослые тела и привычки, по-прежнему остаемся детьми.

В прошлом письме ты лишь вкратце упомянула об Энтони. Надо сказать, я рассчитывала на большее. Меня немножко тревожит ваша связь. Я знаю, что ты по уши влюблена в этого человека. Боюсь только, что однажды он разобьет тебе сердце. Тебе, наверно, странно слышать такой практический намек от меня, которая никогда не следовала общепринятым правилам. Но друзья для того и есть, чтобы напоминать друг другу о

практической стороне жизни. Надеюсь, ты все-таки напишешь мне об этом человеке чуточку подробнее. В конце концов, если ты ему доверяешь, то и я не стану мучить себя подозрениями. Но я действительно боюсь, что в конце этого пути тебя ждет лишь сердечная боль (я слишком часто сталкивалась с ней сама, чтобы не упомянуть об этом). Обещай, что постарайшься оградить себя от подобного исхода.

Готова допустить, что мое настроение слегка подпорчено моими личными тревогами. Доктор обнаружил у меня в груди опухоль, так что на следующей неделе мне предстоит операция. Что потом, я и сама не знаю. Но ты не переживай – со мной все будет в порядке. Главное, что я снова пишу. И мечтаю. И очень часто улыбаюсь. А это единственное, что имеет для меня значение.

Чтобы немножко подбодрить меня, члены нашего «Общества пустоголовых» устроили на прошлой неделе чаепитие у Безумного Шляпника^[9]. Все мы нарядились в самые немыслимые головные уборы, пили чай и ели сдобные булочки. А еще хохотали до тех пор, пока совсем не выдохлись. Ну и здорово же было!

Беда в том, что порой мы относимся к себе слишком серьезно. Не далее как вчера я глянула на себя в зеркало и увидела там свою мать. А кажется, еще недавно я была одиннадцатилетней девочкой с косичками. И я по-прежнему та же девочка – просто надо почаще напоминать себе об этом. Для меня невыносима сама мысль о том, что я могу утратить связь со своим внутренним ребенком. Ты знаешь, это то, чего я боюсь больше всего.

Буду с нетерпением ждать твоего нового письма, так что прошу, отвечай поскорее.

С любовью из Нью-Йорка,

Брауни.

29 апреля 1946 г.

Дорогая Маргарет,

как ты себя сейчас чувствуешь? Мне невыносима сама мысль о том, что ты больна. Остается надеяться, что операция уже прошла и ты понемножку оправляешься от недуга.

Что говорит доктор? И сильно ли успела распространиться опухоль? Ты даже не представляешь, как я тебе сочувствую.

Как бы мне хотелось оказаться сейчас рядом с тобой, чтобы помочь тебе побыстрее встать на ноги. Счастье еще, что муза тебя не покинула и ты по-прежнему пишешь книжки! Твои истории для тебя – все равно что воздух.

Твоя задумка насчет тюльпанов привела меня в полный восторг. Это и правда самые трогательные из цветов. В их присутствии просто невозможно сохранять мрачное настроение. Пожалуй, мне стоит опробовать эту тактику в отношении Люсиль. Пожелай мне удачи. Прочитав в твоём письме о том, что у вас с сестрой много общих воспоминаний о детстве, я тут же вспомнила парочку случаев из нашего с Люсиль общего прошлого. Как-то раз мы упаковали с ней свои сумки и «сбежали» из дома на целый день. Мы прошли несколько миль по пыльной дороге и потратили последние деньги на жевательную резинку. Потом мы пробрались на чей-то двор и залезли на дерево. Там и нашел нас отец. Я не говорила тебе, что сохранила обертку от той жвачки? Все эти годы она лежит в моей шкатулке. Она олицетворяет первое мое приключение в большом мире, и это приключение у нас с Люсиль было общим. Не знаю только, помнит ли она о нем?

Еще я хочу поделиться с тобой замечательной новостью. Я знаю, ты беспокоишься из-за Энтони, и все же, невзирая на осторожность и здравый смысл, я должна признать, что совсем потеряла голову.

Даже не представляю, как сообщить тебе обо всем. Ты ведь знаешь, что я всегда мечтала о собственном магазине, в котором будут продаваться только детские книжки? Так вот, Энтони предложил купить мне такой магазин! Должна признать, его предложение оказалось для меня полной неожиданностью, и я до сих пор еще не привыкла к этой мысли. Энтони уже нашел чудесный кирпичный дом неподалеку от Зеленого озера. На первом этаже можно сделать магазин, а на втором будет располагаться уютная квартирка. Он хочет обставить помещение мебелью и наполнить его книгами (первым делом я закажу «Маленький остров», последнюю из твоих историй!). Словом, я приняла его предложение.

Я знаю, о чем ты сейчас подумала, но, поверь мне, для

Энтони важно только одно – сделать меня счастливой. Такого доброго человека я еще не встречала. Он сказал, что любит меня, и эта покупка – способ выразить свои чувства. Но он добавил, что такой подарок меня ничем не обязывает, и если я решу расстаться с ним, то смогу и впредь распоряжаться магазином (договор составлен на мое имя).

Я уже придумала название для магазина: «Синяя птица». Как тебе? Ах, Брауни, жаль, что ты не можешь этого видеть! На первом этаже есть даже камин (система отопления тоже, но камин придает помещению дополнительное очарование). Благодаря высоким потолкам мы сможем разместить там множество полок. Энтони уже нанял плотника, чтобы тот сделал лесенки на колесах – так я смогу дотягиваться до книг на самом верху. Как я уже писала, на втором этаже находится очень уютная квартирка. Мне нужно научиться готовить, чтобы я смогла угостить Энтони ужином.

Чувствуешь, как я счастлива?

Позже напишу обо всем подробнее. И я буду все время думать о тебе и твоём здоровье.

С любовью, Руби.

Я улыбаюсь, вспоминая ее слова о том, что все эти годы она хранила обертку от жевательной резинки. Моя рука сама тянется к деревянной шкатулке, которая стоит на столике. Я роюсь в куче украшений – тут и кольца, и ожерелья, и браслеты – и в какой-то момент замечаю у задней стенки кусочек воощенной бумаги. Я вытаскиваю бумажку и прижимаю ее к носу. Запах жвачки давным-давно выветрился, но дух приключения по-прежнему жив. Я смотрю на обертку и представляю, как Руби и Люсиль спешат по пыльной дороге, дружно хихикая и размахивая руками.

И я вспоминаю о другом приключении. Как-то раз мы с Эми стащили наволочки с подушек и привязали их к длинным прутьям (что-то подобное мы видели в одной из серий «Смурфов»^[10]). Потом мы набили их всякой всячиной – главным образом книжками и мягкими игрушками – и тоже пустились в бег. До самой темноты бродили мы по окрестностям, пока не проголодались так, что решили даже залезть на дерево за яблоками (моя идея). Но закончилось все тем, что мы вернулись-таки домой. Нас никто не искал, как это бывает обычно в фильмах. А для чего еще бегут дети из дома? Чтобы родители поспешили отыскать их, заверив в своей

бесконечной любви. Ну а мы с Эми вернулись домой с печальными сердцами и пустыми желудками.

Воспоминания о Эми не дают мне покоя. А может, так будет всегда. Может, мне надо просто смириться с этим.

Но есть еще кое-что, что не дает мне покоя. Это загадочный мужчина из тетушкиных писем. Я достаю ноутбук и усаживаюсь на постель Руби. Я вбиваю в поисковую систему имя Энтони Магнусона, и мне тут же выдают не одну тысячу результатов. Первым делом я щелкаю на некролог в «Сиэтл Таймс», датированный 9 декабря 1974 года.

В память Энтони Магнусона

Сиэтл оплакивает потерю Энтони Магнусона. Он умер в этот вторник в больнице от травм, полученных во время катания на Зеленом озере. Ему было 62 года. Жители Сиэтла бесконечно благодарны Магнусону за поддержку благотворительного фонда, который был основан его отцом столетие назад. У Энтони Магнусона остались жена Виктория и дочь Мэй. Соболезнования можно направить по адресу благотворительного фонда Магнусонов.

Я ищу в Интернете адрес благотворительного фонда и щелкаю на ссылку, которая ведет на официальный сайт. Здесь, в разделе «о нас», указано, что Виктория Герхардт Магнусон является почетным председателем фонда, а Мэй Магнусон – исполнительным директором. Я нажимаю на электронный адрес и вбиваю в открывшееся поле записку:

*Дорогая Мэй,
меня зовут Джун Андерсен. Недавно скончалась моя тетушка Руби, оставив мне в наследство свой магазин «Синяя птица». В ее письмах я обнаружила упоминание о том, что одно время моя тетя и ваш отец поддерживали очень тесные отношения. Должна признать, что мне совершенно неизвестна эта страница ее жизни. Прошу прощения, если пробудила в вас неприятные воспоминания. Я буду в Сиэтле до тех пор, пока окончательно не разберусь с наследством. Буду признательна, если вы сможете уделить мне пару минут для личной беседы.*

С наилучшими пожеланиями,

Джун Андерсен.

Отправив письмо, я начинаю просматривать почту. В ящике дюжина посланий от Артура. О его состоянии можно догадаться по бесчисленному количеству восклицательных знаков и заглавных букв. Артур хочет знать, куда я запропастилась и когда вернусь. Движимая чувством вины – а может, и страха, – я жму на кнопку «ответить» и печатаю немеющими пальцами:

Артур, ради бога, прости за задержку. Боюсь признаться, но мне требуется больше времени, чем я предполагала. Я думала, что успею обернуться за неделю, но в действительности мне придется отложить возвращение в Нью-Йорк. Прошу запастись терпением. Я буду держать тебя в курсе событий.

Джун.

При мысли о том, что на кону может стоять моя работа, меня охватывает панический страх. Потеряв место, я потеряю все. А этого я допустить не могу. Необходимо как можно скорее закрыть магазин. Но прежде всего нужно узнать у адвоката, в каком состоянии находятся финансы моей тетушки. Заложена ли книжная? И не висит ли на ней какой-нибудь долг? Я должна разобраться в этом, прежде чем обращаться к застройщику. У адвоката наверняка есть вся необходимая информация. Мне нужно лишь запросить ее в письменном виде. Именно так я и поступаю.

Отправив это послание, я закрываю ноутбук и принимаю таблетку. Потом я ложусь на кровать и жду, пока сердцебиение не придет в норму. Попутно я размышляю о том, как мне все-таки поступить с наследством тетушки.

Нерешительность – это слабость, любит повторять Артур. А вдруг это не так? Что, если нерешительность – нормальное человеческое качество? Я внимательно обдумываю каждый из возможных сценариев. Взять мою нью-йоркскую жизнь. Там все определено. Каждое утро я поднимаюсь с рассветом и спешу на работу. Я вкалываю с утра до ночи, но за это мне платят очень даже неплохие деньги. А как насчет жизни в Сиэтле? Тут все не так просто. Решившись на этот вариант, я подвергаю себя неоправданному риску. Буквально накануне я прочла в «Уолл-стрит-джорнэл» статью, где говорилось о том, что хозяева книжных магазинов обречены. Даже если я попытаюсь спасти «Синюю птицу», если вложу в нее всю свою силу и энергию, я все равно могу разориться. С практической

точки зрения это все равно что вкладываться в невыгодные акции. Любой аналитик скажет, чтобы ты поскорее от них избавлялась. Так почему же внутренний голос нашептывает мне «покупай»?

В изнеможении я прикрываю глаза и потихоньку погружаюсь в дрему. Мне снится сад, в котором книги растут прямо на дереве. Здесь же сидит Руби в кресле-качалке. Она улыбается, глядя на нас с Гэвином: мы с ним читаем. Потом я вижу Эми. Она прогуливается рука об руку с доктором из Нью-Йорка. И на этом моем счастье приходит конец.

Я открываю глаза и растерянno обвожу взглядом комнату. Долго ли я спала? Часы на стене показывают пять. В этот момент я вспоминаю про ужин у «Антонио». Я быстро надеваю прямую черную юбку и красную блузку. Дополняют наряд туфельки на высоком каблуке. Волосы я аккуратно зачесываю назад в тугий хвост. Я пока не знаю, чего мне ждать от этого вечера, но не хочу обманывать ожиданий Гэвина.

Я выхожу на улицу и вижу, как парочка средних лет, привлеченная какой-то джазовой мелодией, спешит ко входу в ресторан. Вдохнув поглубже, я направляюсь вслед за ними. Сквозь стеклянную дверь я вижу Гэвина в фартуке и белоснежной рубашке. Он направляется к новым гостям и в этот момент замечает меня. Не помедлив ни секунды, он устремляется к двери.

– Сюда, сюда, – ухмыляется он, распахивая передо мной дверь.

Я с улыбкой захожу внутрь помещения. В углу зала три человека наигрывают джаз. Мелодия плывет по воздуху, смешиваясь с ароматами итальянских блюд. Я с удовольствием вдыхаю эту необычную смесь.

– Хорошо, что ты пришла, – продолжает Гэвин, – а то у нас проблемы с персоналом.

– В смысле?

– Адрианна простыла, – поясняет он, – а один из наших официантов улетел в Калифорнию по неотложным делам. – Он вручает мне фартук. – Поможешь обслужить столики?

– Обслужить столики? – ошеломленно качаю я головой. – Но я ни разу...

– Ничего хитрого тут нет, – замечает Гэвин. – Просто спрашивай, что они хотят заказать, подноси еду, а потом время от времени интересуйся, не желают гости чего-нибудь еще, – не дожидаясь моего ответа, он вручает мне ручку и блокнотик. – Буду тебе очень признателен.

В следующее мгновение он исчезает за дверью, которая ведет в кухню. Я поворачиваюсь к посетителям, и пожилой кларнетист одаривает меня понимающей улыбкой.

Ничего сложного в этом нет, говорю я себе, повязывая вокруг пояса фартук. Поглубже вздохнув, я подхожу к ближайшему столику.

– Добрый вечер, – говорю я. – Сегодня я помогаю Гэвину обслуживать столики. Вам что-нибудь принести?

* * *

В половине одиннадцатого я приношу последний заказ, тирамису. В это же время Гэвин вешает на дверь табличку с надписью ЗАКРЫТО. Я вытираю стойку, последние посетители гуськом тянутся к двери. Одна женщина немного перебрала и теперь пошатывается. Вот она спотыкается на тротуаре, и кавалер хватается ее под руку.

Ноги у меня горят огнем. Скинув свои лодочки, я опускаюсь на ближайший стул. Гэвин наклоняется ко мне через стойку.

– Ты держалась просто потрясающе, – замечает он. – Пойдешь ко мне на работу?

– По-моему, ты мне льстишь, – с улыбкой отвечаю я. – Кстати, прошу прощения за ту неприятность с равиоли.

Гэвин смеется, вспоминая о том, как я плюхнула на пол тарелку с равиоли.

– Поэтому-то мы и не кладем на пол ковер. Так его гораздо проще держать в чистоте.

– Спасибо, что сразу не уволил, – улыбаюсь я.

– Ну как, ты проголодалась?

– Еще как! Ничто так не пробуждает аппетит, как работа официанта. Я думала, что истеку слюной, когда тот парень с углового столика заказал путанеску.

Я развязываю фартук, а Гэвин тем временем включает стереосистему, которая стоит за барной стойкой. Динамики оживают, и из них начинает литься негромкая музыка. Гэвин открывает бутылку вина и разливает его по бокалам.

– За новые начинания, – протягивает он мне бокал.

– За новые начинания, – откликаюсь я.

– Идем. – Он встает и сжимает мою ладонь. – Теперь я буду готовить ужин для тебя.

Я надеваю туфли и спешу за ним на кухню. Свет здесь приглушенный, отчего помещение выглядит на редкость уютно. Гэвин снимает со стены кастрюльку, а затем, налив в нее немного масла, ставит на огонь.

– Это блюдо, – говорит он, указывая на кастрюлю, – я готовлю для тех, кто стоит перед серьезным выбором.

– О чем это ты? – качаю я головой. – Мне вовсе...

– Ты получила в наследство магазин, который находится за тысячи миль от твоего дома и работы. Ясное дело, тебе придется принимать решение. Причем весьма серьезное.

Гэвин добавляет в кастрюлю чеснок, после чего как следует встряхивает ее. За чесноком следуют базилик и целая горка нарезанных помидоров.

– В таких случаях помогает паста арабиата, – замечает он. – Это то средство, которое делает ум более ясным.

– Если бы все было так просто, – улыбаюсь я.

– Поверь, все так и есть. – Гэвин ставит соус на огонь, а сам садится рядом со мной за стол. – Расскажи мне о себе, – просит он.

– Что именно тебя интересует? – осторожно спрашиваю я.

– Я знаю, что ты выросла в этом городе, а потом уехала на другой конец страны. Почему?

– А если я скажу, что в этом виноват дождь? Поверишь?

– Нет, – улыбается он. – Я прожил тут достаточно долго и знаю, что жители Сиэтла не боятся дождя. Вы привыкли к сырости.

– Верно, – усмехаюсь я. – Мы даже не пользуемся зонтами.

– Я заметил, – усмехается он в ответ. – Вас может затопить, но никто и ухом не поведет. А еще эта странная привычка носить шлепанцы в январе!

Я смущенно пожимаю плечами.

– Да уж, таких, как мы, еще поискать.

– Так в чем же причина? Почему ты все-таки уехала?

На мгновение я отвожу взгляд.

– По той же причине, по какой все уезжают из дома. Чтобы доказать...

– Доказать что?

– Понимаешь, у меня произошла стычка с матерью, – говорю я. – Она никогда меня не понимала. Мы с ней слишком разные. И мне совсем не хотелось стать такой же, как она. На работу она смотрела не иначе, как на тяжелое бремя. Как я теперь понимаю, это потому, что ей так и не удалось найти своего призвания. Трудно проявлять энтузиазм, когда работаешь в продуктовом магазинчике.

– Ну почему же... Если ты *любишь* работать в продуктовом магазине... – возражает Гэвин.

– Верно, – киваю я. – Но это не про маму. Она свою работу не любила.

– Получается, что ты хотела найти свое призвание?

– И да и нет, – отвечаю я. – На самом деле я всегда думала, что останусь в Сиэтле и буду помогать Руби с книжками. В детстве я только об этом и мечтала. Но после скандала с мамой я почувствовала, что мне лучше уехать. Я хотела найти свой путь. Не знаю, понятно ли это тебе...

– Очень даже понятно, – замечает Гэвин. – Нечто подобное случилось и со мной.

Я смотрю на него.

– Словом, я решила уехать как можно дальше. Руби училась в колледже на Восточном побережье, вот и я стала присматриваться к этим местам. И в итоге остановилась на нью-йоркском университете. Вместе с письмом, которое извещало меня о зачислении, я получила и полную стипендию.

– Ну и ну! – восклицает Гэвин. – Да ты, должно быть, окончила школу круглой отличницей!

– Нет, – качаю я головой. – То есть оценки у меня были хорошие, но далеко не лучшие. Как мне объяснили, стипендию я получила благодаря щедрости анонимных лиц, которые пожелали остаться неизвестными. Так они решили отметить успехи девочки из малообеспеченной семьи. В любом случае я была искренне признательна за полученную возможность, ведь благодаря этой стипендии я сумела получить диплом финансиста.

Во взгляде Гэвина явно читается замешательство.

– Но почему ты выбрала именно финансы?

Ну что тут скажешь?

– Видишь ли, – вздыхаю я, – когда мне пришлось определяться со специальностью, я присмотрелась повнимательнее к финансовой области и подумала: «Ага, финансы – это деньги. Если я научусь управлять деньгами, то никогда уже не буду бедной». В итоге я без особых затруднений постигла эту науку, так что все и правда обернулось к лучшему.

– К лучшему ли? – Гэвин смотрит на меня с явным недоверием.

– Конечно. – Я стараюсь говорить как можно увереннее.

– А как Руби отнеслась к твоему отъезду?

Мое сердце сжимается при мысли о том, что я так давно не заглядывала в «Синюю птицу». В нашу последнюю встречу в глазах у Руби стояли слезы, хоть она и пыталась их всячески скрыть.

– Она была не в восторге от моего решения. Но, по крайней мере, приняла его. Чего не скажешь о маме. Она заявила, что я, должно быть, совсем спятила, раз решила ехать через всю страну в какой-то навороченный колледж. Не пройдет и года, сказала она, как я снова вернусь в Сиэтл. Если уж мне так хочется хорошей жизни, так почему бы не выйти

замуж за какого-нибудь состоятельного мужчину?

Гэвин смотрит на меня с сочувствием и пониманием, и мне, невзирая на застарелую обиду, хочется ему открыться.

– Разве ты не видишь, – он бережно сжимает мою руку, – что твоя мать метила вовсе не в тебя, а в себя. Ее замечание – результат разочарования в *собственной* жизни. Взрослые часто окрашивают жизнь детей в те же оттенки, которыми успели разрисовать свою.

Мне очень хочется поверить ему, но во мне все еще жива та семнадцатилетняя девушка, которая все принимала исключительно на свой счет.

– Когда я бросил работу в юридической фирме, то уехал на пару недель домой, чтобы подыскать для себя подходящую кулинарную школу, – говорит Гэвин. – Однажды отец взял меня с собой на рыбалку. До конца жизни не забуду, каким взглядом он меня окинул, когда заявил, что я полный идиот, раз бросаю такую хорошую должность. И еще добавил, что утратил ко мне всякое уважение, что я в его глазах больше не мужчина. – Он вздыхает и тянется за бокалом вина. – Конечно, меня это задело, но потом я подумал, что нечто похожее говорил ему когда-то его собственный отец. Все повторяется из поколения в поколение, и если с этим не бороться, то и мы со временем будем делать то же, что и наши родители. Мы возлагаем на детей те же надежды, которые когда-то возлагали на нас наши родители. И если нас задеть, мы без труда скатываемся к привычному образу мыслей. Но мы в состоянии сломать старые шаблоны.

– Так ты и поступил, верно?

– Да, – кивает он, – но мне пришлось нелегко. Шло время, а в голове у меня по-прежнему звучали слова отца: «Ты полный идиот. Я потерял к тебе всякое уважение».

– И чем все закончилось?

– Потом ко мне в гости приехала мама, чтобы взглянуть на наш ресторан. Нет ничего лучше, сказала она, чем наблюдать за мужчиной, который любит свою работу – особенно после того, как прожил целую жизнь с человеком, который свою работу ненавидит. Для меня это стало настоящим открытием. Мой отец проработал много лет в крупной корпорации и дослужился там до вице-президента. Видела бы ты его стол! Он весь уставлен наградами за отличный труд. Я искренне считал, что он любит свое занятие, но оказалось, что это совсем не так. И тогда я простил его. И начал жить собственной жизнью. – Гэвин вновь сжимает мою ладонь. – Ты тоже не должна подстраиваться под представления своей матери о том, что правильно, а что нет. Все мы живем только раз, и только

от нас зависит, сумеем ли мы сделать свое существование насыщенным и осмысленным. Что толку из года в год страдать на нелюбимой работе? Единственной наградой за такое долготерпение станет впустую потраченная жизнь.

Я смахиваю со щеки слезу.

– Это как раз то, чем я занимаюсь. И чувствую себя от этого ужасно несчастной.

– Ты говоришь о своей работе в банке?

Я утвердительно киваю.

– Тогда оставь это в прошлом, – говорит Гэвин. – Начни все сначала. Никогда не поздно начать все заново. Постарайся жить той жизнью, которая принесет тебе радость.

– Не знаю, получится ли у меня...

Гэвин склоняется над моим плечом.

– Обязательно получится, – шепчет он мне на ухо и тут же вновь отходит к плите. Быстрым движением руки он встряхивает кастрюльку с соусом, после чего вываливает на дуршлаг готовые макароны.

– Это блюдо поможет тебе принять решение.

Взяв с полки две белые тарелки, Гэвин щедро накладывает туда макароны, после чего обильно поливает их соусом. Завершает картину пармезан, натертый на мелкой терке. Гэвин ставит передо мной тарелку, а я чувствую, как на мои глаза вновь наворачиваются слезы. Может, от того, что уже давным-давно никто не готовил для меня ужин. То ли я просто почувствовала себя счастливой.

– Попробуй, – говорит Гэвин, вручая мне вилку.

– Выглядит потрясающе. – Я тщательно прожевываю первый кусочек. – Да и вкус удивительный!

Мы едим в полном молчании, пока на тарелках не остается ни крошки.

После Райана я еще ни к кому не испытывала чувств, и на мгновение меня пугает этот всплеск эмоций. Мои отношения с Райаном закончились просто ужасно, и я поклялась, что больше никогда не буду зависеть от мужчин. Но эти чувства кажутся чуточку иными. Мне вспоминается, как Руби писала про Энтони, что могла бы завернуться в его улыбку и проспать так не одну тысячу лет. Лишь сейчас я понимаю, что она имела в виду. Да, я едва знакома с Гэвином, но мне хочется только одного: узнать его как можно лучше. Наши взгляды встречаются, и я чувствую, что меня влечет к нему, как магнитом. Он притягивает меня к себе, и я ощущаю на губах его поцелуй. Моя голова начинает кружиться, и весь мир кажется легким и невесомым. Я не слышу, как распаивается кухонная дверь, и Гэвин вдруг

резко отстраняется от меня. Я поворачиваю голову и вижу Адрианну. Она смотрит на нас со странной смесью боли и обиды.

– Простите, – качает она головой. – Я не знала... Я...

Гэвин отступает назад, и по выражению его лица я пытаюсь понять, что он сейчас чувствует. Вину? Сожаление? Тревогу? Что-то еще?

– Жар у меня спал, – продолжает Адрианна, – и я решила заскочить в ресторан и посмотреть, как ты справляешься с посетителями. К тому же мне надо с тобой кое о чем поговорить. Но это не срочно. – Она поворачивается и направляется к двери.

– Нет-нет. – Гэвин явно встревожен. – Что ты хотела сказать?

Адрианна смотрит на меня, потом на Гэвина.

Я замираю от изумления, когда она стрелой выскакивает за дверь. Гэвин спешит вслед за ней.

– Адрианна, прошу тебя, – кричит он.

Я чувствую себя ужасно неловко. Эти двое о чем-то жарко спорят, и ни один из них не замечает, как я беру сумочку и выбираюсь на улицу через заднюю дверь.

Я быстро проскальзываю в свой магазин и поднимаюсь на второй этаж, стараясь не думать о Гэвине. Через полчаса я слышу легкий стук в дверь, но считаю за лучшее проигнорировать его.

Глава 8

На следующее утро я просыпаюсь в начале девятого. Прошлый вечер выдался для меня прекрасным и ужасным одновременно. Моя левая рука ноет от тяжелых подносов с едой, которые я вчера вечером перетаскала у «Антонио». Ничуть не меньше ноет и мое сердце. Эта тупая боль появляется всякий раз, когда я вспоминаю, какими глазами смотрел вчера Гэвин на Адрианну. Я не уверена, что мне хватит смелости блуждать в потемках этих запутанных отношений. Что бы там ни говорил Гэвин, они с Адрианной еще не поставили точку. По крайней мере, именно это заметно было вчера по поведению Адрианны.

Мой телефон звонит. Номер мне незнаком, поэтому я с осторожностью нажимаю на кнопку:

– Алло?

– Джун? – раздается в трубке такой знакомый голос. – Джун, ты все-таки ответила. Я уже столько времени пытаюсь до тебя дозвониться. Мама сказала, что ты в Сиэтле.

Эми явно нервничает, это заметно по ее тону.

– Джун. – Эми говорит так, будто я стою на краешке моста, и она боится, как бы я не прыгнула вниз. Хотя на самом деле боится она только одного – как бы я не нажала на кнопку «завершение разговора».

– Джун, только не отключайся. Прошу тебя, прости меня. Прости за все. Мне нужно...

– Эми, слишком поздно для извинений. – Я отнимаю телефон от уха. Какое-то мгновение я молча смотрю на экран. Мне вспоминаются Руби и Маргарет – их бесконечные попытки наладить отношения с сестрами. *Может, и мне?..* Но я решительно жму на клавишу, и телефон умолкает. Мне не нужны ее извинения. Мне ничего от нее не нужно. Что бы она ни сказала, ее слова не смогут изменить прошлого. Если меня чему-нибудь и научила моя работа, так это решительности и продвижению вперед. С Эми я распрощалась несколько лет назад, и с этим уже ничего не поделаешь.

Я вздыхаю. Как бы мне ни хотелось не думать об Эми, мысли никак не желают меня слушаться. Ее голос пробудил во мне множество воспоминаний. Мне снова десять. С шестилетней сестрой Эми мы играем на полу магазина в «старую деву». Руби наверху готовит нам сэндвичи. Я жульничаю и позволяю Эми выиграть, а потом восхваляю ее непревзойденные способности карточного игрока.

– Джун, – спрашивает она, – а кто такая старая дева?

Я задумчиво морщусь носик.

– Думаю, это пожилая дама, которая так и не вышла замуж.

– Как Руби? – интересуется Эми.

– Нет, – решительно говорю я. Руби и правда никогда не была замужем, но мне и в голову не придет назвать ее старой девой. Для меня она – человек, который тщательно спланировал свою жизнь. Если бы она захотела, то уже давно бы обзавелась подходящим мужем.

– Нет, – повторяю я. – Руби – не старая дева. И наша мама тоже.

Эми понативно кивает.

– У мамы много мужчин.

Так-то оно так, но ни один из них не задерживается рядом с ней надолго. Отец Эми ушел от нас, когда ей было всего две недели. По крайней мере, так объяснила нам мама. Насчет своего отца я вообще ничего не знаю. Когда я спросила о нем у мамы, она сказала что-то вроде того, что этому мужчине совсем не хотелось быть отцом.

– Как думаешь, почему Руби так и не вышла замуж? – с любопытством спрашивает Эми.

В ответ я пожимаю плечами.

– Может, она и не хотела. Все женщины разные.

– Ну а я, когда вырасту, выйду замуж за прекрасного принца, – заявляет Эми. – И мы будем жить с ним в настоящем замке.

Внезапно мы замечаем женщину, которая стоит рядом с нами. Мы почему-то не заметили, когда она вошла в магазин. Она еще совсем молодая, с темными, до плеч, волосами.

– Моя мама вышла замуж за человека, который ничем не уступал настоящему принцу. И поселились они в великолепном доме, очень похожем на замок, – говорит незнакомка, обращаясь к Эми.

Эми широко улыбается ей, но я смотрю на женщину с недоверием. Она обращается к нам как будто знает нас очень давно, хотя на самом деле мы ее ни разу не видели. Я еще не забыла, как Руби однажды сказала мне: «Если кто-нибудь заглянет в магазин и скажет, чтобы вы на минутку вышли, ни в коем случае не уходите, а сразу бегите ко мне». Поначалу меня это напугало, но потом я увидела в новостях передачу про девочку, которую увели из дома незнакомцы в масках, и решила, что тетя просто пытается оградить нас от похитителей.

– И она жила долго и счастливо? – спрашивает Эми. – Ваша мама?

Прежде чем ответить ей, женщина окидывает меня внимательным взглядом.

– Нет, – говорит она, – злые люди испортили эту сказку.

Женщина протягивает мне конверт.

– Передашь это Руби?

– Хорошо, – киваю я.

На лестнице раздаются шаги Руби. Женщина спешит к автомобилю, который ждет ее у магазина, так что тетя не успевает даже взглянуть на нее.

– С кем это вы разговаривали? – спрашивает Руби.

– Не знаю, – качаю я головой, – но она попросила передать тебе вот это.

Руби берет у меня конверт и прячет его в ящик стола. Больше она не упоминает об этом событии.

Ноутбук негромко звякает, и это возвращает меня к действительности. Пришло письмо от Мэй Магнусон, дочери Виктории Магнусон. Я быстро открываю его.

*Дорогая Джун,
я буду рада побеседовать с вами, но предпочла бы сделать
это лично. Пока что я в Европе, но уже через несколько дней
вернусь домой. Не заглянете ли вы ко мне на Квин-Энн? Чтобы
договориться о встрече, свяжитесь с моей помощницей Керри
(адрес прилагается). Нам с вами нужно многое обсудить.
С уважением,*

Мэй.

Письмо мало что прояснило, но я тут же пишу ей ответ, в котором предлагаю встретиться во вторник.

Затем я отправляюсь на пробежку вокруг озера, однако предварительно сворачиваю на боковую улицу, чтобы не проходить мимо «Антонио». Не хочу встречаться ни с Гэвином, ни с Адрианной. По крайней мере, пока. Не знаю, хватит ли у меня храбрости влезть в их историю. Да-да, именно в их. Глупо было думать, что это история наша с Гэвином.

Вернувшись с пробежки, я приступаю к поискам «Маленького острова». Мне не сразу удастся найти первое издание, но внутри, как и предполагалось, меня ждут два конверта.

*9 мая 1946 г.
Дорогая Руби,*

спешу сообщить, что мне уже гораздо лучше. После двух недель постельного режима я вновь выхожу на улицу! И моя левая рука снова в порядке, что тоже как нельзя кстати (попробуй привязать на часик левую руку, чтобы она оказалась полностью обездвиженной, и ты поймешь всю глубину моих страданий). Нужно потерять нечто на первый взгляд ненужное, чтобы оценить это по достоинству.

Мы с Робертой ходили в зоопарк! Правда, для этого мне пришлось использовать пару уловок. Если уж на то пошло, я называю это «Операция “Сестры”». Я с искренним удовольствием измышляю способы, которые позволили бы растопить между нами лед. Мы с ней шагали по Шестидесятой, и я предложила пройти напрямик к кафе, в котором мы собирались пообедать. И – надо же! – через пару домов мы оказались рядом с зоопарком. Я уговорила Роберту заглянуть туда хотя бы на минутку, и в итоге мы сказочно повеселились. Оказывается, плохое настроение можно развеять не только букетом тюльпанов, но и наблюдением за обезьянками ужимками. Очень рекомендую тебе пригласить Люсиль в зоопарк и поболтать с ней перед клеткой с обезьянками. Это просто волшебное средство!

Ну а теперь про книжный магазин. Надо же, твой собственный книжный! Что и говорить, я просто потрясена – и в то же время безумно счастлива за тебя. Жаль только, не я дала тебе на него денег. Я не в восторге от того, как много места занял в твоей жизни этот человек. Правда, ты пишешь, что любишь его, и я вынуждена поверить твоим словам.

Мне трудно доверять мужчинам – особенно тем, к кому я испытываю чувства. По правде говоря, я совершенно не разбираюсь в мужчинах. Иногда думаешь, что познакомилась с честным и порядочным человеком, а в итоге все оказывается наоборот. Взять, к примеру, Билла Гастона, парня, в которого я безумно влюбилась прошлым летом в Вайнелхейвене. Так он, как оказалось, был женат. Потом он, правда, развелся (я было решила, что ради меня). Но когда я в новом сезоне вернулась на остров, он уже ухлестывал за кем-то другим. Вынуждена признать, что эта другая оказалась вдвое моложе меня.

В утешение я обрела непреходящую любовь к Вайнелхейвену и всем Лисьим островам. Я и сама не понимаю, что так сильно

влечет меня в эти места. Климат тут весьма суровый (порой я даже сравниваю себя с Маргаритой из «Горного лавра»^[11]). А местные жители, главным образом рыбаки да бывшие рабочие (когда-то здесь был карьер, в котором добывали гранит), считают меня, мягко говоря, особой эксцентричной. Но это не помешало мне купить тут свое первое – и единственное – жилье. Я даже назвала его Единственным домом, поскольку не желаю обременять себя множеством жилищ. Мне отвратительна сама идея скупать дома как драгоценности. У меня в собственности будет только один дом – скромный коттедж с маленькими комнатками и без современных удобств. Мой «будуар» находится рядом с коридором, в задней части дома. Тут я поставила зеркальце, кувшин для чистой воды и французские флаконы с жидким мылом. Масло и яйца я держу в колодце, чтобы они не испортились, а бутылки с вином зарываю для удобства на склонах ближайшей речки. Видела бы ты глаза моих друзей, когда мы отправились на прогулку у воды и я достала из земли прекрасно охлажденную бутылку шардоне!

Порой моя жизнь представляется мне чем-то вроде грандиозной истории. Каждая моя новая глупость служит в ней очередным абзацем. И каждое утро я начинаю новую главу. Когда думаешь о жизни таким образом, то каждый день превращается в одно большое приключение. Если бы я осмелилась дать тебе совет (на что я, по правде говоря, не имею права), то порекомендовала бы вот что: всякий раз, когда удача поворачивается к тебе спиной, а события складываются вовсе не так, как хотелось бы, важно помнить, что только ты являешься автором собственной истории. Ты можешь писать ее так, как тебе вздумается, включая в ее сюжет любые персонажи. Она может быть счастливой или печальной, а порой и просто трагической. В любом случае выбрать тебе.

Всякий раз, когда мою жизнь наводняют неприятные события (на первый взгляд, совершенно от меня не зависящие), я говорю себе, что именно я – автор собственной истории. И любую главу я могу закончить так быстро, как только пожелаю. Ничто не мешает мне начать все заново. Я могу написать для себя меховое пальтишко и чудесную комнатку в Париже с видом на Сену.

То же самое можешь сделать и ты. Не забывай об этом,

хорошо? Ведь мы с тобой обе писательницы.

Но я увлеклась и забыла задать тебе много важных вопросов. Спрошу только вот что: могу я приехать к тебе в магазин, чтобы подписать свои книжки? А после того как магазин закроется (или до открытия?), мы сможем откупорить шампанское и выпить за твою удачу.

Не забывай про обезьянок.

С любовью,

М. Б.

15 мая 1946 г.

Дорогая Брауни,

я несказанно рада тому, что ты уже выздоравливаешь. Не могу представить, как бы я жила без одной руки, как не могу представить и мир, в котором не будет тебя.

Обезьянки! Боже, какая блестящая идея! Я уже готова подключиться к «Операции “Сестры”». Боюсь только, мне придется преодолевать куда более серьезные проблемы, чем тебе с Робертой, но оно того стоит. Если бы только мне удалось рассмешить Люсиль, помочь ей взглянуть на меня прежними глазами! Я никогда не переставала любить сестру. Думаю, и она в глубине души по-прежнему меня любит. Нужно просто пробудить в ней эти чувства. И зоопарк в этом смысле представляется мне очень удачным местом. Кстати говоря, у меня есть приятель, в ведении которого находятся клетки с приматами (в одном из местных зоопарков). Может, попросить его организовать нам частный визит?

В остальном моя жизнь складывается весьма удачно. И пусть нам с Энтони не суждено пожениться, мы тем не менее чувствуем себя счастливыми молодоженами. Я знаю, глупо относиться так к мужчине, который никогда не станет твоим мужем, но это ничуть не портит наших отношений, очень прочных и глубоких.

Каждый вечер Энтони приходит ко мне на ужин. Я готовлю в своей маленькой квартирке, которая расположена прямо над книжным магазином. Вчера, например, у нас была форель. Повар из меня никудышный, но я стараюсь изо всех сил, а Энтони в этом смысле просто лапочка. Он съест все, что бы я ни подала

на стол (даже ту ужасную запеканку, которую я приготовила на прошлой неделе).

Я люблю наши вечера. Мы вместе читаем у огня или расставляем книжки, которые только-только поступили в магазин. До верхних полок я дотянуться не могу, и Энтони откладывает часть книг, чтобы расставить их потом (на следующей неделе плотник уже должен установить лестницы).

Но как только часы бьют восемь, наш маленький мирок рушится на глазах. Ни разу еще Энтони не остался у меня ночевать. Он всегда возвращается домой, к Виктории.

Я стараюсь относиться к этому с пониманием. Стараюсь ему доверять. И я действительно ему верю. Как, например, прошлым вечером, когда Энтони, прощаясь со мной у дверей, сказал: «Ты – единственная, кого я люблю и буду любить вечно». И все же я со слезами на глазах наблюдаю за тем, как он переступает через порог, уходя к себе домой. Каждый вечер он покидает наш маленький мир ради другого, который мне совершенно чужд.

Но довольно о делах сердечных. Я счастлива сообщить, что «Синяя птица» наконец-то открыла свои двери! Ах, Брауни, именно о таком магазине я и мечтала всю свою жизнь. От пола до потолка тянутся полки с книгами. Большой камин, перед которым стоят два уютных кресла. Энтони распорядился, чтобы плотник сделал маленькие стульчики для детей. По средам у нас тут будет читальный зал. Сама я могу с удобством устроиться в кресле-качалке.

Время уже позднее. Сейчас я погашу огни и поднимусь к себе наверх. Надо сказать, в последние дни меня кое-что беспокоит. Вчера я заметила на улице вспышку фотоаппарата, и тут же от магазина отъехала какая-то машина. А этим вечером в магазин заглянул какой-то странный мужчина. По тому, как он тут осматривался, было ясно, что интересуют его вовсе не книжки. Не хочу казаться параноиком, но все это несколько выбивает меня из колеи. Энтони я ничего не сказала, поскольку не хочу его беспокоить.

Даже странно, что мир может быть и восхитительным, и тревожным в одно и то же время.

Жаль, что тебя здесь нет. И правда, Брауни, приезжай в Сизтл! Я устрою для тебя потрясающую вечеринку.

С любовью,

Руби.

P.S. Я все повторяю твои слова о том, что именно мы – авторы собственной жизни. Ни разу еще я не слышала, чтобы эту мысль выразили так просто и ясно. Я всегда буду вспоминать эту маленькую мудрость, особенно в дождливые дни.

Я кладу письма в маленькую корзинку, куда прячу все найденные мною конверты. Интересно, почему Руби оставила для меня именно эти письма? Видимо, она хотела сообщить мне что-то важное. Что-то такое, о чем не смогла рассказать при жизни. Я в задумчивости прислоняюсь к изголовью кровати. «Операция “Сестры”». Может, Руби имела в виду нас с Эми? Возможно, потерпев неудачу с собственной сестрой, она надеялась, что уж нам-то удастся сохранить отношения? Или же она пытается донести до меня что-то очень личное, не предназначенное для посторонних глаз? Мне вспоминаются слова Маргарет: *Всякий раз, когда удача поворачивается к тебе спиной, а события складываются вовсе не так, как хотелось бы, важно помнить, что только ты являешься автором собственной истории. Ты можешь писать ее так, как тебе вздумается, включая в нее каких угодно персонажей. Она может быть счастливой или печальной, а порой и просто трагической. В любом случае выбирать тебе.*

Эта мысль еще долго не дает мне покоя. Я вспоминаю свой нью-йоркский офис, Артура и всех тех, кто работает в нашем департаменте. Мне представляется, как все они сидят за столом в конференц-зале. Я тоже сижу среди них, с холодным, напряженным выражением лица. Сердце мое начинает биться быстрее, когда я понимаю, что это вовсе не та счастливая история, о которой упоминала Маргарет. Совсем не такую историю я хотела бы сочинить для себя. Я вытаскиваю очередную таблетку от давления и запиваю ее водой. «Руби? – шепчу я в пространство. – Ты здесь? Ты меня слышишь? Я бы хотела переписать свою историю, вот только не знаю, как мне это сделать».

Глава 9

Во вторник в половине десятого утра я стою перед домом Мэй Магнусон и с верхней ступеньки обзираю этот массивный особняк с ионическими колоннами, которые тут же напоминают мне о Белом доме. Живая изгородь из самшита обрамляет ухоженный сад, в котором пышно цветет бальзамин. Этот красивый цветок я люблю с детства. Руби тоже высаживала бальзамин в керамические горшки перед своим магазином. Вздохнув, я нажимаю на кнопку звонка. При звуке чьих-то шагов мое сердце начинает биться быстрее.

Дверь открывается, и я вижу молодую женщину.

– Вы, должно быть, Джун, – деловито замечает она. – Я – Керри, личный помощник мисс Магнусон.

– Да, здравствуйте. – Я прохожу за ней в просторный вестибюль.

Женщина ведет меня в комнату, которая находится в противоположном конце коридора.

– Прошу вас, присаживайтесь. Мисс Магнусон у себя в кабинете. Она присоединится к вам буквально через минуту. – Керри по-прежнему держится со мной с холодной любезностью. – Принести вам чашечку кофе?

– Нет, спасибо, – отвечаю я.

Она уходит, а я начинаю разглядывать комнату. У дальней стены высится камин. Над ним висит семейный портрет: мужчина в строгом костюме, темноволосая женщина в изысканном наряде и их маленькая дочь. На лицах – ни проблеска улыбки. Перед мужчиной сидит терьер. И даже пес выглядит чопорно-официальным.

На кофейном столике я вижу хрустальную вазу с лилиями и останавливаюсь, чтобы полюбоваться цветами.

– Мама любит лилии, – раздается женский голос сзади. – Они стоят во всех комнатах.

Я быстро поворачиваюсь и вижу в дверях женщину средних лет. Строгий брючный костюм подчеркивает стройную фигуру. Аккуратная, без изысков, стрижка до плеч. Единственным украшением может считаться пестрый шарф, повязанный вокруг шеи.

– Ваша мать живет здесь же, с вами?

– Да. – В голосе Мэй звучит легкая настороженность, как будто она ждет от меня подвоха. Она кивает на стул, приглашая меня присесть, а сама устраивается напротив на диване. Ваза с лилиями стоит между нами

хрустальным щитом.

– Для своих восьмидесяти трех мама в хорошей форме. Она по-прежнему много двигается, только теперь в сопровождении медсестры. – Мэй выравнивает на столике стопку журналов. – И мама любит, чтобы все было в идеальном порядке.

Я вспоминаю собственную мать. Всю жизнь меня раздражали ее легкомыслие и безалаберность, но в свете этой чопорности я готова простить ей все прошлые грехи.

– Признаться, – продолжает Мэй, – ваше письмо стало для меня большим сюрпризом.

– Вот как? – осторожно замечаю я.

Она кивает.

– Разумеется, я слышала о смерти Руби и хочу выразить вам свои искренние сожаления.

В ее взгляде светится доброта, но выражение лица остается таким же холодным и отстраненным.

– Спасибо.

– Джун, – говорит она, – что именно вам известно о прошлом вашей тети?

– Ну, – отвечаю я с некоторой нервозностью, – я знаю, что Руби и ваш отец были...

– Любовниками, – дополняет она ровным тоном. – Да, это правда.

В комнате воцаряется неловкое молчание. Очевидно, что для Мэй это по-прежнему болезненная тема. Внезапно я вижу ее такой, какой она была в далеком 1946 году: маленькая девочка с косичками, оказавшаяся заложницей этой невольной семейной драмы.

– Мать это просто убило, – со вздохом продолжает Мэй. – То, что они поддерживали отношения все эти годы. Она часто приезжала к магазину и парковалась напротив. Я обычно сидела на заднем сиденье. Мама просто пыталась понять, что же есть в вашей тете такого, чего нет в ней самой. К счастью, потеря памяти облегчила ей это бремя. Единственный плюс старческого слабоумия.

Видно, что в Мэй еще не утихла пережитая боль. Я решаю пока помолчать и просто послушать.

– Мне было тринадцать, когда меня стали мучить сомнения. Я спросила у мамы, и она обо всем мне рассказала. Она даже не пыталась сдерживать гнев, осыпая вашу тетю разными вульгарными эпитетами. – Мэй снова вздыхает. – Все свое свободное время папа проводил в книжном магазине. Это было, так сказать, их любовным гнездышком. Ну а наша

семейная жизнь превратилась для него... в чистую формальность.

– Простите, – говорю я. – Ничего подобного я и предположить не могла.

Рассказ Мэй бросает тень на ту чудесную любовную историю, которую я успела вообразить. Возможно, у каждой большой любви есть темная сторона. Глубокие чувства неотделимы от глубоких страданий.

– Мне всегда хотелось понять, что же такого чудесного в этой «Синей птице», что папа пропадает там днем и ночью. – Глаза у Мэй затуманиваются, как будто она вот-вот расплачется. – До сих пор помню один свой день рождения. Мне как раз исполнилось десять лет. Сами знаете, в таком возрасте детям очень нужен папа. Мама приготовила нам роскошный ужин с шоколадным тортом на десерт. Мы ждали, еда совсем остыла, но папа так и не пришел. Конечно, на следующий день он принес мне подарок, но знаете... Мне было так обидно.

– О, Мэй... – Я с трудом сдерживаю собственные эмоции. Мне трудно подобрать нужные слова, но в глубине души я чувствую, что должна извиниться перед ней за Руби. Я-то знаю, что у тети и в мыслях не было обижать маленькую девочку. – Представляю, как трудно вам пришлось.

– Ну ладно, – говорит Мэй подчеркнуто холодным тоном, – наверняка вы пришли сюда не просто так. Чем я могу вам помочь?

– Вы правы, – осторожно замечаю я. – Мне хотелось побольше узнать о прошлом моей тети. Я рано уехала из Сиэтла, а теперь оказывается, что я многого о ней не знаю. К примеру, я понятия не имела о том, что она была влюблена в вашего отца.

– Забавная штука любовь, – усмехается Мэй. – По идее отец должен был бы любить нас с мамой, но ваша тетя целиком и полностью завладела его сердцем.

– Вы когда-нибудь встречались с Руби? – спрашиваю я, припоминая кое-какие отрывки из писем.

– Несколько раз, – отвечает она. – Но я всегда оставалась на стороне матери.

– Простите, что спрашиваю, но почему же ваша мать не развелась с ним?

– Потому что любила его, – говорит Мэй как о чем-то само собой разумеющемся. – Несмотря на всю эту историю. Она связала себя узами брака и не собиралась разрывать их.

– А ваш отец? – уточняю я. – Он не хотел развестись?

– Отцу, чтобы заниматься своей благотворительностью, нужны были деньги матери, – поясняет она. – По сути, если отбросить все сантименты,

он просто использовал ее.

– Но при желании ваша мать вполне могла разорвать с ним отношения.

– Вы не понимаете, – качает головой Мэй. – В то время развод считался позором. Мать не хотела, чтобы ее брак потерпел крах.

Интересно, может быть, это – всего лишь история, которую Мэй сочинила для собственного успокоения? Если верить письмам Руби, Виктория всегда и во всем руководствовалась собственными интересами. Если бы она захотела, то развелась бы без особого труда. Я бросаю взгляд на темноволосую женщину с картины. Что, если она отказывалась развестись только для того, чтобы *помучить* Энтони и Руби? Соглашаясь на развод, она в то же время давала согласие и на их брак. А это было серьезным ударом по ее самолюбию.

– Но последней каплей, – продолжает Мэй, – стало известие о том, что Руби беременна.

Я резко выпрямляюсь.

– Что вы хотите этим сказать?

– Я так и думала, что вы не в курсе, – довольно кивает Мэй.

Я смотрю на нее в немом изумлении.

– На самом деле это стало шоком для всех. Отцу было уже за шестьдесят, Руби – сорок с лишним. О случившемся я узнала от матери, когда путешествовала по Европе. Она оставила для меня записку в гостинице. До сих пор помню, как смотрел на меня портье, когда передавал мне это известие.

Я ошеломленно качаю головой.

– Поверить не могу. Руби никогда не говорила мне о том, что у нее был ребенок. Вы уверены, что это правда?

– Скорее всего она просто не хотела, чтобы об этом знали, – вздыхает Мэй. – Руби отдала ребенка в приемную семью. Сейчас мальчик был бы примерно вашего возраста. Только подумать, что где-то у нее есть сын. А у меня брат, – очевидно, эта мысль доставляет Мэй немало беспокойства.

Я никак не могу оправиться от потрясения.

– Все эти годы я и помыслить не могла ни о чем подобном...

– Отец так и не увидел своего сына, – добавляет Мэй. – Он умер еще до его рождения. Они с Руби отправились на каток, где он упал и ударился головой об лед. Все думали, что это просто сотрясение. Но через четыре часа отец скончался в больнице.

– Какой ужас, – говорю я. – Для всех без исключения.

Особенно для Руби, хочется добавить мне. Я представляю, как моя беременная тетушка склоняется над своим возлюбленным на катке. Как их

везут в больницу на машине «Скорой помощи», и Энтони уверяет ее, что все будет в порядке. А несколько часов спустя ей предстоит в полном одиночестве рыдать над его бездыханным телом.

– Получается, у вас есть родной брат. – Я старательно проговариваю это вслух, словно бы надеясь приоткрыть таким образом завесу тайны над жизнью моей тети.

– Единокровный брат, – уточняет Мэй.

– А вы... когда-нибудь встречались с ним?

Она на мгновение прикрывает глаза.

– Нет, никогда. Усыновление не оглашалось. Руби сама так пожелала. Думаю, ей не хотелось, чтобы семейство Магнусонов вмешивалось в ее жизнь. Для нее это было способом самой контролировать ситуацию. Только представьте: знать о том, что где-то растет мальчик, в жилах которого течет кровь нашей семьи, но не иметь возможности даже познакомиться с ним. – У Мэй вырывается тяжкий вздох. – По распоряжению матери частный сыщик долгие годы следил за Руби и отцом. После рождения ребенка он продолжал наблюдать за магазином. Думаю, это и спугнуло Руби.

– Зачем это понадобилось вашей матери?

– Послушайте, – говорит Мэй, – она не могла допустить, чтобы ребенок ее мужа – пусть и от любовницы – рос в бог знает каких условиях. Думаю, этот постоянный надзор и вынудил вашу тетю отдать сына в чужую семью.

Я качаю головой.

– Поверить не могу, чтобы Руби отдала свое дитя...

– Очевидно, вы плохо знаете свою тетю, – усмехается Мэй.

На мгновение меня одолевают сомнения. А вдруг она права? Если Руби столько лет скрывала дружбу с легендарной Маргарет Уайз Браун, то что еще она могла утаивать от окружающих?

– Не знаю, что и сказать, – вырывается у меня наконец.

– Почему бы нам не объединить наши усилия? – замечает Мэй. – В конце концов, у нас есть общий родственник, и при желании мы могли бы его отыскать.

Все так, но что сказала бы на этот счет Руби? Если бы она хотела, чтобы мальчик нашелся, то вполне могла бы упомянуть о нем в завещании. Или оставить письмо с указанием его адреса.

– Я думаю, в этом случае важно учитывать интересы Руби, – осторожно замечая я.

Мэй едва заметно вздыхает.

– В моей семье было слишком много секретов, – говорит она. – Прошу

вас, помогите мне.

– Ну найдем мы вашего брата, – говорю я, – который будет мне кем-то вроде кузена. И что дальше?

– Откровенно говоря, не знаю. Просто мне кажется, что пришло время его отыскать. В конце концов, это мой брат. Думаю, вам понятны мои чувства.

Мои мысли переключаются на магазин. Что, если этот неизвестный мне сын Руби предъявит претензии на «Синюю птицу»? А потом попытается продать магазин? Мать он не знал, а потому не может испытывать к ней никаких сентиментальных чувств. Хотя мои собственные планы в отношении магазина тоже весьма сомнительны, деловая женщина во мне тут же берет верх. Руби оставила магазин мне, а не ему!

– У вашей тети должны были сохраниться документы, касающиеся ее сына, – замечает Мэй.

– Вы же сказали, это факт усыновления не разглашался.

– Верно, – соглашается Мэй. – Я размышляла об этом долгие годы, и вот к какому выводу я пришла: это был ребенок моего отца, величайшей любви всей ее жизни. Неужели Руби и в самом деле могла раз и навсегда распрощаться с мальчиком? – качает головой Мэй. – Ребенок оставался ее последней связью с Энтони. Ей нужно было любым способом удержать его в своей жизни. В конце концов, она могла наблюдать за ним издалека, но так, чтобы никто об этом не догадывался. – Мэй подкрепляет свои доводы утвердительным кивком. – Наш адвокат сообщил матери, что мальчика отдали на усыновление и что процесс был закрытым. Это сыграло свою роль, и мать в итоге отступилась. Но я отступить не намерена.

Хотя намерения Мэй мне не ясны, я думаю, что в отношении Руби она права. Та и правда должна была сохранить хоть какую-то связь со своим сыном.

– Пожалуй, мне стоило бы заглянуть в магазин, чтобы осмотреть все на месте, – говорит Мэй. – Если порыться в старых документах, можно отыскать то, что наведет нас на след мальчика.

Я думаю о том, сколько боли причинила Руби Виктория (а может, и сама Мэй), и решаю, что тетя была бы не в восторге от их присутствия в магазине.

– Я внимательно просмотрю все бумаги, и если что-то найду, обязательно вам сообщу, – говорю я Мэй.

Но, кажется, она слегка разочарована моим решением. Уже в следующий момент она поворачивается к дверям, в которых стоит ее помощница.

- Извините, мисс Магнусон, но вас просят к телефону.
- Прошу вас, возьмите трубку, – быстро говорю я. – Все равно мне уже пора уходить.
- Проводить вас до выхода? – спрашивает меня помощница.
- Спасибо, не нужно. – Я встаю и беру сумочку.
- Что ж, Джун, тогда до свидания, – прощается Мэй.
- До свидания.

Женщины выходят в коридор, а я на мгновение задерживаюсь, пытаюсь разобраться в собственных чувствах. Затем я тоже направляюсь к дверям, где едва не сталкиваюсь со старой дамой. Мне хватает одного взгляда, чтобы узнать в ней мать Мэй, Викторию Магнусон. Ее седые волосы коротко острижены, а увядшая кожа напоминает сморщенный шелк. Но даже сейчас можно представить, какой красивой она была в молодости. Возможно, куда красивее, чем ее родная дочь. Мои мысли вновь переключаются на Мэй. Каково это, всю жизнь прожить в тени собственной матери?

- Прошу прощения, мэм, – бормочу я в некотором замешательстве.
- Ну хоть что-то они сделали как надо, – ворчит женщина. – Вспомнили наконец, что я люблю лилии. А на прошлой неделе везде понатыкали тюльпаны. Терпеть не могу эти цветы.
- Вы, должно быть, Виктория, – говорю я.
- Только тут женщина замечает мое присутствие.
- Мы знакомы? – спрашивает она.
- Нет, – качаю я головой. – Я заглянула по делам к вашей дочери. Меня зовут Джун Андерсен. Я – племянница Руби Крейн.

Виктория бросает на меня ошеломленный взгляд, и я понимаю, что даже после стольких лет имя моей тетушки так и не стало для нее пустым звуком. Еще бы: большую часть ее замужества Руби была для нее «той женщиной».

- Виктория быстро оглядывается.
- Что тебе сказала моя дочь? – торопливо спрашивает она, как будто в любой момент наш разговор могли прервать.
- Не так уж много, – уклончиво отвечаю я. Виктория уже очень стара, и мне не хотелось беречь в ней воспоминания, которые могут печально отразиться на ее здоровье.
- Послушай, – она понижает голос почти до шепота, – будь с ней поосторожнее.
- Что вы имеете в виду?

Уж не думает ли она, что я собираюсь тем или иным способом нарушить покой их дома?

– Моя дочь помешана на прошлом. – В голосе Виктории нет и капельки материнской любви. – Она не отступится от него. Не отступится, пока не найдет...

– Не найдет что?

Виктория быстро оглядывается, затем снова поворачивается ко мне.

– Я пыталась убедить ее жить своей жизнью, оставить все в прошлом. Мне самой это удалось, но Мэй другая. Она не успокоится, пока не получит желаемого.

– Вы имеете в виду информацию про сына Руби?

Виктория смотрит на меня с замешательством, а затем качает головой.

– Нет, тут другое. Она будет искать то, что, по ее мнению, до сих пор хранится в магазине.

Я оглядываюсь, услышав звук голосов, и в этот момент из-за угла появляются Мэй и ее помощница.

– Мама, – говорит Мэй, – зачем ты встала с постели? Перед завтрашней операцией тебе нужен покой.

На лице у Виктории появляется виноватая улыбка.

– Я как раз возвращалась к себе, – говорит она. Помощница Мэй берет ее под руку и ведет по коридору. До меня доносится старческий шепот: «Лилии. Я люблю лилии, а не тюльпаны». В следующее мгновение обе женщины исчезают за углом.

– Надеюсь, мама не сболтнула какую-нибудь глупость. – В устах Мэй это выглядит не столько утверждением, сколько вопросом.

– Нет-нет, ничего подобного.

– В последнее время она стала совсем плоха. Порой даже не понимает, что говорит... А иногда даже не может вспомнить, как меня зовут.

– Мы просто поговорили о том, как ей нравятся лилии. – Я вешаю сумочку на плечо. – Что ж, я и так заняла у вас много времени. До свидания, Мэй.

Прежде чем выйти на улицу и взять такси, я оборачиваюсь, чтобы в последний раз взглянуть на дом, и вижу Мэй, которая наблюдает за мной из окна. Я торопливо отвожу взгляд.

* * *

В магазине я усаживаюсь перед двумя коробками, в которые Руби

складывала старые бумаги. Каждый листок я изучаю куда тщательнее, чем обычно. Если в бумагах есть хоть какое-то указание на сына Руби, я непременно найду его. Но все, что я обнаруживаю, – лишь старые книжные формуляры, от которых нет никакого толка. Вся эта горка на полу прямиком отправится в корзину для мусора.

В этот момент кто-то стучит в заднюю дверь. С Гэвином мы не виделись с того самого вечера в ресторане, и я все еще не готова к откровенным беседам. То, что было сказано – или осталось недосказанным – между ним и Адрианной, поставило под вопрос наши с ним отношения. Эти отношения – как ветка вишни, которая вот-вот расцветет, но которая никогда не принесет плоды. Разумнее сразу оборвать бутоны, раз и навсегда избавившись от проблем в будущем.

Я без особой охоты подхожу к двери и приоткрываю ее ровно настолько, чтобы выглянуть на улицу. К моему удивлению, перед магазином стоит Адрианна.

– Привет, – говорит она. – Я не помешала? Просто я не знала, открыта та дверь или нет.

– Нет-нет, – говорю я, пораженная ее любезным обхождением. – В смысле, ты мне ничуть не мешаешь. Проходи.

Адрианна заходит за мной в магазин, и я киваю ей на кресло у камина.

– Прости за беспорядок, – говорю я, когда мы обе усаживаемся.

– Можешь не извиняться, – смеется Адрианна. – Должно быть, Гэвин не говорил тебе, какая я неряха. Там, где я, всегда беспорядок.

Я тоже невольно улыбаюсь, удивленная этим дружеским тоном.

– Послушай, – говорит Адрианна, – я пришла, чтобы извиниться. Гэвин, наверно, рассказывал тебе о нас.

Я киваю.

– Одно время мы были помолвлены. А потом разорвали помолвку. И мое сердце теперь разбито.

– Мне очень жаль, – говорю я.

– Это дело решенное, – качает она головой, – и тебе не за что волноваться. Гэвин одинок. И я одинока. Того, что было, уже не вернуть. Но мне потребовалось немало времени, чтобы это понять.

Я слушаю молча, стараясь понять, к чему она клонит.

– Когда я увидела вас вместе, – продолжает Адрианна, – я впервые осознала, что нашим отношениям действительно пришел конец. Я так старалась уверовать в то, что рано или поздно все вернется, что это буквально разъедало меня. Просто убивало. Ну а теперь, когда я нашла в себе мужество взглянуть правде в глаза, все изменилось. Я вдруг

почувствовала себя свободной.

Я внимательно смотрю на нее.

– Возможно, я его никогда не разлюблю, – признается Адрианна. – Ну как можно не любить такого парня?

В ответ я сдержанно улыбаюсь.

– Я все это к чему говорю... Ты действительно нравишься Гэвину. И у вас есть шанс на будущее. Ужасно, если я помешаю вашему счастью.

– Не знаю, что и сказать. – Я в замешательстве качаю головой. Меня действительно ошеломило это внезапное проявление участия.

– Знаешь, поначалу я здорово ошиблась в тебе, – замечает Адрианна.

– В смысле?

– Я думала, ты одна из тех нью-йоркских дамочек, которым ни до чего нет дела. Мне казалось, ты заскочишь сюда на денек-другой, только для того, чтобы побыстрее продать магазин, – улыбается Адрианна. – Но теперь-то я вижу, что ты действительно любишь это место.

– Да, я...

– Даже не знаю, с чего я так промахнулась.

Я нервно улыбаюсь. Конечно, я люблю магазин. Всегда любила. Однако его будущее по-прежнему под вопросом. Более того, этим утром я все-таки позвонила агенту по недвижимости и пригласила его оценить магазин.

– В нас больше общего, чем может показаться на первый взгляд, – замечает Адрианна. – Нам обоим безразличен семейный бизнес. Ресторан моей бабушки в Сан-Франциско сейчас под угрозой закрытия. Она уже слишком стара, чтобы готовить, а ее дочерям это совсем не интересно. – Она умолкает, словно бы обдумывая очень важный вопрос. – Я пока не говорила Гэвину, но мне хочется слетать туда, чтобы на месте оценить ситуацию.

– Вот как, – говорю я. – Хочешь сама взяться за дело?

– Пока что не знаю, – отвечает она. – Мне нужно все как следует обдумать. Особенно то, как мой отъезд скажется на «Антонио».

Я киваю.

– Гэвин сейчас на кухне, – продолжает Адрианна. – Он не знает, что я тут. Я думаю, тебе нужно встретиться с ним сегодня, чтобы обо всем поговорить. – На мгновение она умолкает. – Не знаю пока, что именно я буду делать после поездки в Сан-Франциско, но за эти несколько дней у меня наверняка прояснится в голове. Хочу только предупредить, – добавляет она с улыбкой, – что Гэвин храпит. Еще он не любит мыть посуду (разве что ты упросишь его). И он почти наверняка забудет про твой

день рождения. Ну а в остальном это лучший парень на всем белом свете. – Адрианна окидывает меня долгим взглядом, и мне кажется, что она вот-вот расплачется. – Удачи тебе, Джун.

Но прежде чем я успеваю что-либо ответить, она скрывается за дверью.

* * *

В два часа я встречаю агента по недвижимости. Он примерно моего возраста, с черными, зализанными назад волосами. Улыбка обнажает неестественно белые зубы.

– Вы, должно быть, Джун, – с порога приветствует он меня. – Я Джон из «Колдуэл Банкер Бейн».

– Добрый день, Джон. Проходите.

– Забавное местечко, – говорит он, с интересом оглядывая помещение.

– Да, – киваю я с некоторой грустью. – Таких в этом городе немного.

По выражению его лица хорошо заметно, что он не разделяет моей сентиментальности.

– Только представьте, сколько сил вам придется потратить на то, чтобы вернуть магазин в рабочее состояние, – покачивает головой агент. Он берет книжку, которая лежит на полке, а затем небрежно швыряет ее назад, как какой-то хлам.

– Вы правильно делаете, что продаете магазин. В наши дни невозможно делать деньги на книгах. Верный путь к разорению. – Окинув взглядом комнату, он указывает на потолок. – У здания хороший фундамент. Может понравиться какому-нибудь застройщику. Хотя они предпочитают сносить все подчистую.

Я знаю, что сама пригласила сюда этого человека. И я знаю, что он всего лишь оценивает место с точки зрения долларов и центов – в конце концов, это его работа. Но он мне не нравится. Совсем не нравится.

Агент кивает на расстеленный по полу ковер, поверх которого набросаны подушки. Здесь располагались ребяташки, которым Руби каждый день читала какую-нибудь новую сказку.

– Неужели дети все еще ходят в книжные магазины? – спрашивает он с нескрываемой усмешкой.

– Разумеется. – Меня все больше раздражает его бесцеремонность. – Этот магазин любило не одно поколение детишек.

– Ну уж конечно, не последнее, – хмыкает он. – Мои племянники

вообще не читают книг. Зато у всех есть айпад.

Я чувствую, как мое лицо краснеет от гнева. Да как он смеет заявлять, что наследство моей тетушки – никчемная штука? И кто дал ему право утверждать, что книги уже никому не нужны? Даже если я намерена продать магазин, никто не обязывает меня работать с человеком, для которого литература – пустой звук. Агентов по недвижимости здесь пруд пруди, и я вполне могу выбрать кого-нибудь другого.

– Знаете, – говорю я, – не думаю, что из этого что-нибудь получится.

– Что вы имеете в виду? – спрашивает он с замешательством.

– Не думаю, что мы с вами сработаемся. Я бы предпочла иметь дело с человеком, который отдает себе отчет в значимости этого места. А о вас, увы, я этого сказать не могу.

– Думаю, вы неправильно меня поняли. – Он отчаянно пытается спасти положение. – Я вовсе не хотел оскорбить вас.

– Тем не менее. – Я холодно протягиваю ему руку. – Благодарю за визит.

Он с сожалением пожимает мою руку.

– Что ж, у вас есть моя визитка. И если вы вдруг передумаете...

– Само собой, – говорю я, решительно выпроваживая его за дверь.

Затем я опускаюсь в кресло и даю себе обещание: если мне все-таки придется иметь дело с агентом по недвижимости, я постараюсь найти такого, который с уважением отнесется к наследству моей тетушки.

Тут я вспоминаю, что в последней паре писем была отсылка на «Горный лавр». Эту книжку я прочитала в одиннадцать лет. Я начинаю обшаривать полки и в скором времени нахожу первое издание, где меня уже поджидают пожелтевшие от времени конверты.

25 мая 1946 г.

Дорогая Руби,

я не в восторге от того, что в магазин к тебе заглядывают всякие подозрительные личности. И все же не стоит придавать этому слишком большое значение. Обязательно запирай на ночь двери. Будь бдительной, но не позволяй парочке странных инцидентов выбить тебя из колеи. О таком счастье, как у тебя, можно только мечтать. Если ты оставишь его без присмотра, кто-нибудь непременно этим воспользуется. Оберегай свою радость, и тогда никто не сможет ее похитить.

Как же я завидую вам с Энтони! Само собой, я искренне

рада за тебя, хоть мои собственные перспективы и оставляют желать лучшего.

Мне нравится рассуждать о том, что я не из тех, кто подстраивается под общие правила. И это действительно так. И все же я хочу раскрыть тебе свой секрет. Видишь ли, Руби, я тоже мечтаю о счастливом замужестве. Но с каждым годом у меня остается все меньше шансов. У меня было столько неудачных романов, что из высушенных на память цветков вполне можно сложить приличную горку.

И все же я пока еще не разочаровалась в любви. Твое счастье пробуждает во мне новые надежды.

Ну а дела идут своим чередом. Журнал «Лайф» хочет взять у меня интервью. Оказывается, за прошедшие годы удалось распродать чуть ли не миллион экземпляров моих детских книжек. Эта новость стала для меня настоящим сюрпризом. Я не отслеживаю продажи своих книг и помню лишь о том, что находится в работе. Вот сейчас, например, мне только что прислали готовый экземпляр «Меховой семейки». Смотрится, надо сказать, весьма неплохо (не вздумай покупать – я распоряжусь, чтобы тебе отправили целую коробку).

Так вот, возвращаясь к журналу. Очевидно, в издательстве считают, что люди должны иметь представление о женищине, которая написала такую уйму книжек.

Забавно, что статью обо мне собираются поместить в тот номер, на обложке которого будет фотография Ингрид Бергман. Подумать только, я и Ингрид Бергман! Может, отец наконец-то отнесется к моей работе всерьез (на что я, впрочем, не очень рассчитываю). Зато Роберту это наверняка позабавит. Она ездила недавно с семьей на Ниагарский водопад и прислала мне оттуда открытку. Меня очень порадовал этот ее жест. «Операция “Сестры”» идет по плану!

Интервью для «Лайф» организовала Урсула, мой неизменный редактор. Фотограф и журналист придут ко мне в Коббл-Корт (это маленький домик в Манхэттене, где я снимаю свой офис). От меня требуется только одно: выглядеть как можно презентабельнее и с ходу отвечать на все вопросы.

Ты ведь знаешь, я не слишком-то общительна, так что меня это все немного нервирует. Но я решила, что буду улыбаться и внятно отвечать на вопросы репортера. Не исключено, впрочем,

что мне придется отстаивать свою работу (именно этим я и занимаюсь в последнее время на вечеринках). На прошлой неделе, в гостях у друзей, я сидела рядом с главой «Рэндом Хаус». Он снисходительно глянул на меня сквозь очки и возвестил, что недавно один из его авторов получил престижную награду. «Но вам, – добавил он с гнусной ухмылкой, – ничего подобного не светит. Детские книжки, ха!» Его брюхо так и заколыхалось от смеха под накрахмаленной рубашкой. Я выплеснула на него свой напиток и выплыла из комнаты с довольной улыбкой на лице.

Хочешь верь, хочешь нет, но на следующее утро мне доставили букет цветов, к которому была прикреплена записка: «Прошу у вас прощения».

Я решила использовать интервью для журнала, чтобы объяснить всему миру: я делаю то, что делаю, поскольку это мое призвание. Призвание, на которое я наткнулась совершенно случайно. Иногда мы обрушиваемся в дело своей жизни, как Алиса рухнула в кроличью нору. И это не случайно. Если бы у нас была возможность выбирать, мы наверняка прислушались бы к здравому смыслу, пустив тем самым под откос собственную судьбу.

Мне кажется, что я должна отстаивать свою работу и ее безусловную значимость. Вот и в этом интервью мне хотелось бы сказать о том, что пишу я вовсе не ради наград, денег или похвалы. По большому счету я пишу даже не ради детей. Все дело в том ребенке, который еще жив во мне. Это он побуждает меня взяться за перо.

Вчера, к примеру, я проснулась и с точностью вспомнила сон, в котором передо мной развернулась целая история. Мне снился песик, построивший себе дом. Разве я подумала при этом: «Детишкам непременно должна понравиться эта сказка»? Как бы не так! Я подумала: «Мне нравится эта сказка».

Не могу сказать, впрочем, что я совсем уж безразлична к мнению окружающих, которые не воспринимают мою работу всерьез (вроде упитанного директора из «Рэндом Хаус»!). В такие моменты я жалею, что не родилась Викторией Вулф или Гертрудой Стайн. Остается лишь позавидовать тому почтению, с каким встречали каждое их появление в обществе.

Сегодня вечером ко мне должны заглянуть Клем и Поза. Клем, как ты помнишь, мой любимый иллюстратор. Мы с ним

хотим обсудить новую идею, на которую нас вдохновило твое предложение написать что-нибудь о луне. Думаю, так мы и сделаем.

С глубочайшей любовью и симпатией,

твоя Брауни.

2 июня 1946 г.

Дорогая Брауни,

журнал «Лайф»! Вот это да! Не переживай, ты прекрасно справишься с интервью. Просто скажи им все то, что написала мне в последнем письме, и они не смогут не полюбить тебя.

Жаль, что тебе приходится бороться с предубеждениями в литературных кругах. Не обращай на них внимания – они просто снобы. Если уж на то пошло, то обожаемая тобой Гертруда Стайн полностью провалилась в качестве автора детских книг. Я знаю, тебе понравилась написанная ею книжка (ты же любишь все, что она пишет). Зато дети отнеслись к ней не столь благосклонно. Уж мне-то, как продавцу книг, это прекрасно известно! К чему я это? Да к тому, что у каждого свой дар. Тебе не дано писать романы, а она никогда не стала бы успешным детским писателем.

У меня все складывается на редкость хорошо. Вот только «Операция “Сестры”» протекает на этом конце страны не столь успешно, как на твоём. Люсиль назвала глупостью мою идею вместе сходить в зоопарк, и я, конечно же, обиделась. Оказывается, не так-то просто достучаться до того, кто раз за разом отвергает твои чувства. Подозреваю, что в какой-то момент я устану от этого равнодушия и отступлюсь. Но пока что я готова продолжать попытки.

Мой магазин процветает, чему я несказанно рада. По средам я читаю детишкам разные сказки. Стоит ли говорить, как я люблю это занятие! Мне нравится все, что связано с «Синей птицей». Как и надеялся Энтони, этот магазин стал для меня настоящим райским уголком.

Вчера ко мне заявился агент по недвижимости и предложил продать «Синюю птицу». Мол, на ее месте собираются строить большой торговый центр. За это мне готовы заплатить в полтора раза больше того, во что обошлось это место Энтони.

Видела бы ты этого типа в модном костюмчике и итальянских ботинках! Он буквально впорхнул ко мне в магазин с ворохом бумаг, ни капельки не сомневаясь, что я тут же все подпишу. Когда же я отказалась, он рассмеялся мне в лицо и заявил, что я полная дура, если надеюсь сделать деньги на продаже детских книг. Меня это настолько возмутило, что я даже не нашлась сразу, что ему ответить. Тем не менее последнее слово осталось за мной. Мы-то с тобой понимаем всю значимость книжной индустрии. Понимаем ценность литературы. И пусть эта работа не всегда должным образом оплачивается, я глубоко уверена в том, что наши с тобой занятия, при всем их внешнем различии, обладают реальной ценностью.

На этом заканчиваю. С нетерпением буду ждать твоего очередного письма.

С любовью, Руби.

Р. S. Сегодня я получила посылку с новой порцией замечательных книжек. Должна признать, до недавних пор я игнорировала то, что выходило в серии «Little Golden Books»^[12]. И все потому, что хозяйка того магазина, где я раньше работала, отзывалась о них как о безделице. Сейчас-то я понимаю, что она ошибалась. Просматривая последние заголовки (вроде «Малыш смотрит»), я не устаю поражаться тому, как просто и легко написаны эти вещи. Мы впихиваем в детские головки сказку за сказкой, хотя на самом деле им хочется читать про самих себя. Дети заглядывают в книги, пытаясь найти там отражение собственного мира. Это позволяет им лучше приспособиться к окружающей действительности. Разве это не тот стиль письма, который ты привыкла называть «здесь и сейчас»? Только теперь я начинаю понимать его истинную ценность.

Я кладу письма в ящик стола, а в голове у меня крутятся слова Руби: Оказывается, не так-то просто достучаться до того, кто раз за разом отвергает твои чувства. Не так ли чувствует себя сейчас Эми? Отвергнутой. Ненужной. Я вспоминаю, каким усталым и измученным тоном разговаривала она со мной в последний раз. А если она оставит попытки достучаться до меня? Что тогда? До сих пор мне достаточно было

знать, что она хоть как-то пытается ко мне пробиться. В ее письмах и звонках я находила пусть слабое, но утешение. А если и это прекратится? Что я тогда почувствую – радость или огорчение?

В глубине души я знаю ответ, и этот ответ меня пугает.

Глава 10

Я дожидаюсь утра, чтобы постучаться к «Антонио». Я специально выжидала сутки – хотела быть уверена в том, что Гэвин и Адрианна успели попрощаться. Вдобавок, несмотря на заверения Адрианны, я все еще сомневаюсь в чувствах Гэвина. Что, если он по-прежнему ее любит? Тем не менее в десять я подхожу к дверям ресторана и с изумлением вижу на них табличку «Закрето».

Закрето. Сердце сжимается у меня в груди. Хотя ресторан открывается на обед лишь в половине двенадцатого, Гэвин приходит сюда с утра пораньше и никогда не запирает дверей. Заглянув в окно, я вижу, что на кухне горит свет. Я осторожно стучу в дверь, и через мгновение на пороге появляется Гэвин. Увидев меня, он улыбается.

– Привет, – говорит он, впуская меня внутрь.

– Привет, – отвечаю я. – А что означает эта надпись на дверях? Хочется с утра побыть одному?

– Ты же говорила с Адрианной, так ведь? – пожимает он плечами.

– Говорила, – подтверждаю я. – Но какое это имеет отношение к табличке на дверях?

– Теперь, когда Адрианна уехала, я вдруг засомневался, смогу ли в одиночку управиться с рестораном, – поясняет Гэвин, окидывая взглядом идеально чистую кухню.

– Не ты ли пару дней назад убеждал меня в том, что нет ничего невозможного?

Гэвин устало качает головой.

– Адрианна хочет побыть одна. Думаю, мне это тоже не помешает. В последнее время я только и делал, что работал. С тех пор как мы открылись, у меня не было ни минуты свободного времени.

– Ну так устрой себе отпуск, – говорю я, – но не бросай то, что тебе по-настоящему дорого.

Гэвин внимательно смотрит на меня.

– Весь последний год я только и жил, что рестораном. Вкалывал с утра до ночи, чтобы добиться успеха. А ведь это не единственное, ради чего стоит жить.

– Это правда, – киваю я. – Но ты говоришь так... будто хочешь закрыть «Антонио» навсегда.

Я стараюсь не смотреть Гэвину в лицо. Какое-то шестое чувство мне

подсказывает: если наши взгляды встретятся, пути назад уже не будет. Но Гэвин не намерен отступить. Легонько взяв меня за подбородок, он заглядывает мне в глаза.

– Адрианна сказала, что поговорила с тобой. Поговорила о нас.

Я внимательно всматриваюсь в его лицо.

– Я не возражаю, если у нас что-то завяжется. Прости, – усмехается он, – я уже давно не говорил о чувствах. На самом деле я буду рад, если у нас что-то завяжется. По правде говоря, я совсем потерял голову, Джун. Мне хочется познакомить тебя с друзьями, с родителями. Остается надеяться, что и ты этого хочешь.

– Хочу, – киваю я. – Беда лишь в том, что я перестала доверять мужчинам.

– Мне ты можешь верить, – шепчет Гэвин, наклоняясь к моему лицу.

Его губы легонько касаются моих, и я ощущаю неземной прилив счастья. На мгновение все в этом мире становится на свои места.

– Давай проведем этот день вместе, – говорит Гэвин, целуя меня в лоб.

– Давай, – улыбаюсь я. – А что мы будем делать?

– Можем прогуляться на пароме до острова.

– До Бейнбриджа?

Мне всегда нравился этот маленький островок, расположенный в получасе езды от Сиэтла, но соглашаюсь я не сразу. У меня еще столько дел в магазине! Если я все-таки соберусь продать «Синюю птицу», нужно будет найти такого покупателя, который с уважением отнесется к моему наследию. Даже если он будет сносить магазин. Невольно содрогнувшись, я вновь перевожу взгляд на Гэвина. Он смотрит на меня с такой счастливой улыбкой, что я решаю забыть на день обо всех делах.

– До Бейнбриджа, – говорит Гэвин. – Мы можем погулять по острову и даже пообедать в Уинслоу. Я знаю там одно кафе, где делают изумительный крабовый пирог. Потом можно будет пройтись по набережной и просто посидеть на скамейке, послушать пение птиц. Так приятно хоть на время вырваться из города!

– Ну, кто устоит против крабового пирога? – улыбаюсь я в ответ.

* * *

День выдался ясным и теплым, и мы с Гэвином решаем устроиться на верхней палубе. Сильный ветер грозит растрепать мою прическу, но меня

это ничуть не беспокоит.

– Люблю чаек, а ты? – спрашивает Гэвин, швыряя на палубу крекер. К нему тут же слетается с полдюжины птиц.

– И я люблю. Это как раз то, чего мне так не хватало вдали от Сиэтла, – говорю я. – Мне очень нравятся крики чаек. Они такие пронзительные! Многие считают их просто ужасными, но для меня в этих звуках есть что-то чарующее.

– Звучание моря, – улыбается Гэвин.

– Верно, – киваю я.

– Я рад, что Сиэтл пробуждает в тебе ностальгию, – замечает он. – Это значит, тебе не составит труда пустить здесь корни.

Я осторожно улыбаюсь. Гэвин говорит так, будто я уже решила распрощаться со своей нью-йоркской жизнью, обосновавшись здесь в качестве продавца книг. Если бы это было так просто!

– Ты тоже хочешь поселиться прямо над магазином?

Поселиться там – значит жить, как жила Руби: вставать с первыми лучами солнца, готовить себе простенький завтрак, а потом спешить вниз, к своей любимой «Синей птице». Я знаю, почему Руби так любила этот магазин, ведь я сама люблю его не меньше. Я вдруг отчетливо понимаю, что никогда не смогу продать его – ни застройщику, ни кому бы то ни было еще. Слишком уж он мне дорог.

– Мне нужно кое-что тебе рассказать, – говорю я Гэвину.

– Что такое? – встревоженно спрашивает он.

– Я не сказала тебе всей правды насчет... моих планов в отношении магазина, – не дождавшись ответа, я торопливо продолжаю: – Я финансист, и ты это знаешь. Вот только тебе неизвестно, что специализируюсь я на закрытии разорившихся предприятий. Кафе, магазинчики... В том числе и книжные. – Я старательно прячу взгляд. – Во время учебы я и помыслить не могла, что в интересах бизнеса буду действовать с такой неумолимой жестокостью. Представь, что ты смотришь в глаза семидесятилетней женщине, которая почти год не платит по кредиту, и говоришь: «Мне плевать, что ваша семья занимается этим бизнесом уже шесть поколений. Я закрываю эту лавочку». Но это то, что требуется от меня по работе, – вздыхаю я. – Я хорошо справляюсь с подобными задачами, и мне за это неплохо платят.

Я поворачиваюсь к Гэвину, но он смотрит куда-то вдаль. Я не знаю, о чем он сейчас думает. Может, о том, как жестоко он во мне ошибался.

– За эти годы я успела очерстветь. Но поняла я это лишь после того, как вернулась в Сиэтл, здесь на меня нахлынули старые воспоминания. Я

искренне считала, что проведу тут пару деньков, разберусь с бумагами, а потом с чистой совестью продам наследство тетушки... Словом, поступлю как обычно. – Я печально качаю головой. – Вчера ко мне приходил агент по недвижимости, чтобы оценить магазин. Я не выдержала и пяти минут: невыносимо было смотреть, как он просчитывает все до последнего цента. Только тут мне стало ясно, что я не смогу продать этот магазин – уж слишком я его люблю. И всегда буду любить.

Гэвин молчит, и мне становится не по себе. Что, если он уже мысленно прикидывает стратегию отступления? Я нервно сжимаю руки, и в этот момент он поворачивается ко мне.

– По-моему, нужно немало мужества, чтобы признаться в этом, – замечает он.

– Прости, но это печальная истина. – Я стараюсь не смотреть ему в лицо.

Гэвин берет меня за руку, и я осмеливаюсь, наконец, взглянуть на него.

– В этой истории нет ничего печального, – возражает он, – ведь у нее счастливый конец.

– Пока что нет, – говорю я.

– Ты – та самая блудная племянница, – с улыбкой замечает Гэвин, – которая сбежала из дома, чтобы построить жизнь по своему усмотрению. Но оказалось, что такая жизнь тебе не в радость. Однако, чтобы понять это, тебе потребовалось вернуться домой и окунуться в ту любовь, которая тебя здесь окружает.

Я невольно улыбаюсь, хотя мои глаза пощипывает от слез.

– Благодаря твоим словам моя жизнь обретает романтический ореол, хотя на самом деле это настоящая неразбериха.

– Глупости, – хмыкает Гэвин. – Все, что тебе нужно, – уйти с работы и продать жилье. Думаю, тебе приходилось сталкиваться с задачами потруднее. – Он легонько целует мою руку. – А здесь ты можешь рассчитывать на мою помощь.

– Спасибо, – улыбаюсь я. – Правда, забавно, что ситуация всегда кажется гораздо сложнее, когда она является частью твоей собственной жизни? – Я вздыхаю. – Даже не знаю, как мне сказать обо всем Артуру.

– Кто такой Артур?

– Мой начальник. Это он обучил меня азам нашей профессии, превратил в ту бизнес-леди, которой я стала. Он и не подозревает, какой сюрприз я ему готовлю.

– Думаю, подозревает, – качает головой Гэвин.

– Почему ты так думаешь?

– Любому заметно, какой несчастной ты стала из-за своей работы. Твой Артур наверняка видел это, но предпочел не замечать твое состояние. Я смотрю на Гэвина.

– Пожалуй, ты прав. Да и ему скорее всего эта работа тоже не доставляет радости.

– Ну так скажи ему обо всем, – замечает Гэвин. – Чем скорее ты сбросишь это бремя, тем лучше будешь себя чувствовать. И тем быстрее ты сможешь сосредоточиться на своей новой задаче.

– И откуда ты только взялся в моей жизни? – смеюсь я.

– Из дома по соседству, – отвечает он.

– Почему бы тебе не появиться до того, как я уехала из Сиэтла?

– В то время мы еще не были готовы для этой встречи, – улыбается Гэвин. – Нам нужно было преодолеть не один барьер, но мы с этим справились.

Одна из чаек подступает ко мне на пару шажков поближе.

– Прости, дружок, – говорю я, – но это был последний крекер.

Будто поняв мои слова, птица отступает назад и взмывает в воздух. С пронзительным криком она устремляется против ветра.

– Люблю смотреть, как они скользят по воздуху, – замечает Гэвин. – Такое чувство, будто они привязаны к небу.

– Мне всегда казалось, – улыбаюсь я, – что чайки играют в игру, в которой они пытаются победить ветер.

Тут мне вспоминаются слова Руби, которая любила повторять, что завидует птицам, ведь они в любой момент могут взмыть в воздух и улететь, куда им вздумается.

– Моя тетушка очень любила птиц, и не только чаек. Как-то раз я спросила ее, почему она назвала свой магазин «Синяя птица», и Руби рассказала мне про одну старую песню, которая ей очень нравилась. Там пелось о «синей птице счастья».

– Это что, из Диснея? – Гэвин пытается припомнить мотив. – «Синяя птица на моем плече...»

– Нет, – улыбаюсь я, – совсем другая. Но, если вдуматься, то синие птицы и правда вдохновили людей на множество счастливых песен.

– А что может сделать счастливой тебя? – На этот раз голос Гэвина звучит серьезно.

Его вопрос застигает меня врасплох.

– Не знаю, – честно говорю я. – Слишком долго я старалась избегать ответа на этот вопрос.

Гэвин продолжает внимательно смотреть на меня.

– Видишь ли, в детстве я думала: вот вырасту, и все образуется само собой. Когда я уехала из Сиэтла, мне казалось, что счастливая жизнь поджидает меня где-то за углом. В каком-то смысле так оно и было. Одно время я считала себя очень счастливой. Мне казалось, у меня есть все, что только можно пожелать. А потом – бац! – и я потеряла все разом. Разумеется, кроме работы. По сути, вся моя жизнь превратилась в работу.

– Что-то случилось? – интересуется Гэвин.

Отвернувшись, я начинаю считать чаек над головой. Одна, две, три... Нет, пока что я не готова говорить с ним об этом.

Гудок парома приводит чаек в неистовство: с возмущенными криками они мечутся над палубой.

– Пора спускаться, – говорю я. – Мы уже почти у причала.

Гэвин смотрит на меня с понимающей улыбкой, в которой явно читается обещание: «Мы еще вернемся к этому разговору». Мы спускаемся на нижнюю палубу. Здесь Гэвин берет меня за руку, и мы переходим по трапу на сушу. Прямо от причала тянется улица, на которой расположены главные магазинчики Бейнбриджа.

Денек выдался по-настоящему теплым, и на деревьях всюду заливаются птицы.

– Обожаю этот остров. – Я с наслаждением вдыхаю солоноватый морской воздух.

– У меня тут есть друг, – замечает Гэвин. – Его зовут Джек. Они с женой живут неподалеку от набережной, и каждый день он развлекается тем, что удит рыбу и ловит крабов.

– Мне всегда хотелось самой наловить крабов! – восклицаю я.

Гэвин с улыбкой смотрит на меня.

– Я и сам подумывал приехать сюда за крабами для ресторана. Но с учетом нынешних обстоятельств...

Я ободряюще сжимаю его ладонь.

– А ты купи крабов сейчас, – говорю я с улыбкой. – Как ты не понимаешь, ресторан – твоя страсть. Времена сейчас и правда не из лучших, но отступать нельзя.

Гэвин кивает, однако в его взгляде по-прежнему видится сомнение.

– Может, и так. Но я и правда не уверен, смогу ли держать ресторан без партнера.

Мне хочется сказать: *тебе это по силам*. Однако я знаю, что Гэвин прав. Если бы я попыталась работать с Райаном после того как... в общем, меня бы это просто убило. Такая медленная, мучительная смерть. И мне хорошо понятно, почему Адрианне так хочется уехать.

Свернув за угол, мы выходим к перекрестку. Одна из дорог ведет к Уинслоу, единственному городку на острове.

– И что же ты собираешься делать? – спрашиваю я.

– Почему бы тебе не нанять меня помощником в магазин? – спрашивает Гэвин с лукавой улыбкой.

– Неплохая мысль, – говорю я. – Особенно если мы снесем одну стену и превратим «Антонио» в кафе при магазине.

Гэвин молчит, и я невольно пугаюсь: уж не оскорбила ли я его этим предложением? Но уже в следующее мгновение он поворачивается ко мне с сияющими глазами.

– Ну конечно! – восклицает он. – Великолепная идея! Кафе и книжный магазин в одном помещении! Мы могли бы специализироваться на детских и семейных блюдах.

Мое воображение тут же рисует новую вывеску над книжным: Магазин и кафе «Синяя птица».

– По правде говоря, – замечаю я, – я сказала это в шутку. Но теперь я думаю, что в этом действительно что-то есть.

– Еще бы, – говорит Гэвин. – Тем более что вчера я разговаривал с Джо. Через две недели он закрывает свое кафе.

– Не может быть! Почему вдруг?

– Хочет уехать в Мексику. Говорит, пришла пора отдохнуть. А после того как он закроется, на нашей улице вообще не останется кафе.

– Вот как... – осторожно замечаю я. – А как же Адрианна? Ей нужно все как следует взвесить. И неизвестно еще, что она решит.

Гэвин замирает, рассеянно глядя куда-то вдаль.

– Перед отъездом она сказала, что при желании я могу выкупить ее долю. Разумеется, я отказался. Не хотел, чтобы она подумала, будто я выпроваживаю ее из ресторана.

– Может, она сама хочет уйти, – возражаю я и тут же быстро добавляю: – Послушай, давай не будем говорить о серьезных вещах сегодня. Мы с тобой оказались на острове, так давай воспользуемся свободным днем.

Гэвин с улыбкой сжимает мою руку.

– Куда пойдем? – спрашивает он.

Через дорогу я вижу вывеску: «Булочная «Черный дрозд».

– Может, для начала выпьем кофе с булочкой?

Мы устраиваемся за угловым столиком и весело болтаем, потягивая свой американо. А потом мы продолжаем путь по Уинслоу, заглянув ненадолго в винный магазин. Гэвин покупает для ресторана ящик местного

каберне и еще бутылку для меня лично. По выходе из магазина я замечаю на противоположной стороне вывеску книжного магазина. Туда-то мы и направляемся.

– Мне нравится этот магазин, – говорю я, когда мы заходим внутрь.

– Ты здесь уже бывала?

– Да, вместе с Руби. Она возила нас с сестрой на разные мероприятия.

Однажды мы слушали тут Мориса Сендака.

– Это который написал «Там, где живут чудовища»?

– Верно, – киваю я.

– И как он тебе показался?

– Замечательный старик. Такой ворчливый и в то же время мудрый. Руби ужасно жалела, что он не включил «Синюю птицу» в свое турне. Ей очень хотелось показать его нам с сестрой. Ей пришлось закрыть магазин, и мы вместе поехали на остров на пароме.

Детская секция магазина была битком забита ребятишками, которым не терпелось взглянуть на этого сурового автора с кустистыми бровями.

– Я стояла вон там, – киваю я на дальнюю стену. – И Сендак обратился прямо ко мне: «Эй, малышка! Не хочешь мне помочь?» Я вышла вперед, и он попросил держать ему книгу, чтобы он мог читать. Еще он попросил меня рычать за разных чудовищ. Сначала я немножко нервничала, но затем вошла во вкус. Когда чтение закончилось, Сендак заявил, что это было лучшим рычанием, какое ему только доводилось слышать.

– Мне нравится эта история, – улыбается Гэвин. – А ты еще помнишь, как правильно рычать?

– Еще бы, – хмыкаю я. – Такое не забывается.

Мы рассматриваем содержимое полки, и я выбираю роман в потрепанной обложке, а Гэвин покупает иллюстрированный справочник о птицах. На его обложке красуется лазоревка.

– Я решил, что ей место в твоём магазине, – замечает он.

– Спасибо, – улыбаюсь я в ответ.

Мы вновь неспешно бредём по тротуару.

– Можешь представить себе мир без книжных магазинов? – спрашиваю я.

Гэвин молча качает головой.

– Незадолго до смерти Руби написала мне письмо. Она очень волновалась за судьбу «Синей птицы». Ей казалось, что он доживает последние дни. – Я печально улыбаюсь. – Она написала, что дети уже не любят читать, как это было в прежние годы. Как думаешь, она права?

– Не знаю, – задумчиво говорит Гэвин. – Сегодня у них больше

возможностей. У них есть не только книги, но еще и видеоигры, и телевизор. Хочешь развлечься – пожалуйста. Все быстро и без хлопот. А на книги приходится тратить время и силы.

– Но в этом и плюс чтения, – возражаю я. – Ты словно бы участвуешь в процессе.

– Верно, – говорит Гэвин. – Но дело не только в том, что приходится выбирать между книгами и телевизором. По сути, речь идет о противостоянии между книжными магазинами и Интернетом.

Я согласно киваю.

– Руби не доверяла Интернету. Она и слышать не хотела про свой сайт. – Я вспоминаю, как один из юных читателей предложил тетушке создать веб-сайт, но она решительно отказалась. – А что, если Руби была права? Вдруг люди совсем перестанут ходить в книжные магазины? Мне кажется, это и было самым большим ее страхом.

– А для тебя это будет самым большим препятствием, – замечает Гэвин. – Подумай о том, какие чудесные воспоминания остались у тебя от встречи с Морисом Сендаком. Подумай о тех счастливых минутах, которые ты провела в «Синей птице». Ты любишь книги и книжные магазины, потому что еще ребенком получила от них массу положительных впечатлений. Единственный способ сохранить книжные магазины – сделать так, чтобы дети по-прежнему в них ходили. Ты должна держать двери нараспашку, приглашая к себе детишек и их родителей. Тем самым ты заронишь семя, которое позже даст свои всходы.

– Думаю, ты прав, – киваю я. – Не удалось же посудомоечной машине вытеснить рестораны.

– Как и микроволновке, – улыбается Гэвин.

– Если уж на то пошло, – смеюсь я, – микроволновка только пользу принесла вашему бизнесу.

– Новые технологии – не враг книжных магазинов, – согласно кивает Гэвин. – Тут дело в другом.

– Верно, – соглашаюсь я.

Следующие несколько минут мы шагаем в полном молчании, а потом подходим к кафе, которое расположилось на углу улицы.

– Пока не отведал крабового пирога из кафе «Нола», считай, что и не жил, – замечает Гэвин.

Я улыбаюсь в ответ, и мы устраиваемся с ним в ближайшей кабинке. Сумки мы ставим по одну сторону столика, а сами устраиваемся на другой. Гэвин держит меня за руку, и я чувствую, как в животе у меня все сжимается. Это просто от голода, говорю я себе.

Мы болтаем с такой непринужденностью, как будто знали друг друга всю свою жизнь. Оказывается, наш любимый цвет – зеленый (цвет залива Пьюджет, вырывается у нас одновременно), мы оба обожаем фильм «Принцесса-невеста»^[13] и терпеть не можем стручковую фасоль. Вроде бы пустяки, но если сложить их вместе и добавить к тому чувству, которое пробуждается в моем сердце, то получится нечто восхитительное и в то же время пугающее.

Гэвин оплачивает счет, и в это мгновение издалека доносится паромный гудок.

– Если поспешим, – говорит Гэвин, бросая взгляд на часы, – то успеем на рейс в три тридцать.

Схватив сумки, мы торопимся на пристань. Я еще чувствую во рту вкус пирога, а на моем лице сияет довольная улыбка. Запыхавшись, мы поднимаемся по лестнице к терминалу и оказываемся у длинного, тускло освещенного коридора. Здесь уже полно тех, кто, как и мы, ожидает посадки на паром.

– Прекрасно, – выдыхает Гэвин, – мы все-таки успели.

Прислонившись к перилам, я наблюдаю за тем, как сотни пассажиров из Сиэтла сходят по трапу и растекаются по терминалу. Через несколько минут служащий открывает калитку и предлагает нам подняться на борт.

Мы отступаем в сторону, чтобы пропустить запоздавшую парочку с парома, и мне не сразу удается расслышать собственное имя.

– Джун?

Я смотрю назад, потом налево, и только тут замечаю ее. Будто прикованная, я замираю на месте. Толпы пассажиров обтекают меня справа и слева, а я стою, не в силах оторвать глаз от сестры.

– Эми?

Сестра сильно изменилась. Она всегда была худенькой, но теперь выглядит просто изможденной. В отличие от прошлых лет на лице – ни следа макияжа. Без такой раскраски она кажется еще красивее, но от моего взора не ускользают ни впалые щеки, ни печальный, немного растерянный взгляд.

Эми делает шаг вперед, и я вижу слезы у нее на глазах. Мне хочется броситься к ней и обнять, но ноги не желают меня слушать. Такое чувство, будто они приросли к полу. Я открываю рот, но слова застревают где-то в горле.

– Джун, – плачет Эми, – поверить не могу, что это ты.

Она смотрит на Гэвина, словно умоляя помочь ей и растопить лед в

моих глазах. Гэвин бросает взгляд на меня, затем на Эми. Он в замешательстве и ждет от меня хоть какого-то шага.

Слезы ручьем текут по лицу Эми, совсем как в тот день в Нью-Йорке, когда мы распрощались с ней навсегда. «Операция “Сестры”», – мелькает у меня в голове. Я представляю, как повели бы себя на моем месте Руби и Маргарет, с какой охотой распахнули бы они объятия своим сестрам. Я чувствую в душе искорку тепла, но этого явно недостаточно, чтобы растопить лед в моей душе. Я просто на такое неспособна.

– Прости, – говорю я наконец, – но паром сейчас отплывет. Идем, Гэвин.

Я с трудом узнаю собственный голос, такой он жесткий и холодный. Кажется, еще немного, и я сама о него уколуюсь. Так и не оглянувшись, я торопливо поднимаюсь на борт.

– Что это сейчас было? – спрашивает Гэвин, когда мы устраиваемся в одной из кабинок.

– Послушай, – у меня предательски дрожит голос, – давай не будем об этом, хорошо?

Он кивает и крепко обнимает меня за плечи. Паром трогается с места, и чайки яростно взмывают в воздух. Они пронзительно кричат, словно умоляя меня вернуться, но я не могу этого сделать. И вряд ли когда-нибудь смогу.

Глава 11

Мы с Гэвином больше не разговаривали о моей нечаянной встрече с Эми, и по прошествии нескольких дней я практически полностью о ней забываю.

Но во вторник, когда я занимаюсь разборкой письменного стола Руби, Гэвин приносит мне обед. В какой-то момент его взгляд падает на фотографию в рамке, на которой изображены мы с сестрой. Он на мгновение умолкает, и мне становится ясно, что он узнал Эми.

– Та женщина на острове, – осторожно начинает он, – Эми. Это твоя сестра, так ведь?

– Да, – вздыхаю я.

Гэвин внимательно разглядывает снимок. Мне там шесть лет, а Эми два годика. На обеих летние платьица в цветочек. Одной рукой я обнимаю сестренку за пухлое плечо. Гэвин переводит на меня взгляд, и мне не составляет труда прочесть его мысли: *Почему бы тебе не простить ее? В конце концов, вы же родня.*

– Нет. – Я решительно забираю у него фотографию и прячу ее в ящик стола.

– Я же ничего не сказал, – замечает он с легкой обидой.

– Мне и так ясно, о чем ты подумал.

– Раз ты и так знаешь, – пожимает он плечами, – тогда я все-таки выскажусь.

Я устало потираю лоб.

– Джун, она ужасно расстроена тем, что ты не хочешь с ней разговаривать. Может, пора уже продвинуться вперед? Почему бы тебе не оставить прошлое в прошлом?

– Не так-то это просто. – Я чувствую, как во мне вскипает раздражение. – А ты не мог бы просто поверить мне на слово, что я не желаю иметь с ней ничего общего?

Гэвин не сводит с меня озабоченного взгляда.

– Мог бы, – говорит он наконец. – Просто я помню, как она на тебя смотрела. И я боюсь, что в один прекрасный день ты пожалеешь о своем решении.

– С чего вдруг? – возражаю я. – Ты же совсем ее не знаешь. Как не знаешь и того, что она сделала.

– Верно, – кивает он. – Но я вижу, с каким усердием ты

отгораживаешься от прошлого. Это не может не сказаться на твоей жизни. Как, впрочем, и на жизни твоей сестры, – вздыхает он. – Там, на острове, я заметил в ее глазах боль. Джун, она...

– Она для меня – пустое место, – я быстро поворачиваюсь к письменному столу. – Ну что, мы покончили с обедом?

Гэвин смотрит на меня с явным замешательством, и мне остается лишь пожалеть о своей резкости.

– Да, – говорит он и направляется к двери. Вновь звякают колокольчики Руби, но на этот раз звон их кажется одиноким и потеряннным.

* * *

Больше всего мне хочется зарыться головой в подушку и как следует выплакаться. Но вместо этого я пытаюсь найти утешение в очередной паре писем. В прошлый раз мне встречалось упоминание о книжке «Малыш смотрит». Я немедленно приступаю к поискам и в скором времени нахожу первое издание с пухлым младенцем на обложке. Я невольно улыбаюсь, пролистывая знакомые мне страницы. Присев у стола, я принимаюсь за чтение.

14 июня 1946 г.

Дорогая Брауни,

ты, должно быть, очень занята, так как на этой неделе я вовсе не получила от тебя весточки. Но я решила не прерывать традицию и отправить тебе очередное послание. Надеюсь только, я не успела утомить тебя своими письмами.

Боюсь, что «Операция “Сестры”» окончательно провалилась. Я пригласила Люсиль заглянуть ко мне в «Синюю птицу», о чем впоследствии глубоко пожалела. Нежданно-негаданно в магазин зашел Энтони. Он поцеловал меня в щеку, так что мне пришлось объясняться с сестрой насчет наших с ним отношений. Боюсь, это получилось не лучшим образом. В довершение ко всему оказалось, что Люсиль когда-то работала в начальной школе, в которую ходила дочь Энтони – Мэй. И сестра прекрасно знала о том, что он женат на Виктории. Можешь представить, как она взглянула на меня, когда сложила вместе все эти детали. Наши с ней отношения вновь оказались на нуле,

и я уже не думаю, что мы сможем как-то их расшевелить. Надо ли говорить, что эта мысль разбивает мне сердце.

Энтони уезжал по делам в Чикаго, и все это время я ужасно по нему скучала. Я успела втянуться в нашу с ним повседневную жизнь. Энтони приходит ко мне после работы, и мы ужинаем в маленькой квартирке над магазином. Теперь я готовлю чуть-чуть лучше, чем это было в самом начале. По вечерам я с большим усердием изучаю «Поваренную книгу Бетти Крокер». Только представь: я и поваренная книга! Ну и умора! И все это не просто так, а ради мужчины (не удивлюсь, если меня сию же секунду поразит молния).

Но какой же это замечательный мужчина! Очень добрый и заботливый. И он по-настоящему любит меня. Он часто повторяет мне об этом, но главное, что я сама вижу любовь в его глазах. Мне нравится, когда Энтони смотрит на меня. Мы говорим о нашей с ним жизни, об общем будущем. Мы оба понимаем, что никогда не сможем узаконить наши отношения, но меня это не пугает. Главное, что сердце Энтони всецело принадлежит мне одной.

На прошлой неделе, когда мы вместе сидели у камина, я спросила, почему бы ему не привести в магазин Мэй. Похоже, это было не самым удачным предложением, поскольку Энтони ужасно разволновался. И не просто разволновался, а рассердился на меня за эту мысль. Это стало нашей первой размолвкой (если можно назвать так случившееся).

Никогда не забуду, как он сказал мне: «Как ты не понимаешь, Руби? Мне нельзя смешивать эти два мира. Так будет лучше и для нас с тобой, и для Мэй».

Сначала я не поняла причин столь резкого отказа и обиделась на него за то, что он не хочет допускать меня в ту, другую, свою жизнь.

– Разве ты не хочешь познакомить меня со своей дочерью? – продолжала настаивать я.

Он покачал головой и сказал то, после чего все, наконец, встало на свои места.

– Нет, Руби, не хочу. Мэй – смышленная девочка. Увидев, как я смотрю на тебя, она поймет, что я люблю тебя так, как никогда не буду любить ее мать. Боюсь, что это разобьет ей сердце.

Теперь я его поняла. Получается, что я никогда не смогу сблизиться с Мэй. Но мне жаль этих несбывшихся отношений. Я помню, как вела себя девочка в тот раз, когда я впервые увидела ее в книжном магазине. Мне кажется, она могла бы немножко подобреть, если бы кто-нибудь проявил к ней искренний интерес. Но тут уж ничего не поделаешь: я должна уважать желания Энтони.

Я стараюсь не думать о той его жизни, которая находится за пределами нашего мирка. Каждый вечер он возвращается домой к Виктории. Я знаю, что они спят в одной постели. И каждую ночь, опуская голову на подушку, я представляю его рядом с этой женщиной. Я стараюсь не думать о том, как она раздевается в его присутствии или касается его тела. Но кто дал мне право протестовать, если союз их освящен законом?

Я добровольно согласилась на такое положение дел. Я знала, что мне будет нелегко, но все-таки пошла на это ради Энтони. Я всецело ему доверяю. Нужно только почаще напоминать себе об этом.

К сожалению, мы видимся с ним не так часто, как хотелось бы. У Энтони полно обязанностей и забот, и все-таки он смог выделить мне в своей жизни небольшой уголок. Порой я чувствую себя маленькой мышкой, которая с радостью довольствуется перепавшими ей крохами. Но до чего же сладостны эти крошки!

Перед тем как он уехал в командировку, я получила посылку с новыми книжками, и Энтони помог мне распаковать их и расставить по полкам. Потом мы поужинали прямо на ковре у огня. Мы долго и молча смотрели друг другу в глаза, после чего я спросила:

– Почему ты все это делаешь для меня?

Он коснулся моей щеки и ответил:

– Мне хотелось видеть тебя счастливой.

И я действительно счастлива. Безумно счастлива. Порой мне кажется, что мое сердце вот-вот взорвется от избытка чувств. Другой вопрос, как долго продлится такое состояние. Что, если с годами меня перестанет устраивать наше соглашение? Что, если мне захочется большего и я не удовлетворюсь, пока не заполучу его целиком? Ты же знаешь, людям свойственно желать большего. Но в нашем случае это ни

к чему не приведет. Любовь, которую мне предлагают, ограничена всевозможными условностями.

Даже не знаю, как мне решить эту дилемму. Брауни, а что бы ты сделала на моем месте? Я была бы рада твоему совету.

Но что я все о себе да о себе? А что поделяешь ты? Пишешь, должно быть? Расскажи, какие сны снятся тебе в эти дни. Твои сновидения – настоящее чудо. Жаль, что мое собственное сознание не спешит развлечь меня схожим образом. Засыпая, я просто отключаюсь и ничего уже не вижу.

Ну все, Брауни, мне пора заканчивать. С нетерпением жду от тебя письма.

С любовью,

Руби.

29 июня 1946 г.

Дорогая Руби,

я безвылазно просидела несколько недель в Мейне, работала над книжкой. Но как же порадовали меня твои письма, когда я нашла их по возвращении домой!

Но сначала о деле. Итак, ты готовишь. Даже не знаю, плакать мне или смеяться при мысли о том, что ты стала заправским поваром. Остается надеяться, что к тому времени, когда я выберусь наконец в Сиэтл, ты угостишь меня домашним печеньем (вроде того, какое готовила моя мать). А ты тоже носишь фартук в красную клеточку? Не обижайся, я просто шучу!

Меня ужасно расстроила твоя неудача с Люсиль. И все же, я думаю, ты не должна сдаваться. Да, ваши отношения подверглись серьезному испытанию, но я бы посоветовала тебе взглянуть на все с другой стороны. Теперь, когда Люсиль знает твои «недостатки», она может при желании принять тебя такой, какая ты есть на самом деле, а не твой идеализированный образ. А разве это не то, к чему мы стремимся? Любить друг друга со всеми нашими недостатками? А для этого нужно знать человека таким, какой он есть. Просто твоей сестре нужно время, чтобы все как следует обдумать. Ради всего святого, на дворе 1946 год! Глупо кричать о том, что отношения между мужчинами и

женщинами должны следовать строжайшим предписаниям общества, когда весь мир так изменился!

Теперь к приятным новостям. Мы с Робертой планируем вместе съездить в Европу. Может, и вы с Люсиль к нам присоединитесь? Главное, не терять надежды.

Мне польстило твое замечание о том, что мои сны представляются тебе чем-то волшебным. Поверь мне, когда ты в десятый раз за месяц пробуждаешься от сна, в котором белый кролик спасается по морям от зубастых акул, тебе волей-неволей захочется спать, как всем нормальным людям. Беда в том, что мое сознание не успокаивается ни на секунду. А ему, как и телу, необходим отдых. Мое же воображение знает только одно: вперед, вперед и вперед. На самом деле это ужасно утомительно. Мне кажется, что люди с активным воображением проносятся по жизни быстрее остальных? Боюсь, в этом случае я не доживу и до пятидесяти.

Видишь ли, на меня безо всякого предупреждения обрушились новые страхи. Я только и думаю, что о своей смерти. Может, я умру по пути в кафе? Или провалюсь в люк, когда буду спешить на деловую встречу? Подобные мысли терзают меня безостановочно, как будто конец и правда близок. А с тобой такого не случалось? Или я просто слегка не в себе (обе мы хорошо знаем, что на это можно ответить только «да»).

Откровенно говоря, я несколько разочарована тем, какая участь выпала мне в этой жизни. Да, мне удалось слепить некое подобие карьеры (на которую я наткнулась по чистой случайности) и добиться определенного успеха. Я знаю, что должна быть благодарна судьбе за эти милости, но не испытываю ничего подобного. Видимо, мне так и не удастся обрести покой, пока я не напишу свою первую настоящую книгу. Книгу для взрослых.

Я уже писала тебе о том, что наше литературное сообщество, в которое входят издатели, писатели, поэты и кое-кто из моих знакомых художников, находит меня в лучшем случае забавной. «Ну как же! – говорят они. – Маргарет Уайз Браун. Та, которая кропает детские книжки». Никто не считает меня настоящим писателем. На вечеринках они мило улыбаются и задают свой обычный вопрос: «Над какими

безделушками ты сейчас работаешь, Маргарет?»

Я бы погрешила против истины, если бы сказала, что меня это ничуть не задевает. Я жажду, чтобы меня воспринимали всерьез. Я хочу, чтобы при моем появлении люди начинали почтительно перешептываться: «Смотрите, это Маргарет Уайз Браун, известная писательница».

Теперь несколько слов об Энтони. Надеюсь, ты помнишь, что не бывает двух одинаковых историй любви. Каждая разыгрывается по собственным правилам. В каждой есть свои взлеты и падения, свои печали и радости. Не бывает идеальной истории, как не бывает идеальных мужчин и женщин.

Общество говорит нам, что мы должны поступать только так и не иначе. Подпиши вот эту бумагу. Поклянись в том-то и в том-то. Но все это не имеет ни капли сердечности.

С годами я пришла к убеждению, что подлинные чувства проявляются лишь в тех случаях, когда люди любят друг друга безо всяких обязательств. Разве не это связывает вас с Энтони? Ну так прославляй свою любовь, живи ею, опьяняйся этим чувством день ото дня. Многим за всю свою жизнь не удастся встретить ничего подобного. Тебе ужасно повезло, что ты нашла свое счастье. Я вот все еще в поисках.

Это вовсе не значит, что я недооцениваю твоих тревог. Они вполне обоснованы, и ты сама это знаешь. Просто у всего есть обратная сторона, и наша задача – не допустить, чтобы плохое разрушило хорошее.

Может, именно поэтому меня не отпускают мысли о смерти. В конце концов, жизнь так коротка. Мы должны окружать себя людьми, общение с которыми доставляет нам радость, и бывать там, куда нас тянет сердце. Вот то, к чему я стремлюсь в последнее время.

Чтобы полностью отдаться этому чувству, я в скором времени вновь отправляюсь в Мейн. Целый месяц полного уединения – только я и лягушки! Может, там мне удастся лучше расслышать собственные мысли, и я наконец-то начну писать роман, о котором столько мечтаю.

Сама понимаешь, какое-то время я не смогу тебе писать. Но я очень надеюсь, что по возвращении в Нью-Йорк меня будет поджидать очередное твое послание.

С любовью,

М. Б.

Я кладу письмо, и на меня нисходит чувство небывалого покоя. Давно уже у меня не было такой ясности в мыслях. Я смотрю на свой ноутбук, а потом решительно открываю его и захожу в почту. Я знаю, что мне нужно делать. Я знаю, какой будет следующая глава, хотя первый шаг по-прежнему кажется необычайно трудным. Подгоняемая фразой из письма Маргарет – *Жизнь так коротка; мы должны окружать себя людьми, общение с которыми доставляет нам радость, и бывать там, куда нас тянет сердце*, – я пишу слова, которые должна была написать еще много лет назад.

Дорогой Артур,

считай это письмо официальной просьбой об увольнении из банка «Чейз и Хансон». Давным-давно ты принял меня под свое крыло и открыл мне все тонкости нашей профессии. Ты сделал меня такой, какая я есть, и своим успехом я обязана исключительно тебе. Беда в том, что я не в восторге от самой себя. Мне не нравится женщина, напрочь лишенная эмоций; женщина, которая способна, не моргнув глазом, продать с аукциона любой бизнес. Да, наши с тобой обязанности являются неотъемлемой частью успешной карьеры, капитализма и мира в целом. Но я больше не хочу выполнять эту работу. Пора уже перевернуть эту страницу и двигаться дальше. Ты хороший человек, Артур. Самый симпатичный мерзавец из всех, с кем я встречалась.

Твоя Джун.

Какое-то время я молча смотрю на экран. В Нью-Йорке уже перевалило за семь. Я знаю, что Артур еще на работе: просматривает бумаги и размышляет, из какого ресторана ему заказать ужин. Я знаю, что прямо сейчас он читает мое письмо. Вскипает от гнева. Но даже я не в силах предсказать его мгновенной реакции. При виде нового письма мое сердце начинает колотиться быстрее. Ладони немеют, напоминая о том, что я забыла принять таблетку. *Не бойся*, слышу я в голове голос Руби. *Это твое право – быть собой*. Быть собой. Но кто я такая? Знаю только, что человек, сидящий сейчас на стуле в «Синей птице», и есть настоящая Джун Андерсен. А та женщина из банка? Ее-то я как раз и не знаю. Я глотаю

таблетку, а затем, набравшись храбрости, открываю письмо.

*Джун,
ты меня просто убиваешь.*

Артур.

В чем-то он прав, но я больше не хочу убивать себя.

Глава 12

На следующее утро я слышу стук в дверь. Распахнув ее, я оказываюсь лицом к лицу с почтальоном.

– Я Джим, местный почтальон, – говорит он. – А вы, должно быть, Джун.

– Как вы догадались? – спрашиваю я.

– Ваша тетя сказала, что после ее смерти вы займетесь магазином.

– Она так и сказала?

Джим кивает.

– Она часто о вас говорила. Руби ужасно вами гордилась. Жаль, что ее больше нет. Даже улица без нее совсем не та.

– Весь мир без нее не тот. – Я изо всех сил стараюсь сдержать слезы.

– Это верно. – Он вручает мне толстую пачку писем. – Вчера я увидел свет в вашей квартире и понял, что в этот дом можно снова доставлять почту. Когда я узнал, что Руби не стало, решил не бросать ее письма на произвол судьбы. Хранил их у себя, чтобы передать потом вам.

– Спасибо. – Я просматриваю стопку каталогов и несколько личных писем.

– Тут есть послание лично для вас.

– Для меня? – Я недоверчиво качаю головой. – Но никто не знает, что я здесь.

Джим пожимает плечами.

– Ладно, удачи вам в делах. Руби была бы счастлива, если бы узнала, что вы здесь.

– Спасибо, – говорю я и возвращаюсь в магазин.

Устроившись за письменным столом, я начинаю разбирать почту. В основном это каталоги разных издательств, которые рекламируют новые книги. Я откладываю их в сторону с твердым намерением просмотреть позже. В отдельную стопку идут письма от друзей Руби. Скорее всего они еще не знают, что тетушка умерла. Я непременно напишу каждому из них, но потом.

Наконец я добираюсь до открытки, которая адресована лично мне. Я смотрю на подпись на конверте. Ну конечно – Мэй Магнусон!

Джун, спасибо за то, что вы навестили меня на прошлой неделе. В своих бумагах я нашла старую фотографию вашей тети с ребенком на

руках. А поскольку шансы найти ее сына невелики, я подумала, что вам захочется сохранить этот снимок.

Мэй.

В открытку вложена фотография, которую Мэй тщательно завернула в листок бумаги. Я вытаскиваю снимок, успевший изрядно покоробиться от времени. На заднем плане – хорошо знакомое мне помещение магазина. Однако снимали откуда-то издалека, возможно, с противоположной стороны улицы. Руби не любила фотографироваться. А если учесть, в какой тайне она передавала своего ребенка в другую семью, вряд ли она вообще знала, что ее снимают. Я внимательно разглядываю снимок. Руби держит на руках младенца, завернутого в синее одеяло. Они сидят возле кукольного домика. Лицо мальчика мне рассмотреть не удастся, а вот Руби видна очень хорошо. Тетушка улыбается. Да что там улыбается – просто лучится счастьем! Своего малыша она обнимает с такой любовью, что этого невозможно не ощутить. Глядя на снимок, я отчетливо понимаю, что должна отыскать ее сына. Нужно рассказать ему, какая у него была замечательная мать. Какая бы жизнь ни ожидала его потом, с какими бы трудностями ни столкнулся он в своей новой семье, достаточно будет одного взгляда на снимок, чтобы понять, что мать любила его всем сердцем.

Вздохнув, я откладываю фотографию и только тут замечаю конверт со знакомым логотипом. За последние одиннадцать лет я успела привыкнуть к этой эмблеме. Не в силах подавить тревогу, я вытаскиваю вложенное в конверт письмо.

Дорогая мисс Крейн,

с прискорбием вынужден сообщить, что 1 августа мы вынуждены будем закрыть ваш магазин «Синяя птица», если вы не успеете погасить все просроченные платежи. К письму я прилагаю детальный отчет о ваших долгах. Если вам не удастся рассчитаться с банком, на ваше имущество будет наложен арест, и оно уйдет с молотка.

С уважением,

Артур Сент-Клэр,

вице-президент банка «Чейз и Хансон».

Я растерянно качаю головой. Неужели Артур и правда нацелился на «Синюю птицу»? Разумеется, он не в курсе того, что я связана с магазином. «Синяя птица» для него – очередной незадачливый проект, который необходимо запустить с помощью его отдела. Он не знает, что именно я унаследовала книжный. А если бы и знал? Это никак бы не отразилось на его действиях. Бизнес есть бизнес, слышу я его уверенный голос.

Второй листок испещрен цифрами. Просмотрев его, я понимаю, что Руби не просто запоздала с выплатами: на ней еще висят два кредита, взятые под залог магазина. Конечно, адвокат Руби упоминал о том, что магазин в долгах, но я и представить не могла размеров этого долга. Даже если я продам свою нью-йоркскую квартиру и опустошу все свои сбережения, мне удастся покрыть лишь малую часть этой суммы. Такова печальная истина.

«Синяя птица» обречена. Слезы наворачиваются у меня на глаза, и я невольно вспоминаю ту Джун Андерсен, которая столько лет проработала в банке. Джун Андерсен с каменным сердцем и стальной хваткой. Она бы вволю посмеялась надо мной. Подумать только, безработная хозяйка магазина, который в скором времени уйдет с молотка!

Вот уж не думала, что окажусь в таком идиотском положении. Жаль, что я не получила письмо Артура днем раньше. Хотя... что бы это изменило? Неужели бы я смогла бросить «Синюю птицу» на произвол судьбы, как ни в чем не бывало вернувшись в Нью-Йорк, к своей прежней жизни?

И тут я вспоминаю о своем пути. Вспоминаю, почему решила завершить свою банковскую карьеру. Скомкав письмо, я швыряю его в мусорную корзину. Извещение о закрытии ничего не меняет в моих планах. Более того, оно ставит передо мной *цель*. Я буду сражаться за «Синюю птицу» с тем же упорством, с каким отстаивала интересы своего банка. Я использую все доступные средства, чтобы спасти магазин. При этой мысли мое сердце начинает биться ровнее и увереннее. Да, я буду сражаться за магазин. И даже если проиграю, то буду знать – я сделала все, что было в моих силах.

Недавняя размолвка с Гэвином кажется сейчас чем-то пустяковым. Мне нужно рассказать ему о своих планах, нужно заручиться его поддержкой.

Я выхожу из магазина, даже не потрудившись запереть за собой дверь. У входа в «Антонио» висит табличка «Открыто». *Прекрасно, думаю я, Гэвин все-таки решил не закрывать ресторан.* Самой мне очень нравится мысль объединить магазин и кафе, но не исключено, что Гэвин предпочтет

и дальше работать в ресторане. Я вижу, что в углу зала примостилась джаз-группа. Должно быть, их специально позвали сюда пораньше, чтобы привлечь побольше посетителей. Может, и мне удастся хоть как-то помочь Гэвину. Книжный магазин тонет в пучине долгов, но я могла бы надеть фартук и обслуживать столики – по крайней мере до тех пор, пока не решу, что мне делать дальше. Работа в ресторане не из легких, но мне она, как ни странно, пришлась по вкусу. Сердце у меня ёкает, когда я думаю о том, что банк может наложить арест на имущество Руби, а потом и вовсе распродать его. Магазин получит какой-нибудь застройщик, который без зазрения совести снесет «Синюю птицу», чтобы построить на ее месте жилой дом или, что еще хуже, гостиницу. В Сиэтле их и так предостаточно. Что ж, придется вступить в битву с нашим банком. Давид против Голиафа.

Печально вздохнув, я захожу в ресторан. В воздухе витает аромат свежесвеженного хлеба, и от этого запаха у меня становится легче на душе.

– Привет, – киваю я Неду, саксофонисту джаз-группы. – Гэвин на месте?

– Да, но он...

– Спасибо, – не дослушав, я спешу на кухню. – Гэвин, я только что получила письмо...

При виде открывшейся сцены мой голос замирает. Растерянность первых секунд сменяется неожиданным отрезвлением.

– Ох, – только на это меня и хватает.

Адрианна, босая, стоит посреди кухни в черном вечернем платье. Молния на спине полурасстегнута, и рука Гэвина лежит на этой молнии. Низкий вырез декольте выставляет напоказ пышную грудь Адрианны и кружево ее сорочки. Внезапно все, что эти двое говорили мне о своем прошлом и настоящем, теряет значение. Единственное, что имеет смысл, – этот эмоциональный, глубоко интимный момент.

Гэвин в замешательстве.

– Адрианна вернулась из поездки раньше запланированного, – говорит он, – и я просто хотел помочь ей...

– Я приехала раньше, – пытается подобрать слова Адрианна, – потому что бабушка нашла покупателя для ресторана. У меня сейчас...

– Мне нужно идти, – быстро говорю я. – Простите... Я... Я не хотела мешать.

Я выскакиваю за дверь, а затем через зал выбегаю на улицу. Я сама виновата в том, что поставила себя в это идиотское положение. С чего я

решила, что смогу занять место Адрианны? Очевидно, что она еще не готова перейти к новым отношениям. Возможно, и для Гэвина вопрос еще не решен окончательно.

Счастье еще, что на мне кроссовки, поскольку только хорошая пробежка может мне сейчас помочь. Я сворачиваю к озеру и вливаюсь в поток тех, кто тоже решил немного поразмяться. Я намерена бегать до тех пор, пока не перестану чувствовать под собой ног. А заодно и своего сердца.

Глава 13

Понятия не имею, сколько кругов я накрутила у озера, пока не заметила впереди скамейку. Именно тут пару недель назад я встретила с Гэвином. Я сажусь на скамью, а мысли мои вновь возвращаются к Гэвину с Адрианной. И как только я не разглядела, что он по-прежнему ее любит? Мне невольно вспоминается, какой красавицей выглядела Адрианна в своем коктейльном платье. Разве можно нас сравнивать? Подивившись собственной глупости, я встаю и направляюсь к выходу из парка. В этот момент на лицо мне падает дождинка. Пока я успеваю добраться до кафе «Джо», дождь уже льет как из ведра. Бросив взгляд в окно, я вижу, что за столиками сидят постоянные посетители, и мне становится грустно при мысли о том, что в скором времени это кафе закроется. Откуда в нашей жизни столько перемен? Разве нельзя, чтобы все следовало своему неизменному порядку? Я прохожу мимо «Антонио», и слезы у меня на щеках смешиваются с каплями дождя. От стоянки возле книжного отъезжает черный внедорожник, и мое сердце замирает, когда я вижу, что дверь в магазин распахнута настежь.

Внезапно рядом появляется Гэвин.

– Джун, – кричит он, – я тебя уже обыскался! Я хотел заглянуть к тебе в магазин, а тут... – Он молча кивает на открытую дверь.

Хоть меня и пугает перспектива кражи, я невольно думаю о том, что даже в дождь Гэвин выглядит все так же неотразимо, тогда как я наверняка напоминаю сейчас промокшую крысу.

– Джун, кто-то забрался в магазин.

Он бросается вперед, а я спешу за ним. Шагнув через порог, я замираю на месте. Книжные полки перевернуты, а книжки в беспорядке валяются на полу. Здесь же рассыпаны бумаги, которые я так тщательно раскладывала по коробкам.

– Кто мог это сделать? – спрашивает Гэвин.

Я без сил опускаюсь на пол и начинаю разбирать грудку книг и документов – все, на что я потратила не один день усердного труда.

Гэвин кладет руку мне на плечо.

– Давай я тебе помогу.

– Нет, – качаю я головой. – Я и сама прекрасно справлюсь.

– Джун, я останусь тут в любом случае. Не могу же я бросить тебя одну. Что, если эти люди вернутся? Тебе нужно написать заявление в

полицию.

– Конечно, – говорю я дрогнувшим голосом. – Гэвин, я получила сегодня письмо из банка, из моего бывшего отдела. У тети накопились огромные долги. На «Синюю птицу» в любой момент могут наложить арест.

– Что?! – Гэвин явно потрясен этой новостью.

– У меня почти не осталось времени, – продолжаю я. – Возможно, если я продам квартиру и потрачу все свои сбережения, мне все-таки удастся удержать магазин на плаву. Но шансы, если честно, невелики.

– У меня тоже есть кое-что в запасе, – говорит Гэвин. – Вряд ли там останется много, после того как я выкуплю долю Адрианны, и все же я мог бы тебе помочь.

– Нет, – вырывается у меня. – Конечно, это очень мило с твоей стороны, но ведь тебе нужно думать о ресторане.

– Когда ты узнаешь... Когда будет ясно, хватит ли тебе денег?

– Очень скоро, – отвечаю я. – Скорее всего уже завтра я вылечу в Нью-Йорк, чтобы поговорить со своим другом Питером. Он бухгалтер, а мне потребуется провести серьезные расчеты.

– А как насчет этого? – Гэвин кивает на грудку книг и бумаг. – Похоже, тут что-то искали. А вдруг они решат вернуться? Тебя это не пугает?

– Еще как пугает.

Впервые за все время я решаюсь рассказать ему о переписке между Руби и Маргарет Уайз Браун и о тех подсказках, с помощью которых я нахожу очередную пару писем. Я говорю об Энтони Магнусоне, о сынишке Руби и о Виктории Магнусон, которая просила меня быть поосторожнее с ее дочерью Мэй.

– Должно быть, в магазине спрятано что-то очень ценное, – задумчиво произносит Гэвин. – Не знаешь, что это может быть?

Я смотрю на полки, на которых выстроились первые издания. Они так и стоят в целости и сохранности. Я перевожу взгляд на пол, на грудку разбросанных книг и ворох бумаг.

– Кто бы это ни был, – замечаю я, – он скорее всего ушел отсюда с пустыми руками. – Я подхожу к полке, чтобы взглянуть на самые ценные экземпляры. – Если бы эти люди хотели поживиться, они бы забрали старые тома. Но они, судя по всему, искали что-то еще.

– Почему бы тебе не продать эти книги, раз они такие ценные? – предлагает Гэвин. – Так ты сможешь оплатить часть долга.

– Это все равно что продать кусочек души самого магазина, – качаю я головой.

Гэвин понимающе кивает.

– Что тогда? – спрашивает он.

– Не знаю, но думаю, что ты прав и в магазине действительно кроется нечто ценное. Если это так, то я его найду.

Я поворачиваюсь к лестнице, которая ведет в мою маленькую квартирку.

– Мне пора собираться в дорогу.

– Подожди, – подходит ко мне Гэвин. – Сначала нам нужно поговорить. То, что ты видела сегодня на кухне... Словом, это не то, о чем ты подумала.

Я отвожу взгляд в сторону.

– Тебе вовсе не нужно...

– Нет, нужно. Ты все неправильно поняла. Мы с Адрианной действительно расстались.

– Но я подумала...

– Сегодня вечером она идет на *свидание*.

– На свидание?

– Да. – На лице у Гэвина сияет довольная улыбка. – В самолете она познакомилась с каким-то парнем, и у них сразу все закрутилось. Он пригласил Адрианну в ресторан, и она купила себе пару вечерних платьев. Ей так хотелось произвести на него впечатление, что она примчалась ко мне, чтобы спросить, что ей лучше надеть.

– Вот оно что, – улыбаюсь я. – Должна признать, когда я увидела, как ты расстегиваешь ее платье...

– *Застегиваю* ее платье.

– Ясно. В общем, когда я увидела вас вместе, то почувствовала себя полной идиоткой.

Гэвин с улыбкой смотрит на меня.

– Мы оба знаем, что пора наконец расстаться – и в жизни, и в бизнесе. Мы навсегда останемся близкими людьми, но каждому из нас нужно свое пространство. Невозможно жить, когда все делаешь с оглядкой на другого. Вот почему Адрианна вновь предложила продать мне свою долю, и я согласился.

– Согласился? – вырывается у меня.

– Да, – улыбается Гэвин. – Я всегда буду признателен ей за то, что она помогла мне создать такой замечательный ресторан. Но пора уже перейти к следующей странице. – Он внимательно вглядывается в мое лицо. – Помнишь, на острове мы говорили о том, что могли бы объединить наши силы? Превратить твой книжный и мой ресторан в гибрид кафе и магазина?

Я киваю, а в душе у меня вновь пробуждается надежда.

– Так вот, мы действительно могли бы это сделать, – продолжает Гэвин. – При условии, конечно, что ты этого все еще хочешь.

– Хочу, – говорю я с некоторой опаской. – Вот только...

– Только что? – потирает он лоб.

– Я ведь даже не знаю, удастся ли мне спасти магазин, – замечаю я. – Поверь, я сделаю все, что в моих силах, но ситуация очень напряженная. И мне бы не хотелось перекладывать свои долги на «Антонио». Что, если это погубит и твой бизнес? – Опыт подсказывает мне, что подобное слияние может быть очень рискованным. – Вдобавок ты уже пытался вести дела с...

– С тем, кого я люблю?

Краска бросается мне в лицо. *Неужели он и правда сказал, что любит меня?*

– Что ж, в чем-то ты права, – говорит Гэвин. – Похоже, тебя беспокоит, что мы можем оказаться в той же ловушке, в которую когда-то попали мы с Адрианной. Но ты должна понимать... – он сжимает мои руки, – то, что происходит сейчас между нами, ничуть не похоже на то, что было у меня раньше. Я даже сравнивать не хочу. Я просто пытаюсь сказать, пусть и не очень внятно, о своих чувствах. Видишь ли, я не из тех, кто умеет гладко признаваться в любви, тем более что мне приходилось делать это всего три раза. И первый раз я сказал об этом в одиннадцать лет.

– Надеюсь, я правильно тебя поняла? – улыбаюсь я.

Он кивает.

– Мы встретились всего-то три недели назад, но я смотрю на тебя и думаю... Словом, я не могу отпустить тебя из Сиэтла, не сказав, что окончательно потерял голову.

У меня вырывается полувсхлип, полусмешок, но мне все равно. Ничто уже не в силах испортить этот момент.

– Не знаю, что и сказать.

– Скажи, что влюблена в меня так же сильно, как и я в тебя.

– Это правда, – улыбаюсь я сквозь слезы. – Даже не думала, что смогу испытать такое чувство после всего, что мне пришлось пережить.

– Об этом мы еще потолкуем. – Он бережно касается губами моего лба. – Ты для меня настоящая загадка, Джун Андерсен, и мне не терпится поскорее ее разгадать.

– Это я тебе обещаю, – улыбаюсь я в ответ.

– Вот и прекрасно. – Гэвин бросает взгляд на часы, которые стоят на каминной полке. – Они правда показывают четыре или у меня плохо со зрением?

– Правда.

– Проклятье, я спалил свой хлеб. Лепешки наверняка превратились в угольки, если только кто-нибудь из официантов не сжалился надо мной и не вытащил их из печи.

– Ох, прости, ради бога.

Гэвин крепко обнимает меня.

– Сегодня я с удовольствием съем все до последнего уголька. До встречи, – добавляет он, направляясь к двери.

– До встречи, – улыбаюсь я ему вслед.

Глава 14

На следующее утро я с нетерпением поджидаю такси. По правде говоря, мне ужасно не хочется улетать в Нью-Йорк – тем более теперь, когда у нас Гэвином стало все налаживаться. Я вновь невольно краснею при воспоминании о том, как он признался мне в любви.

Вчера вечером ко мне приходили из полиции, чтобы осмотреть магазин. Полицейские сняли с дверей отпечатки пальцев и задали мне массу вопросов.

– Что-нибудь пропало? – спросила меня молодая женщина в форме.

– Не думаю, – покачала я головой. – По крайней мере, ничего такого я не обнаружила.

Внезапно женщина замечает книжку, которая валяется на полу обложкой вверх, и ее глаза загораются неподдельным интересом. Мне ужасно не хотелось оставлять весь этот беспорядок, но Гэвин убедил меня ничего не трогать «на месте преступления» (не сомневаюсь, что эту идею он почерпнул из какой-нибудь серии «Закона и порядка»^[14]).

– Это же Элоиза Уилкин?^[15] – восклицает она.

– Да, – говорю я, заглядывая ей через плечо.

Женщина начинает пролистывать страницы, пока не останавливается на той из них, где нарисована маленькая девочка. Она раскачивается на качелях на изумрудно-зеленой лужайке, а позади нее высится белый домик с черепичной крышей.

– Я часами могла разглядывать эту картинку, – женщина не сводит глаз со страницы. – Представляла, что это моя собственная жизнь, мой дом, мои качели. – Она печально качает головой. – Похоже, я не видела эту книгу с тех пор, как мне исполнилось девять.

– Так почему бы вам не взять ее? – предлагаю я.

– Что вы, я не могу.

– Берите, прошу вас.

Заполнив протокол, она выходит из магазина с книгой под мышкой. И мне почему-то кажется, что эта книжка предназначалась именно ей.

За время ожидания давление у меня вновь поднимается, и я принимаю очередную таблетку. Утром я постаралась хоть немного прибраться в магазине. Гэвин пообещал, что будет присматривать за «Синей птицей». А вдруг эти люди вновь решат забраться в магазин? Он же не сможет

караулить его день и ночь. Вдруг на этот раз им удастся найти то, что они искали?

С такими невеселыми мыслями я беру сумку и запираю за собой дверь.

* * *

В аэропорту я предъявляю служащему свой билет. Он пропускает его через сканер, после чего говорит:

– Приятного путешествия, мисс Андерсен.

Я хочу шагнуть вперед, но мои ноги будто застыли на месте. Вот она я – безработная собственница магазина, который в скором времени закроют за долги. Когда я покидала Нью-Йорк, мне казалось, будто я нахожусь на вершине мира. Теперь же я возвращаюсь домой ни с чем.

В глубине души мне отчаянно хочется развернуться и броситься назад, в уют старого магазинчика. Но умом я понимаю, что посадка в самолет станет первым шагом к лучшему будущему – и для меня, и для магазина. Нужно заставить себя сделать этот шаг, каким бы трудным он сейчас ни казался.

– Мисс Андерсен, – слышу я голос служащего. – Вы можете пройти на посадку.

– Простите, – говорю я. – Уже иду.

Я направляюсь к месту посадки. На завтра у меня уже назначена встреча с агентом по недвижимости. Это будет утром, а после обеда я встречаюсь со своим другом Питером. Он бухгалтер, и мы постараемся хоть как-то прояснить мое финансовое положение. Надеюсь, мне все-таки хватит денег на то, чтобы поддержать «Синюю птицу» на плаву.

Самолет взлетает, а я вытаскиваю из сумочки очередную пару писем. Я обнаружила их у Руби на кухне, в старом экземпляре «Поваренной книги Бетти Крокер».

5 июля 1946 г.

Дорогая Брауни,

спасибо тебе за замечательный совет. Для меня это как бальзам на рану. Попробую-ка я дать Люсиль еще немножко времени. Может, и мы однажды отправимся в свое европейское путешествие.

Как бы мне хотелось заглянуть на одну из ваших

литературных вечеринок! У меня бы нашлось что сказать тем, кто считает твоё творчество «забавным». Да как смеют эти люди преуменьшать твои заслуги!

Не далее как вчера ко мне в магазин приходила мама с маленьким мальчиком. Видела бы ты этого ребенка, такого грустного и молчаливого! От матери его я узнала, что отец мальчика умер два месяца назад, а у ребенка не все ладится в школе. Друзей у него совсем мало, и мама хотела купить сыну несколько книжечек, чтобы хоть немножко подбодрить его. Я подвела мальчика к полке и достала оттуда книгу «Когда подул ветер». Когда я сказала ему, что знаю автора – тебя, разумеется, – он немного оживился. Тогда я прочла ему книжку. Разумеется, я читала её и раньше, но лишь тут меня осенило, что это история о счастье, которое можно обрести в самых одиноких уголках жизни; что даже кот или собака могут составить тебе неплохую компанию. И значит, мы вовсе не так одиноки, как может порой показаться. Какое замечательное послание – и для взрослого, и для ребенка!

Так вот, Брауни, когда я закончила читать, мальчик повернулся ко мне и сказал с широкой улыбкой:

– У меня тоже есть лучший друг. Это Боксер.

– Боксер? – переспросила я.

– Мой пес, – пояснил он.

Когда ты в очередной раз почувствуешь, Брауни, что твой труд не находит признания, вспомни о том, какое чудесное воздействие оказали твои слова на маленького мальчика, как они подбодрили его в трудную минуту. Пусть другие будут литературными «мэтрами». Пусть пишут свои грандиозные романы и осыпают друг друга похвалами. Как бы там ни было, ты должна помнить, что делаешь очень важную работу. И лишь немногие на этом поприще одарены так же, как и ты.

Маргарет, я очень надеюсь, что ты сохранишь мое письмо. Положи его в карман и перечитывай всякий раз, когда вновь усомнишься в значимости своего творчества.

С любовью,

Руби.

Р. С. Энтони отправляется в деловую поездку в Майами и

предложил мне составить ему компанию. Он пообещал нанять машину, чтобы меня отвезли на денек-другой в Ки-Уэст, пока сам он будет заниматься делами. Должна признать, в последние дни я думаю только о том, что: а) нужно купить купальник и б) сколько шансов на то, что я встречу там с Хемингуэем?

Я внимательно рассматриваю это письмо. Судя по всему, Маргарет и правда последовала совету подруги, поскольку листок явно складывали не один раз. Мне вспоминаются слова Руби: *Надеюсь, ты сохранишь мое письмо. Положи его в карман и перечитывай всякий раз, когда вновь усомнишься в значимости своего творчества.* Похоже, Маргарет Браун так и поступила.

12 июля 1946 г.

Дорогая Руби,

твое письмо я получила до того, как успела уехать в Мейн, чему, надо признать, несказанно рада. Ты избавила меня от изрядной доли мучений. Я могла впустую растратить месяц отдыха, пытаясь стать тем, кем вовсе не являюсь, – то есть автором романов. В душе я никогда не устану задаваться вопросом, смогла бы я вообще писать серьезную литературу. Не исключено, что смогла бы. Но ты абсолютно права в том, что судьба даровала мне особый талант, которого я не должна стыдиться. Спасибо, что ты вовремя напомнила мне об этом.

Мейн – чудесное местечко. Здесь так тихо и тепло и никаких сборищ – только я и бессловесные твари. Пение лягушек на рассвете и стрекот кузнечиков с наступлением ночи. Стрекозы скользят над лугом, кролики скачут в утреннем тумане. Время течет невероятно медленно. По правде говоря, я вовсе о нем забываю, и это является для меня лучшим времяпрепровождением. Я могу прилечь на траве с книгой, а затем задремать. Проснувшись, я даже не буду знать, то ли прошел целый день, то ли всего лишь час. Каждый должен погружаться иногда в такое восхитительное безделье.

Знаешь, Руби, я часто думаю о тебе. Взгляну вечером на небо и представлю, как и ты смотришь на эту же луну. Когда вы едете в Майами? Мне страшно хочется прихватить купальник и присоединиться к вашей компании. Во-первых, я горю желанием познакомиться с Энтони. А уж то, что там будет Эрнест... Ты

ведь знаешь, что я встречалась с ним в прошлом году на одной вечеринке? Он даже отвесил мне комплимент: сказал, что я здорово похожа на Лану Тернер. Правда, к тому моменту он успел изрядно набраться. Но даже несмотря на это я нашла его чертовски привлекательным. Ну и парочка бы из нас вышла! Вспыльчивый как порох литературный дон и авторесса детских книжек. Смех, да и только.

Ладно, мне пора на встречу с редактором. Насколько я понимаю, будем обсуждать «Меховую семейку». В полном согласии с «Операцией “Сестры”» я собираюсь подарить Роберте самый первый экземпляр, аккуратно перевязанный желтой ленточкой.

Отвечай поскорее, чтобы мы могли обсудить планы насчет Ки-Уэст.

С любовью,

М.У.Б.

* * *

Шэрон, агент по недвижимости, стоит на кухне моей нью-йоркской квартиры. Одета она в черную юбку с пиджаком и туфли на таком высоком каблуке, что даже при взгляде на них у меня начинают болеть ноги.

– Ну и проблемку ты мне задала, – замечает она.

Именно Шэрон помогла мне купить эту квартиру пять лет назад. К сожалению, покупка эта пришлась на расцвет местного рынка недвижимости, и заплатила я больше первичной стоимости, поскольку на квартиру было слишком много желающих. А что теперь? Шэрон уже объяснила мне, что рынок переполнен подобными предложениями и нам повезет, если мы получим хотя бы указанную в заявке стоимость.

– Боюсь, тебе придется немного занизить свои требования, – замечает Шэрон, прогуливаясь по гостиной. Она проводит пальцем по старой каминной полке, которую я все планировала заменить, но так и не собралась.

– Последнее слово на рынке остается сейчас за покупателем, – хмурится Шэрон.

Я бросаю взгляд в окно. Оно выходит на балкон, с которого открывается потрясающий вид на Нью-Йорк.

– Шэрон, – качаю я головой, – мне нужно получить за квартиру ту сумму, которую я на нее потратила, или даже больше.

– В таком случае, – вздыхает Шэрон, – тебе лучше переждать. Если хочешь, можешь сдать квартиру в аренду. Через несколько лет, если ситуация наладится, тебе, возможно, удастся получить за нее неплохую сумму.

– Я не могу ждать так долго, – возражаю я. – Мне нужны деньги на «Синнюю птицу».

– Что ж, – в голосе Шэрон явно слышится разочарование, – я не могу тебе ничего обещать, но постараюсь сделать все, что в моих силах.

– На большее я и не рассчитываю.

– Когда ты хочешь выставить ее на продажу?

– Завтра, – отвечаю я.

– Так быстро? Уверена, что не пожалеешь о своем решении?

– Я уже все обдумала, – качаю я головой.

Я стараюсь говорить как можно уверенней, но сердце трепыхается у меня в груди, хотя перед встречей я не забыла принять таблетку.

– Ладно, – кивает Шэрон. – Будем ее как-нибудь обставлять?

– Нет, – говорю я. – Мебель я оставлю здесь. Нет смысла перевозить ее в Сиэтл, там и так все есть. Я заберу только личные вещи. Грузчики придут уже сегодня, после обеда.

Я не собираюсь объяснять Шэрон, что не желаю никаких напоминаний о моей прежней жизни, о моей прежней личности. Хочу сбросить с себя Нью-Йорк, как старую скорлупу.

– Мебель станет для нас дополнительным плюсом, – замечает Шэрон. – Я приглашу фотографа, и мы дополним твоё объявление парочкой снимков. Надеюсь, это сработает.

Я киваю, и она на мгновение сбрасывает свою маску профессионала.

– Помнишь, как я впервые привела тебя в эту квартиру?

Я невольно улыбаюсь. В то время меня как раз повысили в должности, и я чувствовала, что могу горы свернуть. В свою квартиру я влюбилась с первого взгляда. Мне было плевать, что придется выдержать борьбу с другими конкурентами. Я точно знала, что эта квартира будет моей.

– Ты изменилась, – говорит Шэрон, застегивая сумочку. В ее взгляде сквозит любопытство.

– Пожалуй, – соглашаюсь я. – Сейчас мне хочется совсем другого... А может, мне всегда хотелось другой жизни, только я не сразу это поняла.

* * *

Грузчики приезжают в два. Следуя моим указаниям, они складывают в коробки одежду и прочие вещи, снимают с полок мои книги.

– Вся мебель остается, – говорю я.

В ответ они лишь пожимают плечами – мол, сталкивались и не с таким. Их начальник – симпатичный парень с добрым взглядом. Он тщательно заклеивает коробки с обувью и одеждой. Я вспоминаю, с каким восхищением смотрел он на стеклянный столик у меня в коридоре. Сама я приобрела эту вещь только по настоянию декоратора и всегда относилась к ней с тихой ненавистью.

– Хотите взять себе эту штуку? – киваю я на столик. – Хотя бы для жены, – добавляю я, заметив у него на пальце обручальное кольцо.

– Вы серьезно? – Он даже не пытается скрыть свое удивление.

– Конечно, – киваю я. – Если хотите, забирайте.

– Спасибо, мэм, – широко улыбается парень, а потом возвращается к своей работе.

* * *

Получив от Питера сообщение о том, что он задержится, я в одиночестве усаживаюсь за столик в нашем любимом бистро. Себе я заказываю джин с тоником, а Питеру martini. Потягивая напиток, я смотрю в окно и думаю, как много времени уходит на то, чтобы выстроить свою жизнь. Карьерная лестница, по которой ты карабкаешься и карабкаешься вверх. Безостановочные усилия, направленные на приобретение собственного дома, покупку мебели и произведений искусства. У тебя появляются любимые рестораны и магазины, куда ты ходишь выпить кофе и за покупками. А потом ты просто чиркаешь спичкой и сжигаешь эту жизнь дотла.

Питер появляется в бистро как раз в тот момент, когда я заказываю себе еще один напиток.

– Девочка моя! – Он наклоняется, чтобы покрепче меня обнять.

– До чего же я рада тебя видеть, – улыбаюсь я. – Как там Нейт?

– Замечательно, – отвечает Питер. Не так давно они с Нейтом, его давним бойфрендом, купили себе в Бруклине дом. Я даже успела поужинать у них за месяц до своей поездки в Сиэтл.

– Мы наконец-то отделали гостиную деревянными панелями, – добавляет Питер.

– Представляю, как здорово это смотрится, – замечаю я.

Интересно, каково это, жить той жизнью, которую устроили для себя Питер и Нейт? Этот дом будет для них единственным жилищем. По правде говоря, они потратили на него целое состояние. Хорошо еще, родители Нейта помогли им с покупкой. В чем-то я завидую этим двоим. Завидую стабильности их существования, ведь моя жизнь сейчас больше похожа на ящик, содержимое которого в беспорядке вывалили на пол. И какая же это мука – собрать все заново!

– Откуда такая печаль на личике? – интересуется Питер.

Он снова обнимает меня, а затем снимает пальто и вешает его на крючок.

– Я просто размышляла о том, как сильно все изменилось. Никогда бы не подумала, что уеду из Нью-Йорка – мне всегда казалось, что это и есть мой дом.

– Он вполне может им остаться, – замечает Питер. – Я как раз хотел сказать, что тебе вовсе не обязательно отсюда уезжать. Мы с Нейтом готовы начать кампанию «Удержим Джун в Нью-Йорке».

– Это очень мило с вашей стороны, – улыбаюсь я, – но мне и правда нужно уехать.

– Влюбилась в свой книжный? – спрашивает он. По телефону я успела описать ему ситуацию в Сиэтле.

– Да, – киваю я. – А еще я влюбилась в мужчину.

Питер не скрывает своего удивления.

– Ситуация усложняется, – замечает он. – Симпатичный?

– Очень.

– Душевный?

– Не то слово.

– Тогда тебе и правда нужно ехать, – кивает Питер. – Меня убивает мысль о том, что ты будешь жить на другом конце страны, но я, как ты знаешь, сторонник большой любви.

– Тогда тебя не оставит равнодушным история моей тетушки Руби.

Питер выглядит заинтригованным.

– Всю свою жизнь она любила женатого мужчину, который и купил ей книжный магазин, – говорю я. – Звали его Энтони.

– Хочешь сказать, она была у него *на содержании*?

– Нет-нет, ничего похожего, – качаю я головой. – Все было... иначе. Возвышеннее, я бы сказала.

– А они в итоге поженились?

– Нет. Жена не пожелала дать ему развод. И ему пришлось разрываться между одной своей жизнью и другой. Но Руби любила его бесконечно, до самой его смерти.

– Как он умер?

– Это самая трагичная часть истории. Моя тетушка забеременела, когда ей было уже за сорок. Думаю, это стало шоком для них обоих. Потом Энтони погиб – ударился головой об лед, когда они катались на коньках. Такой вот печальный конец истории.

– Да уж, – качает головой Питер.

– Конечно, их отношения были далеки от идеальных, но мы должны считать за счастье, если нам удастся обрести хотя бы частицу такой любви, которая соединяла Руби и Энтони.

– Похоже, тебе-то как раз удалось ее найти.

– Может, и так, – говорю я. – Поживем – увидим. Для меня сейчас главное – спасти «Синюю птицу». – Я смотрю в окно на оживленную улицу Нью-Йорка. – Мне трудно объяснить это словами, но в глубине души я всегда знала, что мое место в Сиэтле, за прилавком книжного магазина. Хотя до последнего времени я не считала это своим призванием. Питер, мне просто необходимо спасти магазин. Надеюсь, тебя не очень утомили все эти подсчеты.

Он машет рукой, показывая, что об этой безделице не стоит и говорить, и вытаскивает из сумки папку с бумагами. Мы подружились с Питером еще до того, как он стал моим бухгалтером, но очень скоро я убедилась в том, что в делах он хорош так же, как и в дружбе.

Питер раскладывает на столе листок с подсчетами, чтобы я тоже могла видеть цифры.

– Если я распродам свою собственность, этого будет достаточно? Я имею в виду, чтобы спасти магазин и обеспечить себе пристойное существование.

Лицо Питера мрачнеет.

– Детка, – говорит он, – мне не хочется сообщать тебе плохие новости, но ситуация более чем серьезная. Я внимательно изучил долги твоей тети, и вот что у нас с тобой получается. Тебе нужно продать квартиру с большой выгодой, иначе тут никак не развернуться. Постоянного дохода у тебя больше нет. Даже если ты опустошишь все свои сбережения, то едва наскребешь на то, чтобы заплатить основные долги.

Сердце болезненно сжимается у меня в груди.

– Почему бы тебе не обратиться к своему бывшему боссу? – замечает

после долгой паузы Питер. – К Артуру. Может, он захочет тебе помочь.

– Шутишь? – качаю я головой. – Да это все равно что приползти на поклон к Поттеру.

– К Поттеру?

– Помнишь фильм «Эта прекрасная жизнь»?^[16] Джимми Стюарту пришлось наплевать на свою гордость и выпрашивать у мистера Поттера деньги на оплату долгов.

– Перестань, – машет рукой Питер. – По-моему, ты слишком драматизируешь ситуацию. Просто отправь ему письмо. Расскажи о том, что произошло. Ты же проработала на этого парня... десять лет, если не ошибаюсь? Должно же у него быть сердце.

– Не факт, – пожимаю я плечами.

Питер задумчиво потягивает свой martini.

– Тем не менее, – замечает он наконец, – тебе все-таки стоит попытаться. Ну что ты, в конце концов, теряешь?

– Свою гордость, – отвечаю я. – Не так-то просто приползти на поклон к Поттеру.

Питер с улыбкой сжимает мою руку.

– Давай поборемся на пальцах, – предлагает он. – Выиграешь ты, поступиай, как хочешь. Выиграю я, отправишься на поклон к Артуру.

Я фыркаю, но соглашаюсь – хотя бы потому, что раньше я всегда у Питера выигрывала.

– По твоей команде, – говорит Питер.

Мы усаживаемся поудобнее, и я пытаюсь прижать к столу большой палец его руки, однако Питеру удается вырваться, и борьба начинается по новой.

– Я не собираюсь сдаваться, – заявляет он. – Не позволю, чтобы ты отказалась от своей участи.

– От моей участи? – пыхчу я. – Может, моя участь – женить на себе Райана Гослинга^[17] и родить ему шестерых детей.

– Только не говори Нейту, но это моя участь – женить на себе Райана Гослинга, – победоносно замечает Питер и уже в следующее мгновение прижимает мой палец к столу.

– Реванш! – протестую я.

– Никаких реваншей. Я выиграл в честной борьбе. Теперь тебе придется поговорить с Артуром.

Внезапно я понимаю, что Питер прав.

– Ладно, я отправлю ему письмо. Но с таким же успехом я могла бы

выбросить его в мусорную корзину.

– Да что в этом такого? Ты же все равно до конца не знаешь, как он отреагирует на твою просьбу.

Пару секунд мы делаем вид, что сердимся друг на друга, но потом не можем удержаться и обнимаемся.

– Я буду скучать по тебе, – замечает Питер.

– Я тоже, – говорю я и чувствую, как мои глаза наливаются слезами. Внезапно меня вновь охватывают сомнения. Я уехала из Сиэтла, когда мне было всего восемнадцать. Я давным-давно стала жительницей Нью-Йорка.

– Что, если я совершаю сейчас ошибку? И мне вовсе не нужно возвращаться в Сиэтл?

– Не мучай себя сомнениями, – говорит Питер. – Хотя я и не знаком с твоим Гэвином, но ему, судя по всему, удалось сделать тебя счастливой. Ему можно довериться.

Я киваю. Оказывается, не так это просто – доверять себе. Гораздо проще довериться тому же Питеру.

* * *

В тот же вечер – последний в моей нью-йоркской квартире – я вытаскиваю ноутбук и открываю почту. Я вспоминаю, как писала раньше Артуру: сообщала об удачно проведенной сделке или хитроумной операции, сэкономившей банку изрядную сумму денег. Но на этот раз все иначе: мне придется писать о личном. На мгновение я прикрываю глаза, а потом начинаю печатать.

Дорогой Артур,

даже не знаю, с чего и начать. Видишь ли, я получила в наследство книжный магазин – чудесный магазинчик, в котором я провела самые счастливые часы моего детства. Когда я отправлялась в Сиэтл, то еще сама не знала, что захочу изменить свою жизнь. Я думала, что разберусь с делами и тут же вернусь назад. Но этим планам не суждено было сбыться. Артур, я действительно хочу работать в книжном магазине. Мне бы хотелось привить детям ту же любовь к книгам, которую когда-то пробудила во мне моя тетя. Беда в том, что мой книжный на грани финансовой катастрофы. По иронии судьбы (учитывая специфику моей предыдущей работы) я

получила, Артур, от тебя письмо. Ты (в лице нашего банка) собираешься закрыть «Синюю птицу». Мою «Синюю птицу». Самое забавное, что за годы работы в банке я научилась избавляться от эмоций. Действовала, как робот, без раздумий и сожалений. И вот теперь я оказалась по другую сторону барьера. Поверь, это очень неприятно.

Ты спросишь, зачем я рассказываю тебе обо всем? В этом-то и состоит главная моя трудность. У меня есть к тебе маленькая просьба. Прошу тебя, Артур, помоги мне. Помоги мне спасти «Синюю птицу». Я вовсе не рассчитываю на то, что ты сдвинешь ради меня горы. Но ты мог бы приостановить процедуру закрытия. Дай мне еще несколько месяцев. Я продаю квартиру и снимаю свои сбережения, но даже это может не покрыть всего долга. Так не мог бы ты дать мне еще немного времени? Я буду бесконечно тебе благодарна.

Твоя (хоть я уже и не работаю у тебя, но почему бы нам не остаться друзьями?)

Джун.

Я нажимаю на кнопку «отправить», а потом в изнеможении опускаю голову на подушку. Артур – моя последняя надежда. Господи, пусть он скажет «да». Мне просто нужно время.

Глава 15

В аэропорту Сиэтла меня встречает Гэвин. Оказавшись в его объятиях, я вновь чувствую себя как дома.

– Ну, как все прошло? – интересуется он.

– Битва будет не из легких, – говорю я. – Даже если я продам квартиру, не факт, что мне удастся спасти магазин. – Я умолкаю, наблюдая за тем, как он выруливает на дорогу. – Я написала своему бывшему боссу. А вдруг он захочет помочь?

– Хорошая мысль, – кивает Гэвин. – Думаешь, он согласится?

– Понятия не имею, – говорю я. – Особых надежд у меня нет. Но кто его знает? Совсем уж бессердечным его тоже не назовешь. Я пока не проверяла свою почту. Не исключено, что он уже успел мне ответить.

– В любом случае мы с тобой найдем какое-нибудь решение.

– Я не собираюсь тащить тебя в свою финансовую яму, – качаю я головой.

– Будет лучше, если ты назовешь это нашей финансовой ямой, – замечает Гэвин.

Я невольно усмехаюсь.

– Знаешь, мне нравится, как это звучит.

* * *

Гэвин по приезде отправляется в ресторан, полноправным владельцем которого он теперь стал. Я же начинаю распаковывать свои вещи. Я вспоминаю о коробках, которые придут скоро из Нью-Йорка, и это заставляет меня взглянуть на квартиру новыми глазами. Отныне это мой единственный дом.

Отправив кое-что из вещей в стиральную машину, я с опаской открываю ноутбук. В почтовом ящике меня уже поджидает ответ Артура. Сердце у меня начинает колотиться с удвоенной силой, и я жалею, что не приняла утром таблетку. Затаив дыхание, я щелкаю по письму.

*Джун,
прости, но я ничем не могу тебе помочь. Мне очень жаль, но
тут уж ничего не попишешь.*

Артур.

Захлопнув ноутбук, я сижу какое-то время в полном оцепенении. *Ничего не напишешь.* Щеки у меня пылают. С чего вдруг я решила излить этому человеку душу? О чем я только думала? Но постепенно моя голова проясняется. Это я должна спасти магазин, а не Артур. И я сделаю для этого все, что в моих силах.

Я вновь открываю ноутбук. Пора приниматься за работу. У моей тети был сын. Не исключено, что он-то и сможет мне помочь. Не знаю, как, но я намерена разыскать этого парня.

Я хватаю свой мобильный.

– Мама, это Джун. Мне нужна твоя помощь.

– Что такое? У тебя неприятности?

– Вроде того, – говорю я. – «Синяя птица» в больших долгах. Я только что вернулась из Нью-Йорка – продаю там свою квартиру. Постараюсь спасти тетин магазин.

– Детка, но ты же знаешь, что у нас с Рэндом совсем нет денег. Я...

– Мама, я звоню не поэтому. Я знаю про ребенка тети Руби.

– Что? Ты знаешь...

– Да, знаю. Я разговаривала с Мэй, дочерью Энтони Магнусона. Она рассказала мне про сынишку Руби.

– Про сынишку Руби...

– Ты ведь знаешь о нем, так, мама?

– Да, – торжественно подтверждает она.

– Почему ты никогда не рассказывала мне о нем?

– Руби пожелала держать это в секрете. Я должна была уважать ее волю.

– Прошло уже столько времени, – продолжаю я. – Почему бы нам наконец не отыскать его? Не исключено, что он поможет мне спасти магазин своей матери. Вдруг этот парень – человек не бедный? Тогда он смог бы поддержать «Синюю птицу» деньгами.

– Джун, – вздыхает мама, – я бы на твоём месте не стала так торопиться. Что, если он совсем не тот, кем ты его представляешь?

– Нужно же что-то делать, – возражаю я. – Где он, по-твоему, может сейчас жить? Ты хоть что-нибудь о нем помнишь? Как его зовут, например? Что-нибудь, что помогло бы мне найти его.

– Нет, – уклончиво отвечает она. – Прости, Джун, но я ничем не могу тебе помочь.

Трудно сказать, то ли она и правда ничего не знает, то ли просто не

желает говорить. Откуда это упрямство? Где-то живет парень, мой близкий родственник. И он даже не подозревает, какая у него была замечательная мать. Его жизнь началась здесь, в этом магазине. Не исключено, что он захочет вернуться и помочь мне спасти «Синюю птицу».

Закончив разговор, я снова открываю ноутбук и без долгих раздумий приступаю к поискам. Первым делом нужно позвонить в департамент, в котором хранятся разного рода документы – в том числе свидетельства о рождении.

– Добрый день, – говорю я оператору. – Мне нужно найти имя человека, который родился в Сиэтле в 1975 году. Позже его отдали на усыновление, и процедура была закрытой. Могу я взглянуть на его свидетельство о рождении или оно тоже относится к сведениям, не подлежащим разглашению?

– Все свидетельства о рождении находятся в открытом доступе, – сообщает мне женщина. – Вы должны приехать к нам и подать соответствующее заявление. Впрочем, недавно мы оцифровали всю информацию. И если вам нужна просто справка, я могу поискать для вас эту информацию.

– Это было бы замечательно, – с воодушевлением отвечаю я.

– Как звали мать ребенка?

– Руби Крейн. – Я слышу, как она стучит по клавишам, и мое сердце начинает колотиться быстрее.

– Год рождения, вы сказали, 1975-й?

– Да, – отвечаю я.

– Вот и оно, – говорит женщина, спустя несколько секунд. – Руби Крейн родила ребенка... – Она на мгновение умолкает. – Такое чувство, что шрифт немного смазан. Подождите, я надену очки, – она уходит, но тут же возвращается и вновь берет трубку. – Ребенок, Джи Пи Крейн, родился 12 мая 1975 года.

«Джи Пи», – мысленно повторяю я и прощаюсь с оператором. Сын Руби. Он должен был вырасти таким же худеньким и высоким, как его мать. Светлые волосы, едва заметная россыпь веснушек на щеках. А еще, должно быть, добрый взгляд и такая же добрая улыбка. Стоит ему вдохнуть атмосферу этого магазина, и он точно не откажет мне в помощи. Я же приму его как близкого родственника. Гэвин мог бы организовать для нас ужин. Так мы отметим новую главу в жизни «Синей птицы».

«Я непременно найду тебя, Джи Пи Крейн», – говорю я, быстро зашнуровывая кроссовки. Пора совершить очередную пробежку.

* * *

Гэвина я нахожу на кухне. Он стоит у стола и режет цветную капусту.

– Бегала у озера? – интересуется он.

Кивнув, я запихиваю в рот кусочек капусты.

– Представляешь, мне удалось найти сына Руби, – объявляю я. – По крайней мере удалось узнать, как его зовут.

– Сына Руби? – с недоумением смотрит на меня Гэвин.

– Руби родила мальчика в тот самый год, когда на свет появилась я. Это мой брат. Двоюродный... или троюродный... В общем, не важно. Главное, что мы родственники. Руби отдала его на усыновление. Я очень надеюсь, что мне удастся отыскать этого парня и он поможет мне спасти магазин.

Гэвин бросает на меня скептический взгляд.

– С чего ты взяла, что он проникнется сочувствием к матери, которая отдала его в чужую семью?

– У Руби были на это серьезные причины, – возражаю я. – Наверняка это решение далось ей нелегко, но по-другому просто не получалось. Вот увидишь, он поймет, когда я все объясню. И он не сможет не влюбиться в «Синюю птицу».

– Не знаю, не знаю, – говорит Гэвин. – Что, если он и слушать тебя не захочет? А вдруг он жулик или наркоман?

– Сын тетушки Руби? Быть не может!

– Я бы на твоём месте не был так уверен, – хмыкает Гэвин. – Среди моих родственников, к примеру, был человек, получивший Пулитцеровскую премию. Однако у нас не обошлось и без слабоумных.

– Я знаю, что Джи Пи не слабоумный.

Гэвин выкладывает капусту на сковородку и поливает ее оливковым маслом.

– Я просто не хочу, чтобы ты возлагала на него все свои надежды. Этот парень может стать для тебя серьезным разочарованием.

– Или большой удачей, – жизнерадостно заявляю я.

* * *

Очень скоро выясняется, что Джи Пи – весьма популярное имя. В Сиэтле живет больше тысячи мужчин с подобным именем. Причем я даже

не уверена, что ребенка по-прежнему зовут Джи Пи. Что, если в новой семье он получил и новое имя? И уж наверняка ему там дали другую фамилию.

Я решаю начать поиски с сайта, который помогает приемным детям наладить связь с их кровными родственниками. Я регистрируюсь, а потом вывешиваю там свое объявление:

Я ищу родного сына своей тети, замечательной женщины из Сиэтла, которая умерла совсем недавно. Ребенок родился в Сиэтле 12 мая 1975 года. На свидетельстве о рождении указано имя Джи Пи Крейн. Точной даты я не знаю, но думаю, что усыновление произошло вскоре после его появления на свет. Если вы располагаете какой-то информацией, напишите мне, пожалуйста, на сайт. Заранее спасибо!

Затем я включаю старенький проигрыватель и кручу ручку, пока не нахожу свою любимую станцию – «Радио-джаз». Я часто слушала ее в школьные годы, уносясь мечтами в прокуренные джаз-клубы Нью-Йорка. Кто бы мог подумать, что позже, просиживая за столиком в таком клубе, я буду размышлять о том, не совершила ли я ошибки, навсегда уехав из Сиэтла!

Облазив все полки, я нахожу, наконец, первое издание книжки «Когда подул ветер». Там меня ждет очередная пара писем.

19 июля 1946 года
Телеграмма
Кому: Маргарет Уайз Браун
От кого: Руби Крейн
Купила красный купальник. Буду в Майами 23 июля.
Остановлюсь в отеле «Савой». Как насчет поездки в Ки-Уэст 26-го?

20 июля 1946 года
Телеграмма
Кому: Руби Крейн
От кого: Маргарет Уайз Браун
Купила зеленый купальник. Ки-Уэст не подозревает, что его ждет.

Под телеграммами лежат два конверта. Я открываю первый – мне не терпится прочесть, как прошел отдых в Майами.

5 августа 1946 г.

Дорогая Маргарет,
я всего неделю как дома, а уже скучаю по тебе и по Флориде. Ах, эти солнечные деньки! Ты ужасно понравилась Энтони. Он сказал, что мне здорово повезло, раз у меня есть такая преданная подруга. И он абсолютно прав!

Ну и повеселились же мы в Ки-Уэст! Похоже, я запаслась хорошим настроением на всю оставшуюся жизнь. Я даже особенно не думаю про Люсиль, которая снова перестала со мной разговаривать. Я сказала себе: даже если в моей жизни уже никогда не произойдет ничего чудесного, я буду вспоминать два эти дня и наполняться счастьем. Ах, эти пляжи! А ужины в ресторанах! Напитки с ломтиками лимона по краям. Кокосовые орехи, свисающие прямо с деревьев.

Поверить не могу, что мы пришли прямо к дому Эрнеста Хемингуэя и, как ни в чем не бывало, позвонили ему в дверь. Более того, он сам открыл нам и даже пригласил разделить с ним напиток (точнее, с десяток таких напитков!). Ну и шутник же он, правда? И при этом такой джентльмен. Знаешь, Брауни, он явно положил на тебя глаз. Заметила, как он на тебя смотрел? Я бы посоветовала написать ему, да только не думаю, что тебе нужен именно такой мужчина. Боюсь, он доведет тебя до белого каления. Скорее вы оба доведете друг друга. Уж очень вы вспыльчивые и темпераментные. Эрнесту нужна женщина тихая и заботливая. Да и тебе нужен мужчина поспокойнее. К тому же, если не ошибаюсь, он уже вроде как женат?

Стоит ли говорить, что этот вечер навсегда останется в моей памяти. Но до чего же странные у Эрнеста кошки! Смотрят на тебя почти как люди. А один из котов даже шестипалый. Ты заметила? Это тот, у которого голубые лапки. Бедняга, должно быть, вляпался в краску!

Ладно, пойду расставлять по полкам новые книжки. Жаль, что тебя нет сейчас рядом. На улице льет дождь, и я уже тоскую по тропикам. И по тебе.

С любовью,

Руби.

Улыбнувшись, я принимаюсь за чтение второго письма.

14 августа 1946 г.

Дорогая Руби,

что и говорить, мы божественно провели время в Ки-Уэст! Будь у меня хоть какие-то матримониальные планы, непременно бы вышла замуж за Эрнеста. Но ты права: такой брак – не для нас. Мы бы и полгода не смогли прожить под одной крышей! Но на первых порах все было бы очень даже забавно. Можешь представить, как я вью гнездышко в Ки-Уэст, в компании Эрнеста и всех его кошек? Я бы носила длинные платья и соломенные шляпы, а ходила бы исключительно босиком.

Но нет, это невозможно сразу по двум причинам. Во-первых, Эрнест носит бороду. Сбривать ее он не собирается, а я не потерплю, чтобы эта щетина царапала мое лицо. Во-вторых, нельзя забывать об ураганах. Сама мысль о том, что они в любой момент могут обрушиться на твой дом, пугает меня до смерти. Подумать только, если бы не борода и ураганы, я могла бы обрести в Ки-Уэст свое семейное счастье!

А вот кошки Хемингуэя до сих пор не выходят у меня из головы. Мне ужасно понравился этот симпатяга, который умудрился выпачкаться в краске. Голубые лапки, ну и ну! Пожалуй, в один прекрасный день я напишу книжку про двух котят, которые вылили на себя банку с краской. Я назову ее «Разноцветные котята». Как тебе моя идея?

Погода в Нью-Йорке стоит хуже некуда. Ветер с такой силой бьет в маленькую белую калитку перед моим домом, что она распахивается каждую пару секунд. Распахивается и захлопывается, и так без конца. Хоть я и рада была вернуться домой, меня не оставляет мысль о том, насколько я тут одинока. Я – как та калитка, которая не в силах устоять перед порывами ветра. Если бы кто-нибудь защелкнул замок и избавил меня от этого бесцельного раскачивания!

Думаю, нечто похожее ты испытываешь при мысли о Люсиль. Утратить связь с тем, кого ты любишь, все равно что потерять частицу своей души. Я всегда повторяла и буду повторять: ты только не отчаивайся. Возможно, настанет день, когда тебе придется оплакать свою потерю и двинуться дальше. Нельзя, чтобы другие загоняли нас в тупик своими решениями.

Ладно, мне пора возвращаться к работе. Редактор хочет,

чтобы я подкинула ему что-нибудь новенькое, а все мои идеи еще слишком сыроваты. Я постоянно возвращаюсь мыслями к теме луны, о которой ты упомянула несколько месяцев назад. Думаю, здесь есть над чем поработать.

Посылаю тебе свет и любовь,

М. У. Б.

Я думаю о том, что Маргарет написала про кота Хемингуэя. Очевидно, что именно этот инцидент вдохновил ее на написание «Разноцветных котят»! В детстве я не раз читала эту книжку. При мысли о том, как тетя Руби и Маргарет распивают коктейли с Хемингуэем, я вновь улыбаюсь.

Но тут мои мысли возвращаются к другим словам Маргарет. *Возможно, настанет день, когда тебе придется оплакать свою потерю и двинуться дальше.* Что, если я не готова пока двигаться дальше? Если я все еще на что-то надеюсь? Моя рука тянется к телефону, но я тут же отдергиваю ее. Не сегодня. Возможно, завтра.

Глава 16

На следующее утро Гэвин приносит мне в магазин чашку кофе.

– Я буду скучать по кафе Джо, – замечает он.

– Я тоже, – говорю я, прихлебывая приготовленный им американо.

– Ну как, удалось тебе напасть на след таинственного Джи Пи?

– Боюсь, это труднее, чем я думала. Но я разместила объявление на сайте об усыновлении. Если этот парень интересуется своим прошлым, он непременно на него наткнется. Многие зависят от того, как сложилась его судьба.

Мой мобильный звонит. Я беру его и вижу нью-йоркский номер.

– Алло?

– Привет, Джун. Это Шэрон. Можешь говорить?

– Секундочку. – Я прикрываю трубку рукой и поворачиваюсь к Гэвину. – Это мой агент по недвижимости.

Он кивает, а я вновь возвращаюсь к разговору с Шэрон.

– Ну что, у тебя есть для меня лакомое предложение? Скажи, что я не ошиблась!

– Предложение у меня есть, – вздыхает Шэрон, – вот только лакомым его не назовешь.

– И сколько?

– На десять процентов ниже заявленной стоимости, – говорит она, – что при нынешних условиях не так уж плохо. Я думаю, нам стоило бы его принять.

– Но я и так продаю себе в убыток, – возражаю я.

– При нынешней ситуации на рынке вряд ли мы можем надеяться на лучшее. Поверь, Джун, это хорошее предложение. Вдобавок ты получишь всю сумму сразу.

– А поторговаться мы не можем?

– Мы можем сделать все, что ты захочешь, но лично я побоялась бы спугнуть покупателя. Думаю, тебе стоит соглашаться.

Я бросаю растерянный взгляд на Гэвина, который стоит рядом с книжной полкой. Он выглядит таким сильным, таким уверенным в себе. А его улыбка успокаивает меня. И я вдруг сразу же решаюсь.

– Ладно, Шэрон, я согласна.

– Прекрасно, – говорит она. – Сегодня же отправлю тебе все бумаги.

Пару секунд я ошеломленно смотрю на телефон,жатый в руке.

- Знаешь, я только что продала свою нью-йоркскую квартиру.
- Вот и прекрасно, – замечает Гэвин. – Это стоило бы отметить.
- Увы, но я продаю в убыток себе.
- Ясно.
- Боюсь, у меня не хватит денег, чтобы спасти магазин.

Мне хочется плакать и смеяться одновременно. Неожиданно для себя я раздражаюсь смехом. Я смеюсь и смеюсь, пока по щекам у меня не начинают течь слезы.

- Тебя что-то забавляет? – спрашивает Гэвин.
 - Моя жизнь, – отвечаю я. – Это нечто.
- Гэвин ободряюще улыбается мне.
- Это прекрасное нечто, – говорит он.

* * *

После обеда, одолжив у Гэвина машину, я отправляюсь в салон на Квин-Энн-Хилл, чтобы привести в порядок волосы. Банкротство банкротством, а хорошо выглядеть я должна при любых обстоятельствах.

Сделав стрижку и укладку, я собираюсь вернуться к Зеленому озеру, как до меня вдруг доходит, что я нахожусь совсем рядом с домом Магнусонов. Неожиданно для себя я решаю вновь заглянуть в этот старый особняк.

Припарковавшись напротив дома, я размышляю о недавнем вторжении в магазин и загадочном предупреждении Виктории Магнусон насчет ее дочери. Неужели это и правда дело рук Мэй? Очень может быть, хотя в глубине души я в это не верю. Что ни говори, с ее стороны было очень мило прислать мне фотографию маленького Джи Пи.

Я решительно выхожу из машины. Почему бы мне вновь не встретиться с Мэй? А вдруг она вспомнит что-то такое, что поможет мне напасть на след ребенка? Я направляюсь к железным воротам, за которыми открывается выложенная кирпичом дорожка. Конечно, это жилище не из тех, куда заглядывают просто так – посетители приходят сюда исключительно по договоренности. Но у меня нет времени на подобные формальности: надо как можно скорее найти Джи Пи.

Дверь открывает женщина с типично испанской внешностью.

- Чем я могу вам помочь? – спрашивает она с заметным акцентом.
- Меня зовут Джун Андерсен. Я хотела поговорить с Мэй, если она, конечно, дома.

Женщина бросает на меня скептический взгляд.

– Мисс Магнусон нет дома. Но я могла бы...

Неожиданно дверь распахивается шире, и на пороге появляется мать Мэй.

– Я сама займусь ей, Джулия. – В голосе Виктории слышится неожиданная властность. Она ничем не напоминает ту рассеянную старуху, с которой я столкнулась в свой прошлый приход.

– Но, мэм, – протестует служанка, – мисс Магнусон сказала, что вы должны оставаться в постели.

– Я устанавливаю тут правила, а не мисс Магнусон, – заявляет Виктория. – Это все еще мой дом, так ведь?

– Да, мэм. – Джулия отступает на шаг назад.

– Прошу вас, – говорит мне Виктория. – Я провожу вас в дом, мисс?..

– Андерсен. Джун Андерсен.

– Джун, – кивает Виктория. По ее взгляду трудно понять, помнит ли она о нашей встрече двухнедельной давности.

Мы усаживаемся в библиотеке.

– Если что, мэм, я наверху, – говорит Джулия хозяйке.

Как только за служанкой закрывается дверь, Виктория сразу поворачивается ко мне.

– Я очень рада, что вы пришли, – замечает она.

– Спасибо, что пригласили меня в дом, – говорю я. – Я случайно оказалась рядом с вашим домом и решила заглянуть. Мне бы хотелось кое-что с вами обсудить.

Виктория складывает руки на коленях и выжидательно смотрит на меня.

– Я понимаю, что вам не очень-то хочется ворошить прошлое, – начинаю я.

– Нужно было отпустить его к ней, – неожиданно произносит она. Теперь уже Виктория смотрит не на меня, а куда-то в угол, на тени из своего прошлого. – Пусть бы они поженились. Все равно я никогда не любила его так, как Руби. Когда я узнала про ребенка, то почувствовала себя задетой. Да что там, оскорбленной.

– Это естественно, – говорю я. – Многие на вашем месте почувствовали бы то же самое.

– Верно, но дело было не только в этом. Я хотела, чтобы они заплатили за свою любовь. Я с самого начала отказывалась дать ему развод. Говорила, что в этом случае он останется без единого цента. – Она промокает глаза носовым платком. – Поначалу это срабатывало. Но к тому времени, когда

Руби забеременела, ему уже было плевать на деньги. Он собирался уйти от меня. Собирался бросить все, лишь бы остаться с ней. Но я не хотела отпускать его так легко. Заявила, что сообщу обо всем в газеты и опозорю его на всю страну. Но и это не подействовало. Энтони уже принял решение. Он намеревался сообщить о своих планах Руби... в тот самый вечер, когда умер. Но и потом я не оставила вашу тетю в покое. Угрожала ей. Хотела превратить ее жизнь в пытку.

Ее слова обжигают, но я продолжаю внимательно слушать.

– Меня мучила сама мысль о том, что Руби носит его ребенка. Что в ее жизни навсегда останется эта частица Энтони.

– Но у вас же была Мэй.

– Да, но Мэй к тому времени уже выросла, и у нее была своя жизнь. Я осталась совсем одна. А у вашей тети появился шанс начать все заново. Я отчаянно желала того же.

Я с опаской киваю, настраиваясь на продолжение.

– Я довела вашу тетю до того, что ей пришлось отдать сына, – говорит Виктория. – Я думаю, она испугалась моих угроз. Я заявила, что этот ребенок должен расти как настоящий Магнусон и что мои адвокаты обо всем позаботятся. Ей не оставалось ничего другого, как только согласиться на закрытое усыновление. Она умудрилась оставить меня в дураках.

– Неужели вы действительно смогли бы забрать ребенка у матери? – качаю я головой.

– В те годы я была настроена очень решительно, – вздыхает Виктория. – И Руби об этом знала. С моими деньгами я легко могла получить все, что захочу. Но со временем сердце мое стало смягчаться. Джун, я хочу, чтобы вы знали, – наклоняется она ко мне, – я глубоко сожалею о том, как вела себя в те годы. Из-за меня двое любящих людей так и не смогли стать семьей, и из-за меня же Руби осталась без ребенка. Я не имела права вмешиваться в их жизнь. С этими мыслями я и сойду в могилу. Остается лишь уповать на то, что Энтони простил меня.

Я смахиваю со щеки слезу и пересаживаюсь поближе к Виктории.

– Конечно, он простил вас, – беру я ее за руку. – И не только он, но и Руби.

– Мои поступки непростительны, – качает головой Виктория.

– Это не так, – мягко замечаю я. – Вы сильно изменились.

– Как бы мне хотелось повернуть время вспять, – говорит Виктория, – и исправить то, что было сделано.

В этот момент меня осеняет идея.

– В каком-то смысле вы можете сделать это и теперь. Книжный

магазин в долгах. Он закроется, если я не найду достаточно средств, чтобы поддержать его на плаву.

Даже странно, что я обращаюсь с этой просьбой к Виктории после всего, что ей довелось пережить. Но в нынешней ситуации это решение кажется вполне уместным.

– Почему бы вам тоже не внести какую-нибудь сумму? – спрашиваю я. – В память об Энтони и Руби.

– Конечно, детка, – говорит Виктория. – Сколько тебе нужно?

Она отвечает так быстро, что я не успеваю сообразить. В этот момент дверь библиотеки распахивается. На пороге стоит Мэй. Она выглядит одновременно растерянной и раздосадованной.

– Мама, почему ты спустилась вниз? Тебе нужен покой.

– Все только и твердят о том, что мне нужен покой, – качает головой Виктория. – Вот когда доживешь до девяноста, поймешь, как это раздражает.

Мэй подходит к матери и внимательно смотрит на нее, после чего поворачивается к Джулии, которая уже стоит в дверях.

– Джулия, отведи маму наверх. Я буду через минуту.

– Приходится подчиниться, – подмигивает мне Виктория. – Надеюсь, еще увидимся.

– Конечно, – улыбаюсь я. – Большое вам спасибо.

Как только дверь за ними закрывается, Мэй решительно поворачивается ко мне.

– Хочу сразу сообщить, – говорит она, – что с мамой вы больше не увидите.

– Но...

– Я знаю, зачем вы пришли, – продолжает она. – Я слышала, как вы просили у мамы деньги.

– Вы неправильно меня поняли, – качаю я головой. – Это для магазина. Видите ли...

Во взгляде Мэй читается явное негодование.

– Вы покинете наш дом, и мама больше не будет общаться с вами.

– Но она сказала...

– Мама страдает слабоумием. Она сама не понимает, что говорит, – возмущенно заявляет Мэй. – Просто позор, что вы пытались воспользоваться ее положением.

– Но это не так. Я просто...

– Вы просто действовали в собственных интересах. До свидания, Джун.

В магазин я возвращаюсь в подавленном настроении и сразу принимаюсь за поиски «Разноцветных котят». Ничто не взбодрит меня так, как новая пара писем.

21 августа 1946 г.

Дорогая Брауни,

хоть я и скучаю по солнцу Флориды, до чего же приятно вновь оказаться дома. Думаю, Сизтл куда лучше соответствует моей натуре, чем места с более теплым климатом. В ярком солнце есть некое безумие: жара заставляет людей думать, будто они все время должны что-то делать. Жара и покой – вещи несовместимые. А вот дождь и серые облака приносят умиротворение. Все сидят дома и устраиваются поудобнее с книжкой в руках.

Люсиль все-таки дала о себе знать. Она прислала мне открытку, в которой сообщила, что этой зимой они с мужем ждут первенца. Представляешь, моя сестра собирается стать матерью! Разумеется, я безумно рада за нее, но должна признать, что эта новость заставила меня внимательнее присмотреться к собственной жизни. Стану ли я когда-нибудь матерью, как та же Люсиль? Энтони ясно дал понять, что не желает больше детей, и я смирилась с этим решением, но это не значит, что я совсем лишена материнского инстинкта.

Я сама выбрала этот путь, потому что люблю Энтони. Но порой я просыпаюсь среди ночи в холодном поту. Мне снится один и тот же сон: я изо всех сил прижимаю к себе своего ребенка, но его у меня все равно забирают.

Только глупцы верят снам, так что я стараюсь не думать об этом. Вдобавок судьба с лихвой компенсировала мне отсутствие собственных детей: в моей жизни полно ребятнишек, с которыми я познакомилась благодаря магазину. Маленькая Лоретта Франко принесла мне на прошлой неделе венок на дверь, а один маленький мальчик прислал чудеснейшую открытку. Я знаю, мне должно хватать такого внимания, но сердце жаждет испытать ту материнскую любовь, о которой мне лучше забыть.

Боюсь, своим нытьем я действую тебе на нервы, так что сменю-ка я лучше тему. Этим утром меня осенила замечательная идея. Я решила составить для своего магазина календарь событий, который выставлю позже в витрине. Каждый день у меня будет что-нибудь новенькое. По вторникам, к примеру, я планирую проводить занятия для юных писателей. Я раздам детишкам бумагу, ручки и карандаши, чтобы они могли сделать свои собственные книжки с картинками. Вместе мы будем придумывать интересные истории, которые дети дополнят рисунками. Представляешь, как весело нам будет!

Прошу тебя, отвечай поскорее и не забудь рассказать про новую книжку, которую ты сейчас пишешь.

С любовью,

Руби.

Р. С. На мой день рождения Энтони уезжает по делам в Чикаго, так что праздновать мне придется одной.

25 августа 1946 года

Телеграмма

Кому: Руби Крейн

От кого: Маргарет Уайз Браун

Взяла билет на самолет до Сиэтла. Твой день рождения отпразднуем вместе!

Неужели Маргарет Уайз Браун действительно приезжала в «Синюю птицу»? Я вновь перечитываю телеграмму, а затем и письмо тетушки Руби, но не нахожу там упоминания о новых книгах. Это значит, у меня нет больше ключей для дальнейших поисков. Прошлого магазина манит еще сильнее, но я не знаю, как мне перевернуть очередную страницу.

Глава 17

Я вхожу в ресторан и с понурым видом опускаюсь на кухонный стул.

– Кое-кому, похоже, не помешает немного вина. – Гэвин тянется за стаканом и наливает туда рубиновую жидкость. – Что случилось?

– Я снова ходила к Магнусонам, – вздыхаю я. – Разговаривала с Викторией Магнусон.

– С королевой-матерью? – усмехается он.

– Да. Я рассказала ей про финансовые проблемы, которые обрушились на магазин, и она предложила помочь. Сказала, что хочет хоть немного расплатиться за свое обращение с Руби.

– Прекрасные новости, разве нет?

– Они были такими, пока в комнату не вошла ее дочь и не обвинила меня в том, что я пытаюсь выманить деньги у слабоумной старушки.

– Вот как!

Я делаю глоток вина.

– Я думаю, Мэй до сих пор переживает из-за того, что отец ее бросил.

– Ну, это можно понять, – дипломатично замечает Гэвин.

– Не знаю, – качаю я головой. – Я вообще не знакома с отцом, но совсем не чувствую себя брошенной.

Гэвин смотрит на меня так, будто видит меня насквозь.

– Это действительно так? – спрашивает он.

– Действительно, – говорю я. – Знаю только, что они с мамой встретились в баре и провели вместе ночь. Эми тоже не знает своего отца. Но тот, по крайней мере, задержался у нас до ее рождения. У меня нет ни малейшего желания искать своего папочку, но и брошенной я себя тоже не чувствую.

Гэвин кивает, но мне почему-то кажется, что я не до конца убедила его в своей искренности.

– Другое дело – Мэй, – продолжаю я. – Девочкой она обожала отца, но тот проводил с ней не так уж много времени. А потом у него и вовсе начался роман с Руби. Я прекрасно понимаю, что она должна чувствовать. Наверняка мой книжный магазин олицетворяет для нее давнюю обиду. Жаль, что она неспособна объективно оценить, как много он значит для города. Но больше всего мне жаль, что она не верит в искренность моих намерений.

– Перестань, – говорит Гэвин, – все это такие мелочи. Ты-то здесь ни

при чем. Наверняка твоя Мэй скоро объявится и попросит прощения.

– Не думаю, – качаю я головой. – Видел бы ты выражение ее лица.

– Тогда нам нужно переключаться на план «Б».

– У вас есть идея, Ватсон? – интересуюсь я.

– Именно. Помнишь, ты говорила мне о переписке между твоей тетушкой и этой детской писательницей?

– Маргарет Уайз Браун.

– Так вот, почему бы нам не открыть магазин и не устроить здесь что-то вроде презентации? В благотворительных целях. Мы можем даже продать билеты, но об этом я сам позабочусь. Ты могла бы намекнуть о том, что мы готовим важное сообщение насчет литературного прошлого этого магазина. А на приеме мы бы рассказали о письмах между твоей тетей и писательницей.

– Блестящая идея, – говорю я. Мысли мои несутся с такой скоростью, что я с трудом поспеваю за ними. Про магазин и раньше писали в газетах. У Руби над столом даже висела статья в рамке, которую она вырезала из «Сиэтл Таймс». Думаю, местную прессу заинтересует мое предложение позаботиться о спасении всеми любимого магазина.

– Я так и вижу заголовок, – продолжает Гэвин. – «Создан фонд для сохранения всеми любимого детского магазина, в котором зародился замысел создания такой замечательной книги, как “Баю-баюшки, луна”».

Я вспоминаю последнюю пару писем между Руби и Маргарет. Что, если нам так и не удастся узнать конец истории.

– Я не уверена, что «Синяя птица» и правда послужила вдохновением для написания этой книги. Знаю только, что моя тетушка навела Маргарет на мысль написать что-нибудь о луне.

– Не знаешь, она когда-нибудь приезжала в магазин?

– Во всяком случае, планировала, – говорю я. – Мне удалось найти телеграмму, в которой говорилось о ее скором приезде. Не знаю только, произошло ли это на самом деле. Проблема в том, что я не могу обнаружить следующую пару писем.

– Наверняка есть подсказка, которую ты просто не заметила.

Я вытаскиваю из кармана письмо и телеграмму и вручаю их Гэвину.

– Посмотри сам. Никаких названий, – говорю я. – И что нам теперь делать?

С минуту он вчитывается в письмо, а потом на его лице появляется улыбка.

– Подожди-ка. А как насчет упоминания о самодельных книжках?

Он указывает на страницу, и я заново перечитываю эти фразы: По

вторникам, к примеру, я планирую проводить занятия для юных писателей. Я раздам детишкам бумагу, ручки и карандаши, чтобы они могли сделать свои собственные книжки с картинками... Представляешь, как весело нам будет!

– Да ты просто гений! – вырывается у меня.

Гэвин оставляет на плите кипящую кастрюльку, и вместе мы устремляемся в магазин. Я спешу подвинуть лестницу к верхней полке, где Руби хранила те самодельные «сокровища», которые сделали для нее юные читатели. Вот они все. Обложки скреплены клеем, нитками, клейкой лентой. Я вытаскиваю одну из них, с яркой картинкой на титульном листе. «Сон Кораблика» Дженни Хамильтон.

Между страницами прощупывается какое-то утолщение. И точно: письма здесь.

– Я нашла их! – кричу я Гэвину.

– Прекрасно, – говорит он, поворачиваясь к двери. – Мне пора на кухню, а то соус выкипит. Приходи, как только сможешь, договорились?

– Хорошо, – киваю я. – А ты иди, доделывай свой соус.

Гэвин уходит, а я опускаюсь в кресло и с нетерпением открываю конверт.

2 сентября 1946 г.

Дорогая Брауни,

ты только что уселась в такси, которое довезет тебя до аэропорта. Как жаль, что тебе приходится возвращаться в Нью-Йорк! Этот день рождения был лучшим за всю мою жизнь. Я бесконечно благодарна тебе за то, что ты отправилась на другой конец страны, лишь бы не оставлять меня в одиночестве. Это не просто дружба: на такое способна лишь сестра.

Как же я рада тому, что и ты всем сердцем полюбила «Синюю птицу».

Я замираю с письмом в руке. Маргарет Уайз Браун действительно прилетала в Сиэтл. И ей тоже понравилась «Синяя птица».

Я прониклась любовью к этому магазину в тот самый момент, когда Энтони впервые привел меня сюда (с завязанными глазами!). Бывают здания, от которых так и веет уютом и покоем. Квартирка наверху оставляет желать лучшего, но со

временем я надеюсь довести ее до ума. Я уже купила краску для стен, а в один прекрасный день планирую отгородить себе пространство для кабинета – или для спальни, хотя на самом-то деле мне нравятся открытые помещения. Стены действуют на меня угнетающе.

Энтони наверняка расстроится, что так и не смог повидаться с тобой. Он от души порадовался тому, что ты приезжаешь на мой день рождения. В суматохе этого визита я даже не заметила маленькую коробочку, аккуратно перевязанную ленточкой. Я обнаружила ее только что, в ящике стола. Это подарок от Энтони – часы Картье! Видимо, он заметил, как я восхищалась ими во время поездки в Майами. Должна признать, сама я об этом совсем забыла. Но дело не столько в часах, сколько в надписи, которая выгравирована на обратной стороне: «Я буду любить тебя до конца времен».

Эта надпись растрогала меня до слез. Ничего чудеснее я в жизни не читала. Пусть у меня никогда не будет обручального кольца, зато я с гордостью буду носить эти часы.

Ах да, пока не забыла. Ты оставила у меня на столе набросок новой книжки про луну. Хочешь, чтобы я сразу же переслала его тебе? Или я могу сохранить эти странички? По правде говоря, мне нравится наблюдать за тем, как ты творишь свои шедевры. Скажи, у тебя сразу возникают идеи для иллюстраторов? А они прислушиваются к твоим пожеланиям?

Мне нравится то, что выходит из-под твоего пера. От новой книги веет уютом и покоем. Вот только стены в детской я сделала бы изумрудно-зелеными. Это такой счастливый цвет! Еще я вижу в своих мечтах книжную полку и большие окна, сквозь которые можно наблюдать за звездами прямо с постели. Не помешал бы, пожалуй, и телефон – такая ниточка, связывающая с внешним миром. А на ночной столик я бы поставила чашку с чем-нибудь теплым и вкусным. Еда. Тепло. Любовь. Ну что еще нужно ребенку? Что еще нужно всем нам?

Я не знаю, как именно вы решите оформить эту книгу, но не сомневаюсь, что ее ждет ошеломляющий успех. Сама я буду с нетерпением ждать ее выхода в свет (и уж конечно, постараюсь продать в твоих интересах побольше экземпляров!).

Энтони возвращается завтра в одиннадцать утра. Я поеду встречать его на вокзал, хоть и знаю, что могу встретиться

там с Викторией. Шанс невелик, но она все-таки может приехать – просто чтобы позлить меня. Ее жизнь остается для меня полной загадкой. Она отказывается дать мужу развод, но это не мешает ей встречаться с другими мужчинами. Не знаю, говорила я тебе или нет, но Энтони как-то застал одного из них у себя дома. Оба они несчастны в своем браке, но при этом каждый пытается еще больше досадить другому.

Ладно, мне пора заканчивать. Через пятнадцать минут у меня соберутся детишки, чтобы послушать новую сказку. Сегодня их будет не меньше десятка.

Ужасно по тебе скучаю,

Руби.

P.S. Я положила тебе в сумку книгу под названием «Пеппи Длинныйчулок». Почитай, когда у тебя будет время. Я купила ее на книжной ярмарке в Сиэтле несколько месяцев назад. Это перевод со шведского. Говорят, она очень популярна у себя на родине. Я думаю, очень скоро она завоюет и сердца американских ребятисшек, но это мое личное мнение.

12 сентября 1946 г.

Дорогая Руби,

на обратном пути я умудрилась простудиться. Сейчас два часа дня, и я только что выбралась из постели, чтобы проверить почту. Открываю ящик, а там письмо от тебя! Ты даже не представляешь, как я взбодрилась.

Роберта ждет ребенка. Она позвонила мне сегодня утром, чтобы сообщить эту новость. Хорошо, что ты уже успела описать мне свою реакцию на подобное событие, поскольку сама я чувствую теперь то же самое. Всю жизнь я только и твердила, что не желаю быть матерью. А что теперь? Слова Роберты заставили меня переоценить свою позицию. Для меня было большим утешением узнать, что и ты чувствуешь нечто подобное. Мы с тобой и правда тайные сестры.

Утром мне позвонила мой редактор. Услышав мой печальный тон, она тут же заявила, что я совсем не забочусь о себе. По ее мнению, мне стоит больше спать и меньше играть. И что это будет за жизнь?

Через денек-другой я уже буду на ногах. В конце концов, неделя в Сиэтле стоила этой досадной простуды. Я рада была понаблюдать за тобой в твоей стихии. Книжный магазин – совсем такой, как я и представляла. Может, даже лучше.

Что касается наброска книги, то я специально оставила его тебе. Разумеется, я еще не раз буду править текст, но мне хотелось, чтобы ты сохранила этот экземпляр. Кто, как не ты, навел меня на мысль написать книгу о луне? Возможно, в один прекрасный день, когда я стану богатой и знаменитой, ты продашь рукопись за тысячу долларов. Ха!

Мне очень понравились твои последние предложения. Я даже решила изменить первые строки книжки. Вместо «в просторной комнате» будет «в просторной зеленой комнате». Так оно гораздо лучше – слова буквально слетают с языка.

Конечно же, там появится телефон. И книжная полка. А еще воздушный шар. Как думаешь, красный подойдет? Обязательно – миска с кашей. И может быть, рисунок коровы, прыгающей через луну. Вроде той, что висит у тебя над камином.

Я пока что присматриваюсь к вариантам, но у меня уже есть очень ясное представление насчет будущей книжки. В ней чувствуется душа, которой не хватает кое-каким моим проектам. Я даже не беспокоюсь о правильных словах, потому что они сами найдут меня. История оформится сама по себе. В одно прекрасное утро я проснусь, схвачу листок бумаги, и слова польются из меня рекой.

Ах да, я нашла в сумке книжку про Пеппи. Большое тебе спасибо! Я тоже думаю, что американские детишки влюбятся в эту рыжеволосую проказницу. В ней столько энергии и тепла! В детстве мне хотелось быть такой же, как она, – сильной и смелой, доброй и уверенной в себе. Жаль, что мне самой не пришло в голову написать про нее. Увы, меня по-прежнему осаждают лишь кролики да собачки. А еще луна.

С любовью из туманного Нью-Йорка,

М. У. Б.

Я кладу письма на стол, а в моей голове кружатся сотни мыслей. Оказывается, Руби не просто вдохновила Маргарет на написание книги –

она еще помогла ей оформить текст! И где-то здесь, под этой самой крышей, находятся первые наброски всеми любимой книги. Остается только разыскать их. Я жду не дождусь, когда можно будет рассказать обо всем Гэвину.

* * *

Когда я возвращаюсь в ресторан, Гэвин возится с огромным кухонным комбайном. Он довольно улыбается, услышав про мое последнее открытие.

– Только представь, с какой радостью устремились бы сюда наши городские знаменитости, если бы они узнали историю магазина.

Я тоже чувствую прилив уверенности.

– Если бы нам удалось достучаться до тех, кто рос на книжках тети Руби, и объяснить им, как важен этот магазин для следующих поколений, они не отказались бы нам помочь.

– Вот и я думаю то же самое, – говорит Гэвин.

– Так с чего же нам начать?

– Для начала стоит привести в порядок магазин. Кое-что покрасить, установить несколько новых полок. Если мы хотим заманить сюда народ, нужно придать этому месту немного блеска.

– Согласна, – киваю я.

– Когда ты собираешься организовать презентацию?

– Как можно скорее, – говорю я. – Мы должны успеть до того, как банк предъявит свои права на магазин.

– Хорошо, – кивает Гэвин. – У меня есть приятель, который работает графическим дизайнером. Думаю, он не откажется изготовить для нас постеры и приглашения. Ну а я позабочусь о пресс-релизе.

– Чудесно, – говорю я. – Нужно еще придумать подходящее название для вечера. «Вдохновленные луной» или что-нибудь в этом роде. Представляешь, как порадовалась бы Руби, если бы была сейчас с нами?

Гэвин в ответ улыбается.

– А если нам повезет, – продолжаю я, – и мы сможем сохранить магазин, то позже действительно имеет смысл объединить наши силы. Разумеется, если ты не против.

– Я только за. – Гэвин говорит искренне, но взгляд у него какой-то отсутствующий.

– Что-то случилось? – спрашиваю я.

Гэвин смахивает с фартука какое-то пятнышко.

– Все в порядке, – рассеянно отвечает он. – Видишь ли, я хотел...

Я пытаюсь поймать его взгляд, но он смотрит куда-то в сторону.

– Так в чем же дело? – повторяю я.

В этот момент дверь распахивается, и на пороге появляется человек с папкой в руках.

– Прошу прощения, – говорит он, – я стучал, но мне никто не ответил. А поскольку дверь была открыта, я просто вошел. Я привез вино, которое вы у нас заказывали. Распишитесь, пожалуйста, вот тут.

– Конечно. – Гэвин торопливо хватается за ручку.

– Где мне поставить ящики?

– Возле бара, – отвечает Гэвин. Дождавшись, пока мужчина скроется за дверью, он вновь поворачивается ко мне.

– Так вот...

Я решаю не давить на него сейчас, когда он так занят своими мыслями. Если у него есть что сказать мне, он обязательно сделает это.

– Ты зайдешь сегодня? – спрашиваю я. – После того как закроешь ресторан?

– Сегодня не смогу, – отвечает он. – Я хочу... в общем, нужно приготовить пару блюд на свадьбу. Ее будут отмечать у меня в эти выходные.

– Вот оно что. Тебе помочь?

– Да нет, – улыбается Гэвин, – у меня уже все распределено. А завтра я зайду в магазин с обедом. Как тебе?

– Чудесно, – говорю я. – Если вдруг понадобится моя помощь, обращайся.

– Конечно. – Он нежно целует меня на прощание.

* * *

Следующие три часа я привожу в порядок магазин. Мысль о создании фонда придает мне сил. Вспомнив книжку про луну, я решаю нанять рабочего и выкрасить стены в тот изумрудно-зеленый, который так часто видела на иллюстрациях. Еще стоило бы поменять шторы, а то они совсем выцвели. Кресло-качалка и старый телефон у меня уже есть. А над камином, как и в прежние годы, висит рисунок коровы, прыгающей через луну.

В девять часов я прерываюсь на ужин. От ресторана доносятся запахи вкусной еды, и пару секунд я размышляю над тем, не пойти ли мне к

«Антонио», чтобы поужинать прямо на кухне. Но потом я решаю не мешать Гэвину. В холодильнике у меня полно коробок с замороженными полуфабрикатами, которыми я запаслась перед поездкой в Нью-Йорк. Включив старенький телевизор, я ставлю перед собой тарелку с разогретыми равиоли. Я думаю о том, как часто Руби сидела на этом же месте и в полном одиночестве ела свой ужин. Сердце у меня сжимается от боли, а на глаза наворачиваются слезы. Я вспоминаю, как много она вязала. Шарфы. Варежки. Свитера. Руби трудно было назвать мастерицей. Если присмотреться к ее вещам повнимательнее, то кое-где можно обнаружить пропущенные петли или лишние выпуклости. Но все это не имело ни малейшего значения, поскольку делались эти вещи с любовью.

Поев, я открываю ноутбук. Утром я уже проверяла почту, но новых писем не было. Не так уж много шансов на то, что Джи Пи обнаружит мое послание, и все же мне не стоит заходить на сайт каждую пару часов. Однако небольшая проверка на ночь мне не помешает.

Я захожу на сайт и открываю доску объявлений. Рядом с моим именем висит значок письма. Я тут же щелкаю по нему, и на экране разворачивается послание с заголовком «Привет от Джи Пи».

Привет! Я увидел ваше объявление на этом сайте. Меня зовут Джи Пи. Я живу в Сиэтле, где меня и усыновили мои родители – чудесная пара, растившая меня с любовью и заботой. Мне тридцать пять лет. У меня было по-настоящему замечательное детство, но недавно выяснилось, что я – приемный сын (родители не рассказывали мне это из страха, что я попытаюсь найти своих кровных родственников). Но я заверил их, что они всегда останутся моими родителями и у меня нет ни малейшего желания замещать их кем-то другим. И все же мне хочется знать, благодаря кому я появился на этот свет. Я мало что знаю о своей родной матери. Мне известно, что ей было уже за сорок, когда она меня родила. Женщина с хорошим образованием, но без мужа. Это она назвала меня Джи Пи, а приемные родители сохранили это имя, так как оно им понравилось. Я работаю в Публичной библиотеке Сиэтла – директор отдела по работе с читателями. Я бы с радостью встретился с вами, чтобы обсудить все эти вопросы. Может, даже за чашечкой кофе. Надеюсь, вы откликнитесь на мое письмо. – Джи Пи.

Я готова кричать от восторга. *Наверняка это он.* Библиотекарь? Тридцать пять? Сын матери-одиночки, которой было уже за сорок? Все сходится.

Я тут же принимаюсь печатать ответ.

Дорогой Джи Пи! Как я рада, что вы мне ответили! С нетерпением жду встречи с вами, чтобы обсудить все важные вопросы. Почему бы нам не встретиться во вторник в десять? Я могу заехать за вами в библиотеку. Заранее спасибо,

Джун.

В течение следующего часа я безостановочно проверяю сайт, пока не нахожу там новое письмо.

Дорогая Джун, я очень рад вашему письму. Итак, во вторник в десять. Мой офис на третьем этаже. Скажите в приемной, что вы ко мне.

Я вскакиваю с кресла и натягиваю свитер. Время уже перевалило за десять. Ресторан наверняка закрыт, но я знаю, что Гэвин еще на кухне – занимается свадебным ужином. Я спешу к задней двери и дергаю ручку. Закрыто. Я заглядываю в окно и вижу, что света на кухне нет. Странно, очень странно. Я чувствую, как сердце в груди начинает колотиться все быстрее и быстрее.

Глава 18

На следующее утро, проснувшись пораньше, я звоню местным малярам, которые и приезжают ко мне часом позже. Поскольку запросы у них вполне умеренные, я предлагаю им приступить к работе – пора уже привести «Синюю птицу» в относительный порядок. Окна и витрины оклеивают строительным скотчем, и в течение часа магазин превращается в некое подобие стройки: везде расставлены лестницы, а люди в комбинезонах разносят банки с краской. Первые издания стоят у самой дальней стены, так что вряд ли на них попадут брызги, и все же я прошу рабочих прикрыть их брезентом.

В полдень в магазине появляется Гэвин. В руках он держит пакет, от которого исходят восхитительные запахи.

– Привет, – кивает он мне от дверей.

– Привет.

Я решаю пока не допытываться, куда он так загадочно исчез прошлым вечером.

– Я принес обед, – говорит Гэвин.

– Пошли наверх, – предлагаю я, – а то тут работа в самом разгаре.

Рабочие выглядят людьми порядочными, и я не боюсь, что в мое отсутствие из магазина пропадет что-нибудь ценное. К тому же большинство людей не представляет себе истинной стоимости книг.

В квартире я накрываю на двоих кухонный стол Руби. Гэвин с улыбкой открывает коробочки с едой.

– Давай начнем, – говорит он, – а то я проголодался.

Я откусываю хлеб, пока он накладывает мне на тарелку щедрую порцию спагетти.

– У меня есть новости, – сообщаю я, как только он усаживается напротив.

– Правда? – бросает он на меня внимательный взгляд.

– Похоже, мне удалось найти Джи Пи, сына Руби.

– Ты серьезно? Но это же здорово!

– Мы встречаемся с ним завтра, – продолжаю я. – Только представь, он библиотекарь!

– Судьба, – улыбается Гэвин.

– А ты говорил, что он окажется слабоумным.

– Ну нет, – качает он головой. – Я говорил, существует *возможность*

того, что он окажется слабоумным.

– Похоже, он славный парень, – замечаю я. – Да и вообще, ты когда-нибудь встречал библиотекаря, который бы тебе не понравился?

Гэвин погружается в раздумье.

– Миссис Торндайк, – говорит он наконец. – Библиотекарша в моей начальной школе. Она только и делала, что запугивала меня.

– Да ладно, – хмыкаю я. – Наверняка ее саму пугали ваши выходки.

– Все возможно, – задумчиво замечает Гэвин. – А тут еще эта ящерица, которую мы с другом выпустили прямо в библиотеке.

– Одно слово – мальчишки, – говорю я. – В любом случае я очень надеюсь на этого Джи Пи. Раз он библиотекарь, имеет смысл наладить с ним деловые отношения. «Синяя птица» могла бы продавать билеты на библиотечные мероприятия. Еще мы могли бы спонсировать их летние чтения.

– Звучит неплохо, – кивает Гэвин. – Только не возлагай на него слишком больших надежд. Во всяком случае, до тех пор, пока не убедишься, что он – именно тот, кто тебе нужен.

– Ты прав, – соглашаюсь я. – Но мне кажется, нам все-таки удалось раскрыть эту семейную тайну.

Я доедаю остатки салата и вспоминаю о закрытой кухне, в дверь которой я стучалась прошлым вечером. Гэвин сказал, что будет занят готовкой, а сам куда-то ушел.

– Гэвин, – осторожно начинаю я, – вчера около десяти я проходила мимо «Антонио». Я думала, ты будешь на кухне, но ресторан оказался заперт.

– Я просто здорово устал вчера, – замечает он после секундной заминки, – и решил поработать с утра пораньше.

Я киваю, а в голову невольно лезут мысли о прошлом. Я стараюсь убедить себя, что Гэвин другой – он не станет лгать мне. Он не захочет сделать мне больно.

В этот момент звонит его мобильный. Вынув телефон, он бросает на меня извиняющийся взгляд.

– Мне нужно ответить, – говорит он. – Заканчивай без меня, а я загляну попозже, хорошо?

– Хорошо. – Я всеми силами стараюсь скрыть разочарование. Интересно, кто там звонит и почему для Гэвина это так важно?

– Прости, – говорит он кому-то, быстро спускаясь по лестнице. – Я внимательно тебя слушаю.

Часом позже, глядя на итальянскую еду у себя на столе, я устало качаю головой. Гэвин что-то скрывает от меня. Может, это Адрианна? Неужели он все еще не охладел к ней? Или у нее проблемы, с которыми он помогает ей справиться? Но почему бы не сказать об этом мне? Почему бы нам не заняться этим *вместе*?

Собрав со стола тарелки, я отношу их в старенькую раковину. Интересно, как повела бы себя на моем месте Руби?

Я вспоминаю, как мы с сестрой однажды в детстве повздорили. Она взяла одну из моих любимых книжек и разрисовала ее фломастерами. Обычно я всегда вставала на сторону сестры, но когда она испортила дорогую мне вещь, я вдруг увидела ее в новом свете. Руби отложила испорченную книжку в сторону, а затем потянулась к полке и достала оттуда другой, новенький экземпляр. «Не бывает безнадежных ситуаций, – улыбнулась она мне. – Все можно уладить. Не забывай об этом, Джун». На тот момент я не могла даже взглянуть на Эми, не то чтобы простить ее. Но Руби и это не обошла молчанием. «Некоторым из нас приходится совершить массу ошибок, прежде чем мы станем такими, какими должны быть. Эми совершает свои ошибки. Будем терпеливы по отношению к ней».

Я закрываю глаза. «Руби, – вырывается у меня, – что мне делать? Я боюсь». Я вспоминаю Гэвина. «Я боюсь доверять». Тут мне вспоминается Эми. Я отчетливо вижу ее в тот самый день, когда она испортила мою книжку. Руки выпачканы фломастерами, на голове – две задорные косички. «Я боюсь прощать».

В голове у меня вновь звучат слова Руби: «Не бывает безнадежных ситуаций. Все можно уладить». И мне действительно становится легче.

В тот же вечер я получаю от Гэвина сообщение: «По горло занят в ресторане. Скучаю по тебе».

Обычные слова, которым не стоит придавать особого значения. Особенно теперь, когда Адрианны больше нет в моей жизни. Беда в том, что я сильно уязвима в вопросах любви. Я хватаюсь за телефон и звоню

Питеру.

- Привет, – говорю я.
- Привет, моя радость. Как там Сиэтл?
- Даже не знаю, что тебе сказать.
- Что-то случилось?
- Ничего особенного. Просто возникло такое чувство, что что-то не так... Но я не могу понять, что именно.
- Такому чувству лучше доверять, – говорит Питер.
- По-моему, Гэвин от меня что-то скрывает.
- Что именно?
- Точно не знаю. Возможно, это как-то связано с его бывшей.
- Которая работала с ним в ресторане?
- Да.
- Знаешь, Джун, после того что ты пережила, тебе страшно снова оказаться в дураках.
- Точнее не скажешь.
- Все это понятно. Но для тебя сейчас главное – не переборщить с подозрениями.
- Может, и так, – вздыхаю я.
- Невозможно доверять близкому человеку наполовину. Во всяком случае, пока у тебя не появится реальная почва для сомнений. Я не рассказывал тебе, как мучился подозрениями, когда мы с Нейтом только начали встречаться?
- Нет, – говорю я.
- Он допоздна задерживался на работе, а как-то раз даже пропустил ужин, который мы с ним запланировали. Я был вне себя от ревности – думал, что он встречается с кем-то за моей спиной.
- Так и было?
- Нет. Как оказалось, он готовил мне сюрприз: вечеринку в честь моего тридцатипятилетия.
- Я хорошо ее помню. Все эти цветы, роскошный торт.
- Ему пришлось затратить на это немало сил и времени, – замечает Питер.
- Знаешь, Питер, я не думаю, что Гэвин готовит для меня вечеринку.
- Да я вовсе не об этом, глупышка. Просто многое в нашей жизни оказывается не тем, чем кажется сначала.
- Ты прав, – говорю я. – Спасибо, что выслушал мой лепет.
- Мне нравится слушать твой лепет. Не будь я геем, точно бы на тебе женился.

- И мы бы жили потом долго и счастливо.
- А вот это тебе предстоит осуществить с Гэвином. Главное, запастись терпением.
- Твоя уверенность вселяет в меня надежду.
- Как там с продажей квартиры?
- Есть одно предложение. Не слишком выгодное, но мы все-таки решили принять его. Шэрон считает, это лучшее, на что мы можем рассчитывать.
- А как все это скажется на книжном?
- Боюсь, не лучшим образом. Будет чудом, если мне удастся спасти на эти деньги магазин. Но у меня появилась сейчас другая ниточка. Видишь ли, тридцать с лишним лет назад Руби родила сына. Под давлением обстоятельств она отдала его в приемную семью. Но вдруг ее сын заинтересуется книжным магазином? Вдруг он захочет помочь?
- Разумно, – замечает Питер.
- Я разместила объявление на специальном сайте и получила письмо от мужчины, который живет в Сиэтле. Очень может быть, что это и есть сын Руби. Представляешь, он работает библиотекарем! Завтра я встречаюсь с ним, но нужно еще выяснить, тот ли это Джи Пи. А пока у нас с Гэвином возникла еще одна идея. Мы собираемся начать сбор средств в пользу магазина. Помнишь, я рассказывала тебе о переписке между моей тетушкой и Маргарет Уайз Браун, автором книги «Баю-баюшки, луна»?
- Ясное дело. Такое трудно забыть.
- Мы намерены использовать это как приманку. Надеемся, многие захотят помочь магазину с такой богатой литературной историей.
- И когда все это состоится?
- Приглашения мы пока не распечатали, но собираемся организовать все в ближайшее время. Скорее всего в следующем месяце. Так мы успеем и магазин в порядок привести, и оповестить публику о предстоящем событии.
- Сообщи мне, как только определитесь с датой. Мы с Нейтом обязательно прилетим.
- Правда? – радостно восклицаю я. – Поверь, для меня это очень много значит.
- Пустяки, – говорит Питер. – К тому же у меня корыстный интерес. У Нейта в детстве «Баю-баюшки, луна» была любимой книжкой. Он придет в полный восторг от этой идеи.
- Пити, я люблю тебя!
- И я тебя люблю, детка, – отвечает он.

На следующее утро привозят мои вещи. Заметив перед магазином грузовик, я бросаю кофе и спешу на улицу. В машине всего дюжина коробок, и те в основном набиты вещами, но я рада получить свой нью-йоркский скарб. Такое чувство, что я окончательно переселилась в Сиэтл.

Водитель протягивает мне планшет, и я расписываюсь на первой странице.

– Было бы замечательно, если бы вы занесли вещи в квартиру, – говорю я. – Это через магазин и по лестнице вверх.

Водитель задумчиво смотрит на витрину.

– «Синяя птица», – говорит он с оттенком грусти. – Давненько я тут не был. В детстве мать часто водила меня сюда.

– Магазин принадлежал моей тете, – замечаю я. – Она недавно скончалась, оставив «Синюю птицу» мне.

– Сколько сразу воспоминаний, – водитель не сводит взгляда с витрины. Руки у него сплошь покрыты татуировками, да и в целом выглядит он как завсегдатай бара, а не книжного магазина. Но тут мне вспоминаются слова Руби о том, что у книжек не бывает предпочтений.

– В последние годы я как-то утратил интерес к чтению, – говорит водитель. – А жаль.

Вместе с помощником они берут коробки и направляются в магазин, но неожиданно останавливаются у ближайшей полки. На прошлой неделе я расставила тут книги Роальда Даля, припомнив, с каким удовольствием читала в детстве «Джеймс и чудо-персик». Парень с татуировками берет в руки томик.

– Как же мне нравилась в детстве эта книжка, – замечает он. – Стоило взглянуть на обложку – и сразу масса воспоминаний! Нам ее читала учительница, когда мы были в четвертом классе. Мне потом ужасно хотелось, чтобы во дворе у меня тоже выросло персиковое дерево.

– Возьмите ее себе, – предлагаю я.

– Вы серьезно? – удивляется он.

– Конечно, – говорю я.

Я понимаю, что работа в книжном магазине вовсе не предполагает раздачу книжек, и мое финансовое «я» решительно протестует против такой расточительности. Но мне почему-то кажется, что это как раз то, что я должна была сделать.

– Спасибо, – улыбается он и прячет книжечку в карман. – Это так мило

с вашей стороны.

Они уносят вещи в дом, а я бросаю взгляд в сторону «Антонио». Над крышей вьется дымок, стало быть, Гэвин уже там – разогревает печи для обеда. В следующее мгновение я замечаю у входа машину Адрианны, и на душе у меня становится как-то неприятно.

* * *

Спустя полчаса коробки с вещами уже громоздятся у меня в квартире. Я смотрю на часы и вижу, что пришла пора отправляться на встречу с загадочным Джи Пи. Я быстро переодеваюсь, не в силах совладать с нервами. Мои мысли все время возвращаются к тете и к судьбе «Синей птицы». Похож ли этот парень на Руби? Умеет ли он смеяться так же заразительно, как его мать? Может, он, как и Руби, тоже ест на завтрак сэндвичи?

Через некоторое время такси подвозит меня ко входу в библиотеку. Я смотрю из окна на старое здание с колоннами, расплачиваюсь с водителем и направляюсь к дверям. Джи Пи написал, что работает на третьем этаже, и я поднимаюсь вверх на лифте. Мое сердце бешено колотится. Я захожу в приемную и вижу молодую женщину в очках. Увидев меня, она отрывается от монитора.

– Могу я вам чем-нибудь помочь? – приветливо спрашивает она.

– Я приехала к Джи Пи, – поясняю я.

– Сейчас я его позову. – Она поднимается из-за стола.

Я смотрю ей вслед, не в силах совладать с волнением. Если я не ошибаюсь, то сын Руби может находиться всего лишь в нескольких метрах от меня. Женщина вновь появляется в дверях, а за ней следует незнакомый мужчина. Он высок и хорошо сложен. Строгий галстук прекрасно дополняет элегантный костюм. Красивый парень. Но – сердце у меня невольно сжимается – афроамериканец. Ясное дело, он не может быть родным сыном Руби и Энтони Магнусона.

– Привет, – кивает он. – Вы, должно быть, Джун.

– Да. – Я стараюсь прикрыть свое разочарование улыбкой.

– Как я понимаю, в родстве мы с вами не состоим, – с усмешкой добавляет он. Приятный парень и очень похож на молодого Дензела Вашингтона.

Наступает неловкая пауза. Я чувствую комок в горле. Интересно, он тоже разочарован?

– Послушайте, – говорит он, – не зря же вы ехали в такую даль. Давайте я хотя бы угощу вас кофе и покажу нашу библиотеку.

– Давайте, – киваю я.

Мы выпиваем с ним по чашечке кофе, после чего отправляемся бродить между стеллажами.

– Мало что способно повысить настроение так же, как книги, – замечаю я.

– Потому-то я тут и работаю, – усмехается Джи Пи. – Давайте поднимемся на самый верх, – предлагает он. – Там у нас читальный зал.

Мы шагаем по лестнице на верхний этаж. В Сиэтле сегодня пасмурно, но сквозь огромные окна в комнату льется дневной свет. Джи Пи кивает на диванчик в углу комнаты, где не так много народа.

– Присядем.

Я устраиваюсь рядом с ним на кожаном диване с хромированными подлокотниками.

– Полагаю, вы разочарованы не меньше меня, – замечает Джи Пи.

– Я была практически уверена, что вы – это он, – печально качаю я головой.

– Ваша тетя, какой она была?

– Она... Замечательной. Неповторимой. Это она основала «Синюю птицу». Магазины у Зеленого озера.

– Книжный магазин для детей?

– Да, – киваю я. – Вы его знаете?

– Ну и ну, – улыбается Джи Пи. – Буквально пару месяцев назад я отправил письмо хозяйке магазина. Спрашивал, не захочет ли она принять участие в одном нашем мероприятии. Но мне никто не ответил. Как я теперь понимаю, это потому...

– Потому что она скончалась, – вздыхаю я.

– Искренне вам сочувствую, – произносит он. – Если не ошибаюсь, магазин открылся еще в сороковых?

– Верно. Тетя завещала его мне, и я всеми силами пытаюсь поддержать его на плаву. Но сделать это с учетом накопившегося долга будет не так-то просто. – Я печально отвожу взгляд. – Сейчас это уже не имеет смысла, но я так надеялась, что вы окажетесь ее сыном и поможете мне спасти магазин.

– Понятно, – кивает он. – Полагаю, вы и дальше будете искать этого парня?

– Видимо, да, – говорю я. – А как насчет вас? Вы тоже будете искать своих родственников?

– Должно быть, я всегда буду их искать, – отвечает Джи Пи. – Даже странно, ведь у меня было замечательное детство, замечательные родители. Но стоит мне встретить на улице женщину, которая подходит под описание моей родной матери, и я невольно задаюсь вопросом: а вдруг это она?

– Надеюсь, когда-нибудь вы найдете ее, – говорю я.

– Спасибо, – кивает он. – Так какие у вас планы в отношении магазина?

Я описываю ему нашу задумку насчет сбора средств, упомянув про письма Маргарет Уайз Браун.

Джи Пи мгновенно оживляется.

– Невероятно! – восклицает он. – Это же настоящее литературное открытие. В Сиэтле такое случается не каждый день. Вы уже сообщили обо всем в прессу?

– Нет еще, – качаю я головой. – Не хочу поднимать шум, пока магазин не подготовят к приему гостей.

– Ну а я со своей стороны готов оказать вам любую поддержку.

– Спасибо, – признательно киваю я. – Для меня это очень много значит.

Джи Пи провожает меня до выхода, где я ловлю такси.

– Позванивайте, ладно? – говорит он.

– Непременно, – отвечаю я. – Знаете, мы вполне можем и дальше считать себя родственниками.

– Ясное дело, – улыбается он. – Ведь мы же едва не стали кузенами.

Улыбнувшись в ответ, я забираюсь в такси.

– «Синяя птица» на проспекте Саннисайд, – говорю я водителю. Нынешнее утро сложилось совсем не так, как я ожидала, но меня не покидает чувство, что это и к лучшему.

Глава 19

Тротуар перед «Синей птицей» заставлен автомобилями, и таксисту ничего не остается, как только припарковаться на противоположной стороне, возле магазина игрушек. На дверях висит табличка «Открыто». Когда-то у нас с Эми был излюбленный маршрут: мы направлялись в магазин канцтоваров, чтобы купить наклейки, а потом вместе с Руби шли к «Джепетто» присмотреть кое-что из игрушек. Руби дружила с хозяевами магазина, симпатичной парой средних лет. Впрочем, хозяйка «Джепетто» отнеслась ко мне не очень-то дружелюбно, когда я приехала сюда по делам наследства. Мне вспоминается та недовольная гримаса, которой она наградила меня во время случайной встречи. Не забыла я и чувства вины, которое всколыхнула во мне эта враждебность.

Расплатившись с таксистом, я решаю заглянуть в магазинчик, чтобы возобновить давнее знакомство. Дверь приветствует меня громким скрипом. Я захожу внутрь, и взгляд мой падает на попрыгунчика, который сидит в коробке на ближайшей полке. Поддавшись искушению, я начинаю накручивать ручку. Как всегда, клоун на пружинке выскакивает из своего укрытия неожиданно для меня. Новым оказывается лишь то, что сердце в груди начинает колотиться вдвое быстрее. Невыносимо думать, что даже такой пустячок способен выбить меня из равновесия. Удастся ли мне когда-нибудь побороть беспокойство и восстановить пошатнувшееся здоровье?

– Всякий раз это оказывается полной неожиданностью, – замечает из-за моей спины седовласый мужчина.

– Верно, – слегка смутившись, я ставлю игрушку обратно на полку. – Меня зовут Джун Андерсен, – поворачиваюсь я к мужчине. – Я племянница Руби. Тетя оставила мне магазин, и...

– Разумеется, я помню тебя, Джун, – карие глаза мужчины поблескивают в свете лампы. – Я Билл. Вы с сестрой частенько заглядывали сюда в детстве.

– Верно. Я была той, что постарше.

– И повоспитаннее, – добавляет он с улыбкой.

Мне не хочется говорить об Эми, и я невольно отвожу взгляд.

– Стало быть, ты собираешься продать магазин?

– Продать? – переспрашиваю я. – Почему вы так решили?

Дверь, ведущая в заднюю комнату, распаивается, и на пороге появляется женщина.

– Лилиан, – говорит мужчина, – это Джун Андерсен. Племянница Руби.

Та бросает на меня холодный взгляд.

– Это которая работает в банке?

– Я действительно работала раньше в банке, – торопливо поясняю я, – но недавно уволилась. Я как раз хотела сказать, что переезжаю в Сиэтл. Хочу поселиться в квартире Руби и управлять вместо нее магазином.

Лилиан бросает на Билла ошеломленный взгляд, словно спрашивая, можно ли мне верить. Но уже в следующее мгновение ее ледяное лицо озаряется улыбкой.

– Благослови тебя Господь, детка, – говорит она. – А мы-то думали, ты собираешься продать магазин застройщику.

– Только через мой труп, – улыбаюсь я в ответ.

– А ты здорово на нее похожа. Такие слова как раз в ее духе.

– Вы тесно общались с ней в эти последние годы?

– Я заглядывала к ней так часто, как только могла, – кивает Лилиан. – Даже сейчас, шагая по улице, я с трудом подавляю желание зайти на минутку в книжный. До сих пор не могу поверить, что Руби уже нет с нами.

– Я тоже. Не знаю, известно вам или нет, но магазин сейчас находится в плачевном финансовом положении. Я планирую организовать презентацию, чтобы выяснить, не поможет ли мне общественность со сбором средств. Буду рада, если и вы заглянете на эту встречу.

– С превеликим удовольствием, – говорит Лилиан.

– Мы охотно сделаем все, что в наших силах, – добавляет Билл. – Дай знать, если мы чем-то можем помочь тебе.

Я на секунду задерживаюсь у двери.

– Есть кое-что, о чем бы мне хотелось поговорить с вами. Возможно, вы не в курсе всей истории, но недавно я выяснила, что много лет назад тетя родила ребенка. – Я замолкаю, заметив, как меняется лицо Лилиан. – Мальчика, которого она почти сразу отдала в приемную семью.

Билл бросает взгляд на жену, затем вновь поворачивается ко мне.

– У Руби были причины держать все в секрете, – продолжаю я. – Но я подумала, что этот парень, если только отыскать его, мог бы помочь мне с «Синей птицей». Зовут его Джи Пи.

– Джи Пи? – переспрашивает Лилиан.

– Да. Может, вы что-нибудь помните об этом? Сын Руби родился в 1975 году. «Джепетто» тогда уже был здесь, так ведь?

– Да, – кивает Билл и выжидательно смотрит на Лилиан.

– Это было так давно, – качает она головой. – Но я помню ребенка Руби... – Взгляд ее устремлен в пространство, как будто она пытается заглянуть в прошлое. – Знаю, что ей нелегко было расстаться с малышом. Боюсь, это все, чем я могу тебе помочь.

– Понимаю. – Я стараюсь скрыть разочарование. – Что ж, буду искать сама. Наверняка он живет где-нибудь в Сиэтле.

Лириан пристально смотрит на меня, затем мягко улыбается.

– Когда что-то ищешь, чаще всего находишь это прямо перед собой, – замечает она.

– Постойте-ка, – говорю я. – Нечто подобное, если не ошибаюсь, сказала однажды Маргарет Уайз Браун. «Все, что мы ищем, оказывается именно там, где мы это находим».

– Верно, – подтверждает с улыбкой Лириан.

– Что ж, – киваю я, – будем надеяться на лучшее. До свидания. Было очень приятно снова повидаться с вами.

– До свидания, Джун, – говорит Билл.

Дверь откликается привычным скрипом. Я выхожу на улицу и иду к себе в магазин. От «Антонио» пахнет чем-то вкусным, а в голове у меня звучат слова Лириан: *Когда что-то ищешь, чаще всего находишь это прямо перед собой.*

Глава 20

На следующее утро ко мне приходит швея, чтобы снять мерку для новых занавесок. Старые шторы я сняла еще накануне.

– Вот это да. – Женщина отступает на шаг назад, чтобы полюбоваться огромными окнами. – Думаю, сюда надо что-нибудь особенное.

Я киваю на старые шторы, которые горкой лежат на полу.

– Боюсь, эти порядком выцвели от солнца. Мне бы хотелось, чтобы вы подобрали похожий рисунок – что-нибудь золотисто-зеленое.

Она бросает взгляд на поблекшую ткань, а потом снова на меня.

– Что это мне напоминает? – задумчиво спрашивает швея. – Подождите, сама угадаю. – Она подходит к полке и вытаскивает оттуда новенький экземпляр «Баю-баюшки, луна». – Вот оно! «В большой зеленой комнате...»

– Верно, – говорю я. – Именно так мы и пытаемся оформить помещение.

– Странно, что никто другой до этого не догадался. Все знают эту историю, все ее любят.

– На следующей неделе мы организуем благотворительный прием. Если вы заглянете к нам, то узнаете много интересного. Не хочу выдавать тайну, но если бы не «Синяя птица», книга про луну вообще не была бы написана.

– Серьезно? – удивленно спрашивает она. – А для чего вы собираете средства?

– Чтобы поддержать магазин, – поясняю я. – Он достался мне в наследство от тетушки, но, если мы не найдем денег, «Синюю птицу» придется закрыть.

– Что ж, – вздыхает женщина, – можете считать мою работу первым благотворительным взносом. Я сошью вам занавески совершенно бесплатно.

– Это будет просто замечательно. Как я могу отблагодарить вас?

– Никак, – качает она головой. – Я делаю это из чистого удовольствия. У меня двое маленьких детишек, и они обожают книжные магазины. Даже не знаю, что бы я делала, если бы не могла водить туда их в дождливые дни. Я хочу сберечь такие магазины не меньше вас, и если моя работа сможет помочь, я с радостью сошью эти занавески. – Она кивает на экземпляр «Луны». – Не возражаете, если я сохраню это на время работы?

– Забирайте ее насовсем, – говорю я.
– Спасибо, – кивает она, – а то наш экземпляр куда-то пропал.
Занавески я принесу вам через неделю.

* * *

Несколько часов спустя я слышу от дверей звон колокольчиков. На пороге появляется Гэвин.

– Привет, – говорит он, бросая на меня внимательный взгляд.
– Привет.
– Как прошла встреча с Джи Пи?
– Так ты не забыл? – улыбаюсь я.
– Нет, конечно. Просто вчера я был очень занят, ты уж меня извини.
– Как оказалось, этот Джи Пи вовсе не наш Джи Пи, тем не менее я рада, что мы познакомились. Он курирует в библиотеке всевозможные программы и мероприятия и пообещал нам любую помощь.
– Замечательно, – кивает Гэвин. – Жаль, конечно, что парень – не сын Руби. Я знаю, ты на это очень надеялась.
– Ничего страшного, – пожимаю я плечами. – Наш Джи Пи где-то здесь, и я его найду. Я не намерена сдаваться так быстро.
Я усаживаюсь в одно из кресел. Гэвин пристраивается рядом.
– Вчера утром в ресторан заезжала Адрианна, – говорит он.
Мое сердце замирает.
– Привозила мне на подпись бумаги.
– Какие бумаги?
– Ты же знаешь, она продает мне свою половину ресторана.
– И что, вы уже с этим покончили?
– Да, – улыбается он. – Это пробило серьезную брешь в моих сбережениях, зато теперь я единственный владелец «Антонио».
– Интересно, и какие чувства ты сейчас испытываешь?
– Мы приняли правильное решение, – вздыхает он. – И все же это был печальный день. Адрианна не меньше меня любила ресторан. Ей нелегко было попрощаться с «Антонио».
– Знаешь, я никогда не спрашивала, почему вы назвали это место «Антонио». Должно быть, посчитала, что так звали кого-то из родственников Адрианны.
– А я тебе не рассказывал эту историю? – с улыбкой спрашивает Гэвин.

– Нет.

– Это Руби нам помогла.

– Руби?

– Да, – кивает он. – Мы тогда только открылись и никак не могли договориться насчет названия. Спорили с Адрианной день и ночь. Видимо, это было первым сигналом о том, что наши отношения обречены, – усмехается он. – Как-то раз к нам заглянула твоя тетя. «Как вы хотите назвать ресторан?» – спросила она. Мы признались, что не можем придумать ничего подходящего. Тогда-то она и предложила нам имя «Антонио». Мы с Адрианной переглянулись и решили согласиться.

– Ну конечно, Антонио! – восклицаю я. – Ей хотелось увековечить таким образом имя Энтони, мужчины, которого она любила всю свою жизнь.

– Надо же, – замечает Гэвин, – а мне это и в голову не пришло.

– У тетушки было много секретов.

– Как и у ее племянницы, – подмигивает он мне.

– О чем это ты?

В ответ он пожимает плечами.

– Просто я еще многого не знаю о тебе. – Гэвин хмурится и нервно смотрит на часы. – Джун, я хочу тебе кое-что сказать. Это очень важно.

– Что такое? – с удивлением спрашиваю я.

Но он не успевает ответить. В дверях появляется моя мама. Одета она в свободные брюки и футболку, а волосы затянуты на затылке в хвостик. Выглядит она не по возрасту молодой. В свое время, когда я училась в старших классах, все принимали ее за мою старшую сестру. Она при этом счастливо улыбалась, я же с трудом скрывала раздражение. Ей было всего двадцать, когда она меня родила. Она и сейчас не выглядит на свои годы, и это несмотря на бурную молодость.

– Прошу прощения, что опоздала, – говорит она Гэвину. – Пропустила свой автобус. По-моему, мы договаривались на три?

Я в недоумении перевожу взгляд с Гэвина на маму.

– Вы что, знакомы?

Гэвин встает и уступает маме место. И чего прикажете ждать от этой встречи? Я пытаюсь перехватить взгляд Гэвина, но тот упорно не желает смотреть в мою сторону.

Мама заметно нервничает – это заметно и по выражению ее лица, и по напряженной фигуре.

Наконец она решается взглянуть мне в лицо.

– Я приехала, чтобы поговорить о твоей сестре, Джун.

Теперь уже я отвожу взгляд. Сколько раз мне ей повторять, что я слышать не желаю про Эми?

Неожиданно в разговор вступает Гэвин.

– Джун, твоя сестра больна. Она пыталась тебе об этом сообщить, но ты не пожелала с ней разговаривать. Тогда она позвонила мне.

– Но как она...

– Она меня узнала. Как-то раз она зашла в «Синюю птицу», но тебя не было дома. И она заглянула в ресторан.

– Что значит больна?

Да у нее просто грипп. Или простуда. Ничего страшного. Я вспоминаю, как ухаживала за Эми, когда у мамы был очередной загул. Сестра лежала с температурой, а я видела на картинке, как мама-медведица давала своим простывшим медвежатам леденцы. Тогда я опустошила свою копилку, сбегала в магазинчик и вернулась домой с жестянкой вишневых леденцов. Эми это «лекарство» очень понравилось.

– У нее рак груди, Джун, – говорит мама. – Я и сама только недавно узнала об этом. Эми не хотела нас беспокоить. Но теперь и ты должна знать, иначе будет слишком поздно.

Меня охватывает странная слабость. Колени подкашиваются, и я опускаюсь в кресло.

– Не может быть, – повторяю я. – Этого не может быть.

– Джун, это еще не все, – говорит мама. – Эми беременна. У нее была возможность прервать беременность, но она отказалась. Решила доносить ребенка, хотя это и не оставляло ей никаких шансов. Теперь у нее уже метастазы в костях.

– Нет, – качаю я головой. – Как такое может быть? Почему ее нельзя спасти? Есть же химиотерапия, облучение, операции, наконец. А как насчет малыша?

– У Эми будет девочка, – сквозь слезы говорит мама. – С ней должно быть все в порядке. Но не с Эми. На следующей неделе онкологи переведут ее в отделение, где делают кесарево сечение. После этого счет пойдет на дни.

Теперь уже я не в силах справиться с рыданиями.

– Она пыталась сообщить тебе, Джун, – замечает мама.

Гэвин кладет руку мне на плечо.

– Позапрошлым вечером я ездил к ней в больницу, – говорит он. – Поэтому меня и не было в ресторане. Джун, она очень хочет тебя видеть. Просто умоляет о встрече.

Я выпрямляюсь и утираю слезы.

– Я не читала ее писем, до того была зла на нее. Я и сейчас еще зла. Но теперь... теперь...

– Может, стоит простить ее, Джун? – шепчет мне Гэвин. В его словах мне слышится голос Руби. Такое чувство, будто это она умоляет меня простить сестру – простить, пока еще не поздно.

– Я не знаю, что между вами произошло, но она твоя сестра.

– Ты прав, – слезы градом катятся у меня по щекам.

– Поедем со мной в больницу, – предлагает мама. – Ты сама скажешь ей обо всем. Пока еще не поздно.

Гэвин вытаскивает из кармана ключи.

– Моя машина стоит за домом, – говорит он. – Мы можем ехать прямо сейчас.

– Хорошо. – Я решительно поднимаюсь с кресла.

Я запираю магазин, и мы с мамой спешим за Гэвином к задней двери. По пути в больницу я вновь вспоминаю тот день, который раз и навсегда изменил мою жизнь.

Пятью годами раньше

– Что-то ты сегодня рановато уходишь, – замечает Артур, стоя в дверях моего кабинета.

– Прости, – говорю я, – но сегодня день рождения у сестры. Хочу удивить ее тортом и любимым ужином.

– Принеси мне кусок торта.

Судя по всему, он сегодня в хорошем настроении, и мне это только на руку.

На часах уже четыре. Если поторопиться, я успею забрать из булочной торт (ее любимый, кокосовый) и купить в магазине все, что требуется для лазаньи. Главное, сделать это до шести, когда Эми вернется домой.

Забежав в магазин, я быстро закидываю в корзинку моцареллу, пармезан, томатный соус и лапшу. Не забываю я и про латук, поскольку Эми очень любит его в салате. Уже у кассы, поддавшись настроению, я хватаю два воздушных шарика. На одном из них нарисован Скуби-Ду и написано: «С днем рождения, Ру!»

Я жду своей очереди, чтобы расплатиться, а в голове крутятся мысли о Райане. В последнее время он ведет себя как-то странно, но виной всему, очевидно, предсвадебный стресс. Его родители хотят, чтобы мы поженились в Нью-Йорке, в «Плазе». Но там все расписано уже до следующего лета, так что свадьбу придется отложить еще на год. Я бы без проблем расписалась прямо в ратуше, после чего уже в качестве

новобрачной отправилась бы на недельку в Мексику. Я понимаю, что Райан хочет угодить родителям, но если бы он действительно хотел на мне жениться... Тряхнув головой, я отгоняю эти мысли и спешу напомнить себе, как сильно он меня любит.

Похватав пакеты с покупками, я решаю, что для беспокойства нет никакой причины. Мы поженимся, и все будет хорошо. Я спешу домой, задержавшись лишь в булочной, где кондитер тщательно упаковывает для меня торт. Минут десять быстрой ходьбы, и я у дома. В такой денек я рада, что у нас есть лифт. В прежнем здании мне приходилось карабкаться наверх по лестницам.

– Помочь вам с сумками? – спрашивает меня Глен, наш консьерж.

– Спасибо, справлюсь. – Я втискиваюсь в лифт рядом с миссис Хорнсби, пожилой женщиной, которая живет в квартире напротив.

– Устраиваете вечеринку? – Она окидывает меня взглядом, в котором явно читается недовольство.

– Да, – говорю я. – Сестре сегодня двадцать шесть. Хочу порадовать ее праздничным ужином.

– Надеюсь, обойдется без столпотворения? – интересуется она.

– Не волнуйтесь. Будет только мой жених да несколько подружек Эми. Мы постараемся не шуметь.

Миссис Хорнсби облегченно улыбается. Неделей раньше, когда я уехала в командировку, Эми собрала у себя гостей, и веселье, похоже, перехлестнуло через край. Разумеется, миссис Хорнсби не поленилась сообщить об этом мне. «Я вовсе не осуждаю, – пропыхтела она. – Современная молодежь живет иначе, чем мы когда-то. Но если уж ваша сестра берется развлекать своих приятелей, то пусть они, по крайней мере, ведут себя потише».

Поначалу я просто отмахнулась от ее слов. В конце концов, это она с ее пуританскими привычками вынудила уйти прежнего консьержа. И все потому, что тот листал на работе каталог «Виктория секрет». У Эми, насколько я могла судить, не было приятелей-мужчин. Может, правда, она и начала с кем-то встречаться, а мне не рассказала. Но это вряд ли: мы обо всем рассказывали друг другу.

В тот же вечер я передала Эми слова миссис Хорнсби. Сестра замялась, а потом сказала, что смотрела телевизор и включила его, должно быть, слишком громко. Мне это показалось странным, но я предпочла отказаться от дальнейших выяснений.

Я бросаю взгляд на часы. У меня полчаса на то, чтобы украсить квартиру и отправить в духовку лазанью. Щелкнув замком, я захожу в

прихожую. Торт я аккуратно опускаю на столик, а сумки бросаю на пол. В этот момент мой взгляд натывается на мужские ботинки. Похожи на те, которые Райан купил себе в Италии. *Неужели он здесь? А как он сюда вошел?*

Все еще сжимая в руке воздушные шарики, я прохожу в гостиную. Голубая юбка Эми валяется на полу рядом с мужскими брюками. Из соседней комнаты слышны смех и голоса.

Меня охватывает волнение. Из комнаты выбегает Эми. На ней ровным счетом ничего, кроме мужского галстука. Синего галстука в полоску. Я купила его Райану пять лет назад, когда он с успехом сдал экзамены. Увидев меня, Эми в ужасе замирает.

– Джун! Я... я думала, ты вернешься позже...

Следом за ней появляется Райан. Он тоже совершенно голый, если не считать носков.

– Джун, – лепечет он. – Я могу объяснить... Джун, прости нас. Мы просто увлеклись. Мы...

Эми плачет. Райан лихорадочно одевается. Минуту спустя я слышу, как хлопает дверь квартиры. Я не в силах пошевелиться. Ноги у меня будто прикованы к полу.

– Джун, я не знаю, как это получилось, – плачет Эми. – Я чувствую себя такой свиньей. Ты меня простишь, Джун? Прошу тебя!

И в этот момент я выпускаю из рук воздушные шарики.

* * *

– Она в онкологическом отделении, – говорит мама, когда мы приезжаем в больницу. – Это на пятом этаже.

Кивнув, я направляюсь к лифту, хотя ноги меня не слушаются. Я по-прежнему не знаю, готова ли я оказаться лицом к лицу с Эми, но времени на размышления больше нет.

Мы входим в лифт и поднимаемся на пятый этаж.

– Мы к Эми Андерсен, – говорит мама медсестре, которая встречает нас в приемной.

– Очень хорошо, – кивает та. – Ей не помешает немножко взбодриться. Денек сегодня выдался тяжелый.

Интересно, что она имеет в виду? Может, Эми мучается от боли? Или проблемы с ее малышом? Инстинкт побуждает меня броситься к ближайшему доктору, вытащить его в коридор и закричать: «Это моя

младшая сестренка, и ей плохо. Прошу вас, помогите!» Но вместо этого я лишь крепче сжимаю руку Гэвина. Боль и обиду чудесным образом смыло с моей души. Осталась лишь любовь, которая жила там все эти годы. В голове у меня крутится одна и та же мысль: *Она лишь в нескольких шагах от меня. Моя Эми.*

По правде говоря, Райан – как бы это помягче сказать – никогда не отличался особой порядочностью. Как я узнала позже, он и прежде не раз мне изменял. Разумеется, Эми тоже была виновата, но его я винила больше. Как ни странно, в глубине души я была признательна сестре за ту сцену у нее на дне рождения. Если бы не это событие, моя жизнь могла бы сложиться совсем иначе. И я бы никогда не встретила Гэвина.

Мама останавливается у палаты с номером 523.

– Ну что, готовы? – спрашивает она.

Я киваю, и она проходит в комнату.

– Эми, это мама, – обращается она в сторону кровати, которая задернута занавеской. – Я привела к тебе гостя.

– Ма, прошу тебя, – раздается голос сестры. – Я просто ужасно выгляжу. Я...

Мама отдергивает занавеску, и я ловлю на себе взгляд Эми. Если не считать вздувшегося живота, выглядит она очень худенькой – даже тоньше, чем в нашу последнюю встречу. Белое, бескровное лицо. В тот день, когда я встретила с Эми в терминале, на ней был свободный свитер, и я не заметила живота. Еще тогда она показалась мне какой-то изможденной, но теперь... Такое чувство, будто за эти недели она состарилась лет на десять.

– Джун, – произносит она сквозь слезы. Эми протягивает ко мне руки, и в ту же секунду больная женщина исчезает. Я вижу перед собой младшую сестренку с пухлыми щечками и забавными косичками.

– Эми, – говорю я, не в силах сдержать слез. Я крепко обнимаю ее, и мы обе плачем.

– Джун, прости меня. Прости за все. Я...

Я прижимаю палец к ее губам.

– Уже простила. Боюсь, мне потребовалось слишком много времени, чтобы понять это. Детка, не будем отвлекаться на то, что мы обе хотели бы забыть.

Эми кивает.

– Джун, у меня будет ребенок. Маленькая девочка.

– Я знаю. Мама мне сказала.

– Ты станешь тетей, – продолжает она. – Тетя Джун.

– Звучит неплохо, – улыбаюсь я.

Эми тоже улыбается, но уже в следующее мгновение улыбка ее тает.

– Ты знаешь, мне осталось совсем немного, и я должна заранее позаботиться о своей девочке.

– Эми, давай не будем...

– Я должна, – качает она головой. – Я умру вскоре после ее рождения, и тут уж ничего не поделаешь. Мне нужно подумать о своей дочери, ведь у нее больше никого нет.

– А как насчет...

– Ее отца? Он меня бросил. Джун, мы познакомились в баре. Он неплохой парень, но не готов быть отцом. Мама помогла мне собрать кое-какие бумаги, и он официально отказался от отцовства. Я не желаю, чтобы через пять лет, когда меня уже не будет, он вдруг заявит с претензиями, что это его дочь, и выдернет ребенка из налаженной жизни. Этого я не допущу.

– Так чего же ты хочешь, Эми? Скажи нам, и мы с мамой обо всем позаботимся.

Сестра бросает взгляд на маму, затем вновь на меня.

– Джун, я хочу, чтобы ее вырастила ты.

– Я?!

– А разве не ты вырастила меня? – улыбается Эми.

– Верно, – кивает мама. – И неплохо с этим справилась.

– Но я... я же ничего не знаю о младенцах!

– Никто поначалу не знает, – замечает Эми.

– Что, если я не смогу обеспечить ей достойную жизнь? Не знаю, говорила тебе мама или нет, но магазин в крупных долгах. И я...

– Джун, ты найдешь выход. Тебе это всегда удавалось, – с улыбкой добавляет сестра. – Помнишь, как в детстве у нас сломался холодильник? Прямо в середине августа. Мамы не было дома, и ты сама нашла телефонную книгу и позвонила мастеру. Он сделал нам тогда все бесплатно. Сколько лет тебе было, десять?

– Девять, – говорю я и вспоминаю, как пыталась заплатить мастеру монетками из копилки.

– Джун, я хочу, чтобы именно ты вырастила мою дочку, – по щеке у Эми катится слеза. – Ты сделаешь это?

– Эми, для меня это большая честь.

– Спасибо. – Она сжимает мою ладонь.

Я киваю, а затем прижимаюсь головой к ее животу.

– Привет, малышка, – говорю я. – Это твоя тетя Джун. Хочу, чтобы ты

знала: нас с тобой ждет замечательная жизнь. Я расскажу тебе все про твою мамочку, – я смахиваю с глаз слезы, и Гэвин ободряюще кладет руку мне на плечо. – Расскажу тебе о том, как она постригла однажды свою куклу, и о том, как она пыталась испечь мне на день рождения имбирный пирог, но перепутала чесночную пудру с имбирной.

При воспоминании о том событии Эми смеется.

– Еще мы будем гулять вокруг Зеленого озера, как когда-то гуляли с твоей мамой. Будем кормить уток, читать книжки, слушать музыку и танцевать. Твоя мама всегда любила танцевать, и тебе это тоже понравится. Еще она замечательно поет, хоть и путает порой слова песен.

– Да уж, – усмехается Эми.

– Мы с тобой замечательно заживем. Я сделаю все, чтобы ты была счастливой.

– Я знаю, что так и будет, – говорит Эми. – Из тебя получится прекрасная мать. Лучше, чем из меня.

– Не говори так, – протестую я.

– Но это правда, – настаивает сестра.

– Как ты ее назовешь?

Эми снова смотрит на маму.

– Я хочу назвать ее Руби.

– Чудесно. – Я кладу руку ей на живот и представляю свою крошечную племянницу – энергичную, как ее мать, и решительную, как прабабка. – Привет, малышка Руби.

Глава 21

Малышка Руби появляется на свет во вторник, ясным солнечным утром, и я жду не дождусь, когда меня пустят в палату к Эми.

Это чудесная девочка с темными волосиками и голубыми, как у матери, глазами. А еще у нее такие же высокие скулы, как у тети Руби.

– Я уже люблю ее, – говорю я сестре.

– Мне даже не дают покормить ее, – Эми не в силах сдержать слез. – И все из-за лекарств. Меня это просто убивает.

– Давай не будем печалиться в такой момент, – предлагаю я.

– Но мне так хотелось, чтобы все в ее жизни было идеальным, – плачет Эми. – А она даже...

– Жизнь не бывает идеальной, – говорю я. – Уж лучше ей понять это сразу, чем ждать, когда же судьба обернется для нее настоящей сказкой. Жизнь – настоящая неразбериха, роскошная и прекрасная. Она бывает трагичной и причудливой, восхитительной и страшной. Так, по крайней мере, мне кажется.

– Тебе нужно записать это, – улыбается Эми. – Очень похоже на слова из детской книжки.

– И правда, – киваю я.

Я смотрю на сестру, которая держит ребенка, и вижу, что по ее лицу все еще текут слезы.

– Знаешь, что мы с тобой сделаем? Будем думать только о хорошем. Взгляни, к примеру, на эти пальчики, – указываю я на Руби. – Случалось тебе видеть более совершенную ножку, чем эта?

– Никогда, – улыбается Эми. – Это просто идеальная ножка.

– Или ручки, – говорю я как можно беспечнее. – Конечно, со временем ей потребуется маникюр, но ты только взгляни на эти чудесные длинные пальчики. Смотри, как она оттопыривает указательный.

– Такое чувство, что она сейчас начнет раздавать указания, – улыбается Эми.

– Ну да, – киваю я. – Она знает себе цену.

Тут я вспоминаю про подарок, который приберегла для малышки Руби. Достав из сумки пакет, я вручаю его Эми.

– Хочешь поддержать девочку? – спрашивает она. Сестра кажется сегодня еще слабее, чем вчера. Щеки совсем ввалились, что придает лицу изможденный вид.

– С удовольствием, – беру я у нее запеленатую малышку. Сначала я немного нервничаю, но руки словно бы сами знают, как надо держать ребенка. Я наклоняюсь к щечке Руби. Девочка крепко спит, но как только я начинаю покачиваться в кресле, она просыпается и внимательно смотрит на меня ясными глазками.

– Привет, мисс Руби, – говорю я. – Это тетя Джун. Мы теперь часто будем вместе, так что привыкай ко мне.

Эми разворачивает оберточную бумагу и достает оттуда книжку. «Баю-баюшки, луна».

– Так ты не забыла, – улыбается она мне.

– Это была единственная книжка, после чтения которой ты спокойно засыпала по вечерам, – говорю я.

– Помнишь, как мы искали на каждой странице мышку?

– Ты обожала это занятие, – смеюсь я. – Да и я тоже.

– Почитай это девочке, Джун, – просит Эми, передавая мне книжку. – Как читала мне в детстве.

Я осторожно перекладываю малышку так, чтобы видеть страницы, и начинаю читать своей обожаемой племяннице ее первую сказку.

– «В большой зеленой комнате...»

Эми не скрывает слез, а вот я старательно отворачиваюсь, чтобы она не заметила моих.

* * *

Две недели спустя, когда мы с Гэвином едем в больницу, звонит мой мобильный.

– Эми больше нет, – рыдает в трубку мама.

В этот момент я ненавижу себя за то, что решила утром съездить домой, чтобы помыться. Задержись я подольше, могла бы уловить ее последний вздох.

– Ох, мама, – плачу я.

Слышно, как где-то в отдалении похныкивает ребенок.

– Мы должны держаться, – говорит мама. – Ради малышки Руби.

– Да. – Я пытаюсь собраться с силами.

– Нам нельзя обманывать ожиданий Эми.

Я заканчиваю разговор, и Гэвин бережно сжимает мою руку.

– Мне очень жаль, – произносит он.

Мне тоже.

Итак, Эми больше нет. Нет моей младшей сестрички. Я вспоминаю, как защищала ее в детстве от забияк, когда мы играли на школьной площадке. Но от одной большой неприятности мне все-таки не удалось ее уберечь. От рака. Он нанес ей смертельный удар. Хорошо еще, что позволил ей выносить малышку Руби.

* * *

Эми не хотела, чтобы для нее устраивали погребальную церемонию, так что слова прощания мы приберегли для кладбища. Я кладу на гроб букет роз, опускаюсь на колени и прощаюсь со своей сестричкой.

– Эми, – говорю я сквозь слезы, – я и подумать не могла, что когда-нибудь наступит этот день. Как-никак я должна была уйти первой. Это неправильно, что старшие сестры переживают младших, – печально улыбнувшись, я стираю со щеки слезу. – Но я прощаю тебя за это, как простила когда-то за то, что ты стащила мою игрушку, исписала чернилами мою любимую книжку и порезала ножницами мое красное платье. Ты знаешь, о чем я. Я прощаю тебе и более серьезные проступки – те, которые возвели между нами стену молчания. Но нас уже не разделяет прежняя обида. То, что случилось, было частью моей истории, частью моего путешествия в этой жизни. Можно сказать, что я даже благодарна судьбе за это. И тебе я тоже благодарна. Ты не заслуживала того, чтобы тебя исключили из моей жизни. Поверь, мне бы очень хотелось повернуть время вспять. Но сейчас нам пора попрощаться. И не тревожься о малышке Руби. Я обязательно расскажу ей о ее замечательной мамочке. Мы будем гулять с ней там, где когда-то гуляли с тобой. Она вырастет, слушая твою любимую музыку. И я буду любить ее, Эми. Я буду любить ее каждой клеточкой своего сердца – за нас обеих. Так что не тревожься о ней, дорогая сестричка. И я обязательно буду читать ей, как когда-то читала тебе, – достав из сумочки потрепанную книгу, я в последний раз читаю Эми «Баю-баюшки, луна».

– До свидания, сестричка, – плачу я, положив руку на гроб. Мне вспоминаются Руби и Маргарет. «Операция “Сестры”». Наверняка они бы гордились мною. – Я люблю тебя, Эми. Я всегда буду любить тебя.

Я чувствую у себя на плече руку Гэвина и послушно слеую за ним к раскладным стульчикам, которые стоят в стороне. Тут я зарываюсь лицом в его плечо и даю волю слезам.

Вскоре до меня доносится голос мамы.

– Джун, – зовет она. – Посмотри на малышку Руби! Быстрее!

Я тороплюсь, чтобы узнать, что ее так потрясло. Руби смотрит на нас ясными глазками, а губки ее складываются в некое подобие «о», после чего уголки их поднимаются вверх.

– Это она в первый раз нам улыбнулась, – говорит мама сквозь слезы.

Я бросаю взгляд на небо. «Видишь, Эми, – шепчу я, – твоя девочка только что тебе улыбнулась».

Глава 22

Всю следующую неделю мама жила в моей квартирке. Дни и ночи сменяли друг друга, а я их даже не замечала. Так бывает, когда мало спишь или горюешь. Или когда случается и то и другое сразу. Но малышка Руби не позволяла нам раскисать. Пеленки, бутылочки, улыбки. И так день за днем.

– Думаю, ты неплохо справляешься, – сказала этим утром мама, наблюдая за тем, как я кормлю Руби из бутылочки. Сняв со стула джинсы, она сунула их в свою сумку.

– погоди, погоди! Ты что, уже уходишь?!

– Я больше не нужна тебе, детка, – улыбается мама. – Вы вполне управитесь и без меня. К тому же, – добавляет она с ноткой сожаления, – из тебя уже получилась такая мать, какой я никогда не стану.

Малышка Руби сонно зевает, и я укладываю ее в кроватку.

– Но я же...

– Ты справишься, – повторяет мама. – Мы с Рэндом на пару деньков уедем из города, но к презентации я обязательно вернусь, обещаю тебе.

Во мне мгновенно вспыхивает раздражение. Я сержусь на маму за то, что она оставляет меня в такой момент. Мы лишь вчера разослали сообщения в газеты, да и с приглашениями пока не все ясно. Мне придется разрываться между ребенком и делами. С другой стороны, мне не в чем ее винить. Это моя жизнь, а она должна жить своей. Если трагическая смерть Эми чему-то меня и научила, так это не таить зла на близких. Мама – это мама. Эгоистичная и непредсказуемая, но способная на широкие жесты. Это не мешает мне любить ее и прощать ей разного рода промахи, как мелкие, так и более значительные.

– Ладно, – говорю я, – когда-то это все равно должно было произойти.

– Чего ты боишься, детка?

– Сделать что-нибудь не так, – честно отвечаю я. – Посмотри, какая она хрупкая. Что, если я уроню ее? Или забуду покормить? Или...

– Не забудешь, – говорит мама. – А если вдруг в чем-то и ошибешься, ничего страшного.

Она берет сумку и направляется к лестнице.

– Я буду к вам заглядывать, – обещает она. – К тому же ты всегда можешь рассчитывать на помощь Гэвина.

– Верно, – улыбаюсь я. – Он с ней здорово ладит. А Руби нравится

«Антонио». Помнишь, она все плакала вчера, когда ты уезжала на йогу? Я принесла ее в ресторан, и там она сразу успокоилась.

– Ты справишься с ролью мамы, детка, я даже не сомневаюсь.

Я киваю.

– Пока, мам.

Она уходит, и мы с Руби остаемся вдвоем.

* * *

Вечером Гэвин приносит ужин из ресторана. Вместо того чтобы накрыть на стол, мы расстилаем на полу одеяло и едим рядом с Руби, у которой наступает ежевечернее «время животика». Я прочитала о нем в Интернете и запаниковала, что мы упустили почти три недели бесценного времени для наблюдений за тем, как малышка учится поддерживать головку. Правда, Гэвин заверил меня, что горб у нее от этого не появится.

– Я принес лазанью, – говорит он, щедро накладывая на тарелку мою порцию.

– А с чем помогает справиться лазанья? – улыбаюсь я.

– С нервозностью, – усмехается он.

– Я вовсе не нервничаю! Разве что чуточку...

– Приступай.

Я принимаюсь за еду.

– Ух ты, очень вкусно.

Гэвин довольно улыбается.

– Есть какие-нибудь отклики на наш пресс-релиз?

– Да! Я совсем замоталась с Руби, а то непременно сообщила бы тебе. Мне позвонили из «Сиэтл Таймс». Они хотят напечатать статью о нашей презентации в пятничном выпуске.

– Но это уже через два дня, – замечает Гэвин.

– Они приедут сюда завтра, чтобы взять у меня интервью. К счастью, мы успели покрасить стены. Да и полки выглядят теперь совсем иначе.

– Обратила внимание, как я расставил новые книжки? – довольно улыбается Гэвин.

– Замечательно, – киваю я. – А наши новые шторы? С ними у магазина совсем другой вид.

– Верно. – Гэвин подкладывает мне на тарелку овощей.

Какое-то время мы едим в полном молчании, только Руби воркует о чем-то сама с собой. Я чувствую, как в душу ко мне закрадывается тревога.

– А вдруг никто не придет? – говорю я. – Что нам тогда делать?
– Тогда мы подумаем о плане «Б», – отвечает Гэвин. Он ложится рядом с Руби и заводит с ней «беседу» на ее же языке.
– Из тебя получится замечательный отец, – говорю я, раздуваясь от гордости.

* * *

На следующее утро я укладываю Руби в коляску, и мы идем гулять к озеру. В два ко мне приезжает репортер. Это парень моих лет по имени Грег.

– Ваша дочка? – улыбается он, глядя на Руби.
– Да, – говорю я. – То есть моей сестры. Но Эми умерла вскоре после ее рождения, и теперь я воспитываю девочку. Это Руби.
– Искренне сочувствую вам, – говорит Грег. – Какая чудесная малышка. У меня у самого трое, и все девочки.
– Ого! – восклицаю я, осторожно укачивая Руби. – Ненавижу, когда она плачет. Меня это просто убивает.
– Моя жена говорит то же самое, – улыбается парень, окидывая взглядом магазин. – Отцам проще. Они не приходят в ужас при каждом детском крике.
Я думаю о Гэвине, который прекрасно ладит с Руби.
– Замечательный магазин, – продолжает парень. – Я часто приходил сюда в детстве.
– Правда?
– Да, – кивает он. – Ваша тетушка была потрясающей женщиной. Помню, как она читала нам разные истории, подражая голосам героев. Теперь я сам стараюсь читать дочерям с тем же вдохновением.
– Жаль, что Руби нас не слышит, – говорю я. – Ее бы это точно порадовало.
Грег достает блокнот и начинает задавать мне вопросы про историю магазина, про дружбу Руби с Маргарет Уайз Браун и про наши финансовые трудности. Я стараюсь отвечать на них как можно обстоятельнее. Наконец он закрывает блокнот.
– Спасибо, – говорит он. – Кажется, ничего не забыли. Надеюсь, вы получите немало откликов на нашу статью.
– Я тоже на это надеюсь, – вздыхаю я.

* * *

После вечерней бутылочки Руби задремывает. Я знаю, что до следующего кормления у меня часа три, и решаю составить список тех, кого бы я хотела пригласить на презентацию. Друг Гэвина сделал для нас замечательные пригласительные открытки, которые осталось лишь подписать и разослать по адресам.

Я перебираю в уме всех, кого успела узнать за эти годы: школьных библиотекарей, друзей, учителей, Пита и Нейта из Нью-Йорка, Джи Пи из публичной библиотеки Сиэтла, владельцев магазинчиков, которые расположены на нашей улице. Завершив, наконец, этот список, я ищу в Интернете адреса и надписываю открытки.

Руби мирно спит, пока я наклеиваю марки и убираю открытки в коробку. Завтра я отнесу это все на почту.

«Ну вот, – говорю я себе со вздохом, – пусть эта птичка взлетит. Пусть все пойдет так, как мы и задумали».

* * *

Помыв посуду, я усаживаюсь у окна и смотрю на небо, на ясный диск луны. Город отдыхает, и лишь Зеленое озеро поблескивает в лунном свете. На улице царит полная тишина. Но около десяти, перед самым пробуждением Руби, у магазина притормаживает темный автомобиль. Схватив телефон, я открываю окно и высовываюсь наружу. Машина срывается с места и уезжает, и я не успеваю разглядеть ее номер.

Глава 23

На следующий день я кладу Руби в коляску и мы идем к ближайшему почтовому отделению, чтобы отправить приглашения.

– Решается наша судьба, Руби, – говорю я малышке, бросая в ящик открытки. – Будем надеяться на лучшее.

Потом я отправляюсь к «Джо» и заказываю тройной эспresso в надежде, что кофеин подстегнет мою энергию, но уж никак не мое давление. Хозяин кафе выбирается из-за стойки и подходит к нам с широкой улыбкой.

– Как себя чувствует мисс Руби? – интересуется он.

– Замечательно, – отвечаю я. – Боюсь только, она стала путать день и ночь, так что я сейчас почти не сплю.

– У меня есть кое-что для вас. Наверняка поможет вам взбодриться.

– Я и так уже заказала тройной кофе, – говорю я. – Думаю, должен помочь.

Джо качает головой и выкладывает на стол свежий номер «Сиэтл Таймс».

– Я вот о чем. – Он кивает на первую страницу. Я смотрю на снимок и вижу себя с малышкой Руби на руках. Фотограф приезжал вскоре после репортера. Руби капризничала, и я не думала, что из этой затеи что-то получится. Однако снимок оказался на редкость хорошим. А Руби так и вовсе будто улыбается в камеру. Заголовок под фотографией гласит: МЕСТНАЯ ЖИТЕЛЬНИЦА ПЫТАЕТСЯ СПАСТИ ВСЕМИ ЛЮБИМЫЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН, В КОТОРОМ БЫЛА ЗАДУМАНА КНИЖКА «БАЮ-БАЮШКИ, ЛУНА».

– Смотри-ка, Руби, – охаю я, – мы с тобой в газете!

– Именно, – кивает Джо. – Теперь вам стоит вернуться к себе в магазин и нанять помощника. Думаю, что ваш телефон сегодня просто раскалится от звонков.

Я бросаю на него недоумевающий взгляд.

– Кстати, о сборе средств, – продолжает он. – Вы же продаете билеты?

– Да.

– Могу я купить один?

– Разумеется. Я буду только рада.

– Чудесно. Тогда два. Мы с женой обязательно к вам заглянем.

Я благодарю его и направляюсь к дверям, не в силах сдержать улыбки.

Как знать, может, что-то и получится из нашей затеи.

* * *

Телефонный звонок раздается вскоре после того, как я укладываю Руби поспать. Я нервно вздрагиваю. За все то время, что я жила здесь, телефон звонил только дважды. Первый раз это была мама, второй – работник с телевидения.

Но теперь телефон трезвонит не останавливаясь. Сначала позвонил мужчина из крупной архитектурной фирмы. Он рассказал, что в детстве мать часто водила его в «Синюю птицу», и теперь он хочет приобрести четыре билета. Затем я разговаривала с местным писателем, который покупает еще два. И так без конца.

За час мне удастся продать пятьдесят два билета. Кроме покупателей звонят еще и представители прессы. Сотрудник местного отделения Эн-би-си интересуется, нет ли у меня фотографий Маргарет Уайз Браун в «Синей птице» (я обещаю выяснить и перезвонить). После этого звонят из Си-эн-эн. Они прочли статью в «Сиэтл Таймс» и хотят узнать, не могу ли я дать им завтра еще одно интервью. Конечно, смогу, отвечаю я.

Гэвин заходит в магазин в тот самый момент, когда малышка Руби начинает попискивать. И тут раздается еще один звонок.

– Не мог бы ты за ней присмотреть? – спрашиваю я. – А то телефон звонит безостановочно.

– Конечно, – кивает Гэвин и поднимается вверх.

Я беру трубку.

– «Синяя птица», здравствуйте.

– Это Джун Андерсен? – спрашивает женщина суховато-профессиональным тоном. – Я Джоан Купер, помощница Билла Гейтса. Сегодня утром мистер Гейтс прочел о ваших попытках спасти книжный магазин и попросил меня связаться с вами.

– Билл Гейтс? – ошеломленно переспрашиваю я. – Тот самый Билл Гейтс из «Майкрософт»?

– Да, – отвечает женщина. – Видите ли, мистер Гейтс вырос в Сиэтле. Мать часто водила его с другими детьми в «Синюю птицу», и он очень любил этот магазин.

– В самом деле?

– Да, – повторяет она. – Он считает, что вы оказываете неоценимую услугу городу, пытаясь спасти магазин. Мистер Гейтс собирается прибыть с

женой на вашу презентацию. Могу ли я приобрести для них два билета? Также я не сомневаюсь, что он захочет финансово поддержать ваш проект. Кроме того, с ними будут два охранника, так что всего потребуется четыре билета.

– Мы... да, конечно! Мы будем только рады их визиту. Прошу вас, передайте мистеру Гейтсу, что я искренне признательна ему за поддержку!

– Непременно, – отвечает она.

Я кладу трубку и вижу Гэвина, который спускается по лестнице с Руби на руках.

– Похоже, она уже проголодалась. – В этот момент он замечает мою счастливую улыбку. – Ты выглядишь окрыленной. Кто это был?

– Помощница Билла Гейтса.

– Шутишь?

– Ничуть. Он приедет на наш вечер. Вместе с женой.

Гэвин удивленно качает головой.

– Итого пятьдесят с лишним человек, – добавляю я. В этот момент снова зазвонил телефон.

– А вот и еще кто-то.

* * *

К вечеру мне удастся продать 120 билетов, каждый из которых стоит 250 долларов. В результате у меня набирается сумма в тридцать тысяч. Разумеется, этого не хватит, чтобы полностью оплатить долги, но мы с Гэвином продумали еще ряд возможностей, которые позволят нам поддержать магазин.

Накормив малышку Руби, я укладываю ее спать, а сама спускаюсь в магазин. Мы с Гэвином выпиваем по бокалу вина, а потом ему предстоит вернуться в ресторан.

– Ну и денек, – произносит он с довольной улыбкой.

Я киваю.

– Не думала, что столько людей озаботится спасением магазина. Завтра я буду давать интервью Си-эн-эн. Можешь себе представить?

– Могу, – отвечает он. – Люди сразу понимают, когда ты берешься за что-нибудь по-настоящему ценное.

– Даже удивительно, как быстро может измениться жизнь, – удивленно восклицаю я. – Еще пару месяцев назад я была преуспевающим банкиром. И вот теперь – хозяйка книжного магазина с младенцем на руках.

– Малышка Руби – очаровательный ребенок, – улыбается Гэвин. – Скажи, – добавляет он после секундной паузы, – ты позволишь ей называть себя мамой?

– Нет, – говорю я. – Ее мать на Небесах, и я хочу, чтобы она знала это. С меня вполне хватит роли тетушки. – Я окидываю взглядом магазин тети Руби: стены покрашены свежей краской, книжные полки обновлены. – К тому же тетушки – удивительные создания.

* * *

Гэвин возвращается в ресторан, а я решаю поискать очередную пару писем. Я практически позабыла о них, погрузившись в заботы о малышке Руби, но теперь в предвкушении новых открытий начинаю осматривать полки. Очень скоро я нахожу ту, где выстроились книжки про Пеппи Длинныйчулок. Само собой, письма прячутся в первом издании. Я открываю конверт и приступаю к чтению.

28 сентября 1946 г.

Дорогая Маргарет,

у нас все идет своим чередом. Мы с Энтони ждем не дождемся осени, которая особенно хороша у нас в Сиэтле. Жаль, что ты не можешь приехать к нам еще разок, чтобы полюбоваться на эту красоту.

Каждый день ко мне в магазин стекаются детишки и их родители. «Синяя птица» стала настоящим раем для юных читателей, чему я несказанно рада. Помнишь занятие, которое ты проводила для маленьких писателей за день до своего отъезда? Так вот, мальчик по имени Билли принес мне свою книжку – его вдохновили на творчество твои слова. И знаешь, Брауни, мне очень понравилось! Не исключено, что в один прекрасный день он тоже станет писателем, как и ты.

У Энтони все в порядке. В последнее время ему приходится очень много работать, а это значит, мы проводим вместе куда меньше времени, чем мне хотелось бы. Не хочу показаться тебе ненормальной, но в эти дни меня не покидает ощущение, что за мной кто-то наблюдает. Скорее всего это просто мое воображение. Но порой, когда я убираю мусор возле дома или закрываю на ночь магазин, я ощущаю на себе чей-то взгляд.

Прошлым вечером неподалеку от нас притормозила машина, и водитель долго-долго смотрел в сторону «Синей птицы». Но когда я подошла к окну, машина тут же уехала. Пожалуй, стоит рассказать об этом Энтони, когда он вернется из деловой поездки.

Боюсь, у меня не очень хорошие новости про Люсиль. Меня так ободрила ее открытка, в которой она сообщала о своей беременности, что я купила подарок для будущего малыша (чудесную пижамку с панамой) и отправилась к ней домой. Увы, я понятия не имела о том, что она пригласила к себе на обед всех своих подружек. Видела бы ты, с каким видом она меня встретила! Как будто ее приводила в ужас мысль о том, что они могут меня увидеть. Люсиль заявила, что время для визита выбрано неудачно, и попросила меня уйти. Ни больше ни меньше. Боюсь, Брауни, я все-таки потеряла сестру. Она никогда не сможет принять меня такой, какая я есть. Для нее я навсегда останусь особой, чей образ жизни она глубоко презирает.

Ну а я очень скучаю по тебе. Не забудь отправить мне экземпляры своей книжки о луне, как только она поступит в продажу. С нетерпением жду возможности прочитать ее.

Твоя Руби.

4 октября 1946 г.

Дорогая Руби,

мы уже придумали название для новой книги! Она будет называться «Баю-баюшки, луна». Как тебе? Я думаю, вышло очень неплохо, да и Клем так считает. Не помню, рассказывала я тебе про него? Это мой иллюстратор и близкий друг. Он скоро приедет ко мне в Винальхейвен со своей женой Пози. Жаль, что тебя там не будет. Мы бы чудесно провели время вместе.

Знаешь ли ты, как много значат для меня твои письма? Надеюсь, лет через сто, когда кто-нибудь решит написать мою или твою биографию, они наткнутся на эти письма и поймут, каким замечательным человеком ты была. В конце концов, что толку от жизни, если в ней нет настоящих друзей?

У нас могут быть потрясающие романы – поверь, я ничуть не хочу преуменьшать значение романтической любви, – однако ценность истинной дружбы состоит в том, что мы навеки

связаны с другим человеком. Меня ужасает сама мысль о том, какой одинокой была бы моя жизнь без такой преданной подруги, как ты.

Забавно, но пару дней назад мне пришла в голову мысль написать книжку о собаке, которая живет в полном одиночестве. Собаке, которая принадлежит «только себе». Нет ничего плохого в том, чтобы принадлежать себе самому, но жизнь становится куда богаче, когда мы начинаем принадлежать другим. Разве я не права?

Надо же, на часах уже пять. Пора собираться на вечеринку, которую организуют в нашем издательстве. Там будет мой редактор. Хочу поделиться с ней идеей по поводу новой книги. Пока что я назвала ее «Мистер Пёс». По-моему, здорово звучит, а тебе как? Ладно, я брошу это письмо в ящик, перед тем как уехать на вечеринку, и уже завтра его отправят в Сиэтл.

С любовью из Коббл-Корт,

Маргарет.

P. S. Мне очень жаль, что у тебя не заладилось с Люсиль. Но это ее потеря, а не твоя. Помни об этом.

* * *

На следующее утро я встаю пораньше. Из головы у меня не выходят слова Маргарет о том, как часто мы принадлежим только себе. Со мной так было много лет. И теперь я хочу делить свою жизнь с кем-то еще. Интересно, Руби чувствовала то же самое?

Малышка тихонько воркует у себя в кроватке. Я беру ее на руки и смотрю на часы: 7.13. Журналисты из местного отделения Эн-би-си приедут в девять. Эту съемку покажут уже в вечерних новостях. А позже я буду записывать интервью с журналисткой Си-эн-эн Соледад О'Брайен.

На лестнице появляется Гэвин.

– Доброе утро, – говорит он. – Я хотел помочь тебе с ребенком, пока ты будешь готовиться к выступлению.

– Спасибо. – Я отдаю ему малышку, после чего инспектирую свою косметичку. Здесь, в Сиэтле, я не слишком часто прибегала к макияжу. Взглянув на себя в зеркало, я понимаю, что не мешало бы немного

подкраситься.

– Что-то я нервничаю.

– Все будет хорошо, – заверяет меня Гэвин. – Улыбайся и будь собой. Этого достаточно.

Я киваю, после чего берусь за зеркальце. Тональный крем поможет скрыть круги под глазами, а тушь и подводка завершат картину.

– Ну как? – спрашиваю я. – Не слишком ярко?

– В самый раз, – говорит Гэвин.

– Вот и хорошо.

Я привожу в порядок волосы и критически рассматриваю себя в зеркале. Выглянув в окно, я замечаю рядом с магазином белый фургончик со спутниковой антенной.

– Они уже тут.

– Смелей, – поддерживает меня Гэвин.

Двое парней в джинсах выносят из машины телевизионное оборудование.

– Привет, – говорю я, распахивая дверь. – Меня зовут Джун.

Они расставляют камеры и прикрепляют к моей блузке микрофон. Я усаживаюсь в кресло у камина. Сначала мужчины снимают сам магазин, после чего поворачиваются ко мне.

– Суньте наушники в ухо, – говорит один. – Так вы будете слышать голос Соледад и вести с ней беседу. Смотрите прямо в камеру.

– Ладно. – Я никак не могу справиться с нервами.

Интервью для Эн-би-си проходит быстро и четко. Я отвечаю на несколько вопросов, на этом все и заканчивается. Через пару минут из наушников раздается женский голос.

– Привет. Это Джун?

– Да, – говорю я.

– Доброе утро. Это Соледад О’Брайен. Как дела?

– Спасибо, хорошо. Должна только признаться, что никогда еще не давала интервью для телевидения.

– Открою маленький секрет: это очень просто.

– Ну, раз вы так говорите...

Где-то на заднем плане продюсер начинает обратный отсчет от пяти, после чего я слышу голос Соледад:

– Разрешите представить вам Джун Андерсен из Сиэтла. В эпоху развития интернет-продаж она поставила себе задачу спасти книжный магазин из кирпича и стекла. Но надо заметить, что это не обычный книжный магазин. Считается, что именно «Синяя птица» была местом

рождения знаменитой детской книги «Баю-баюшки, луна». А теперь, Джун, расскажите нам, почему вы решили спасти этот магазин?

– Дело в том, что моя тетя Руби, замечательная во всех отношениях женщина, искренне верила в могущество литературы. Я практически выросла в этом книжном магазине и могла воочию наблюдать, какое влияние способны оказать на малышей и подростков детские книги. Случилось так, что несколько месяцев назад тетя Руби скончалась. Свой магазин она оставила мне – в надежде, что я сумею спасти ее любимую «Синюю птицу».

– Как я понимаю, магазин опутан долгами, и вы организовали сбор средств, чтобы поддержать его на плаву, – замечает Соледад.

– Да, – говорю я после секундной заминки, – все верно. Нам нужны деньги, без которых магазин не сможет работать дальше. Банк «Чейз и Хансон» уже прислал нам письмо, в котором предупредил о возможном закрытии.

– Как я понимаю, – продолжает Соледад, – для вас этот момент тоже носит личный характер. Вы же сами были сотрудником этого банка?

– Да, – честно признаю я. – Именно я отвечала за закрытие и последующую распродажу имущества магазинов, ресторанов и прочих форм среднего бизнеса. В то время я смотрела на все с черно-белой перспективы, но сейчас моя точка зрения изменилась. Я поняла, что людям иногда стоит давать еще один шанс. – В этот момент я вспоминаю об Артуре. Интересно, видит ли он это интервью? И если да, то что при этом думает?

– Неплохо сказано для бывшего финансиста, – замечает Соледад. – Ну а теперь расскажите поподробнее о книге «Баю-баюшки, луна». Правда ли, что ваш магазин напрямую связан с ее созданием?

– Да, – говорю я. – Тетя Руби и Маргарет Уайз Браун, автор «Баю-баюшки, луна» и еще сотни детских книжек, были близкими подругами. Долгие годы они вели оживленную переписку. – Я демонстрирую последние письма. – Они всячески поддерживали и ободряли друг друга. А в 1946 году Маргарет приезжала в Сиэтл и была гостьей в «Синей птице». Именно этот опыт подтолкнул ее к написанию одного из лучших своих произведений – книги «Баю-баюшки, луна».

– Потрясающе, – замечает Соледад. – Многие из нас не раз читали эту книжку своим детям и думали: «Какая замечательная история! Но как она возникла? Что побудило автора написать ее?» И вот теперь, наконец, у нас есть объяснение. Для тех, кто захочет оказать финансовую поддержку «Синей птице», мы разместим у себя на сайте всю необходимую

информацию. Большое спасибо, Джун. Успехов вам.

– И вам большое спасибо, Соледад.

Камеры отключаются, и оператор ободряюще улыбается мне.

– Получилось замечательно, – говорит он.

– Хотелось бы верить. Я даже не помню, что я там вещала.

– Все так говорят, – заверяет он. – Не сомневайтесь, увидите себя на экране телевизора и подумаете: «Надо же, как здорово у меня вышло».

– Не знаете, когда это появится в эфире?

– Через денек-другой, – говорит он.

– Чудесно, – киваю я, и в этот момент звонит телефон.

– Берите трубку, – предлагает оператор. – Все, что нужно, мы уже сняли.

– Еще раз спасибо, – говорю я и спешу к телефону. – Алло, «Синяя птица».

– Джун Андерсен?

– Да, я слушаю.

– Мисс Андерсен, это Эдвард Ньютон из издательства «Харпер Коллинз». Мы прочли статью в «Сиэтл Таймс» и решили связаться с вами. Как-никак это наше издательство выпустило в свет книгу «Баю-баюшки, луна».

– Да-да, здравствуйте, – радостно говорю я.

– Мисс Андерсен, – продолжает он, – ваша презентация состоится через три недели, и мы к этому времени хотим отпечатать специальный тираж книги «Баю-баюшки, луна». К каждой обложке будет прикреплен стикер со словами «В честь “Синей птицы”, места рождения книги “Баю-баюшки, луна”».

– Великолепная мысль! – восклицаю я. – На презентацию придет не меньше сотни человек, а то и больше. Мы еще только разослали приглашения.

– Мы позаботимся, чтобы книг хватило на всех, – говорит Эдвард. – Как насчет пяти сотен? Плюс несколько ящиков непосредственно в магазин. Наверняка эта книжка будет продаваться у вас нарасхват.

– Великолепно, – повторяю я. – Если удастся собрать достаточно средств, то уже в следующем месяце мы планируем открыть «Синюю птицу».

– Прекрасно, – говорит Эдвард. – Наше издательство желает вам удачи.

– Ну, как прошло интервью? – спрашивает Гэвин, вручая мне малышку Руби.

– Замечательно. – Я киваю на телефон. – Звонил человек из «Харпер

Коллинз», издательства, в котором впервые напечатали «Баю-баюшки, луна». Они собираются подарить нам несколько ящиков со специальным изданием.

- Чудесно, – улыбается Гэвин. – Похоже, дела начинают налаживаться.
- Будем надеяться. Главное сейчас – выплатить задолженность банку.
- Гэвин целует меня в лоб, а потом направляется к двери.
- Приходи обедать. Сегодня я приготовлю тортеллини.
- А это блюдо от каких проблем?
- От беспокойства, – говорит он. – Помогает справиться с тревогами.

Глава 24

Пока Руби мирно спит у себя в кроватке, я принимаюсь заново расставлять книжные полки. Если мы собираемся принять у себя больше сотни человек, нужно позаботиться о том, чтобы всем им хватило места. По центру магазина стоят полки по пояс высотой. Аккуратно убрав с них книжки, я перемещаю их к дальней стене. Спустя полчаса остается лишь удивляться, сколько свободного места появилось в магазине!

Утомившись, я решаю сделать небольшой перерыв, и в этот момент на столе у Руби звонит телефон. Похоже, проживи я тут еще полвека, этот стол все равно останется для меня столом Руби. Да по-другому и быть не может.

– Алло, «Синяя птица».

– Джун, это Джи Пи, парень из библиотеки, который едва не стал вашим кузеном.

– Привет! – Я искренне рада его слышать. – Вы уже получили мое приглашение?

– Нет пока, но я уже наслышан о вашей презентации. Я хотел сказать, что непременно приду, а наша библиотека с радостью окажет вам любую поддержку. Мы хотим, чтобы «Синяя птица» стала в этом году официальным распространителем билетов на все наши детские мероприятия.

– Великолепно! – восклицаю я. – А ведь из нас могли бы получиться замечательные родственники.

– Я тоже так думаю, – соглашается Джи Пи.

* * *

Среди всех этих приготовлений я вдруг понимаю, как сильно мне не хватает Руби. Мне очень хочется услышать ее голос, хочется, чтобы она знала – я изо всех сил стараюсь спасти ее любимую «Синюю птицу».

«Мистер Пёс». Ну конечно, именно эту книгу упоминала Маргарет в своем предыдущем письме. Я нахожу первое издание, но внутри лежит лишь один пожелтевший конверт. Он адресован моей тете, но адрес написан чьей-то незнакомой рукой. Очевидно, что это не почерк Маргарет. Я быстро вынимаю письмо. Оно датировано 12 декабря 1952 года – пятью годами позже последней пары писем. А что случилось в промежутке между

этими датами? Я разворачиваю письмо и начинаю читать машинописный текст.

Дорогая Руби,

к вам обращается сестра Маргарет Уайз Браун, Роберта. С прискорбием вынуждена сообщить, что Маргарет скончалась в прошлом месяце в Париже, где она проходила послеоперационное лечение. Это горестная новость, но вы с Маргарет были близкими подругами, и я решила, что вам лучше узнать обо всем из первых рук. Единственным утешением может служить то, что смерть ее была быстрой и безболезненной. Как рассказал мне врач той больницы, где она проходила лечение, Маргарет очень плохо переносила постельный режим. Ей хотелось выйти в сад и погулять под лимонными деревьями. Пытаясь убедить медсестру, что с ней все в порядке, она вскинула ногу так, как это делают в канкане. К несчастью, столь резкое движение привело к тому, что у нее оторвался тромб. Умерла она практически сразу.

Разбирая бумаги Маргарет, я нашла пачку ваших писем. Она хранила их в ящичке своего письменного стола. Теперь я снова возвращаю их вам. Возможно, они помогут вам обрести душевный покой.

Просматривая эти письма (надеюсь, вы не рассердитесь на меня за это), я прониклась глубочайшим восхищением вашей дружбой. Хочу сказать также, что я понятия не имела, какую боль причиняю порой сестре. Как бы мне хотелось повернуть время вспять и показать Маргарет, что я любила ее не меньше, чем она меня. В глубине души я надеюсь, что она все-таки знала об этом. С годами наши отношения улучшились. Я не смогла сдержать слез, читая про «Операцию “Сестры”». Какое счастье, что Маргарет не пожелала тогда отступить! Остается надеяться, что и вы с вашей сестрой наконец-то обрели должное взаимопонимание.

Хочется верить, что эти письма принесут вам некоторое утешение. Мы обе знаем, что в нашем мире никогда уже не будет второй Маргарет.

С наилучшими пожеланиями,

Роберта Браун Раух.

Я остро чувствую то горе, которое должна была ощутить Руби при чтении письма. Я убираю его в конверт и в этот момент замечаю на полу ключик. Должно быть, он выпал из книги, когда я доставала оттуда письмо. Я внимательно разглядываю свою находку. Ключик кажется мне очень знакомым. Ну конечно, тетушкин сундучок с сокровищами! Руби держала его у себя в магазине. После чтения очередной истории она щелкала замком, и каждый мог достать оттуда конфетку, стикер или крохотную игрушку. Мне этот сундучок казался просто волшебным.

И вот теперь Руби вручила мне ключ от своей сокровищницы.

– Джун? – раздается голос мамы. Она стоит у дверей вместе с Гэвином. В его руках бумажный пакет, из которого доносятся восхитительные ароматы. – Посмотри, кто принес обед! А что это ты тут делаешь? – продолжает мама, подходя поближе.

Я смахиваю слезу и протягиваю ей ключик.

– Это Руби мне оставила. Помнишь ее сундучок с сокровищами?

– Конечно, – кивает мама. – В детстве вы его просто обожали.

– Хочешь его открыть? – спрашивает Гэвин.

Я подхожу к столу и вытаскиваю из-под него сундучок. Вставив ключ в замок, я поворачиваю его, как это делала когда-то сама Руби.

Внутри сундучок обит красным бархатом. На самом верху лежит книжка «Баю-баюшки, луна». Я смотрю на дату: 1947 год. Первое издание. В превосходном состоянии.

– Жаль, что Эми нет сейчас рядом, – шепчу я маме, открывая книжку.

– Она всегда с нами, – улыбается мама сквозь слезы.

Внутри лежит одно-единственное письмо – от Руби. В отличие от предыдущих, оно совсем не кажется старым. Такое чувство, будто Руби лишь несколько месяцев назад взяла ручку и бумагу и набросала этот текст. Адресовано оно мне.

Гэвин кладет руку мне на плечо.

– Прочти его, – с нежностью говорит мама. – Тебе уже пора обо всем узнать.

– Узнать что? – Я внимательно смотрю на нее. Мамины глаза наполнены слезами. Это слезы вины и сожаления. Но и любви тоже. Да, она никогда не была идеальной матерью, даже хорошей ее порой трудно было назвать. Но я давным-давно простила ее за все. И я люблю ее такой, какая она есть.

Открыв конверт, я читаю вслух то, что написала мне Руби.

Моя дорогая девочка,

вот ты и добралась до самого конца. Я рада, что тебе удалось найти все мои письма. Я знала, что ты с этим справишься. Мне хотелось познакомить тебя с собой – с той, кем я была все эти годы. Я никогда не вела дневника. Все, что у меня есть, – эти письма. Вот почему я так хотела, чтобы ты прочитала их.

После смерти Маргарет ее сестра Роберта вернула мне все мои письма. Я была настолько потрясена смертью подруги, что не смогла даже перечитать их. Я спрятала их в коробку из-под обуви и изо всех сил старалась забыть о Маргарет, поскольку воспоминания о ней причиняли мне сильную боль. Слишком рано она умерла – в самом расцвете лет. Но память о ней всегда жила в моем сердце. Видишь ли, она оставила здесь частицу себя. Но часть «Синей птицы» она все-таки унесла с собой.

Я хочу сказать, Джун, что именно этот магазин стал местом рождения ее замечательной книги «Баю-баюшки, луна». Думаю, ты и сама успела об этом догадаться. Именно здесь все началось. Долгие годы я хранила этот секрет, поскольку считала себя не вправе разглашать его. Но я знала, что однажды ты унаследуешь его вместе с магазином. Надеюсь, это сокровище позволит тебе спасти «Синюю птицу». Надеюсь, люди и впредь будут заглядывать в то место, которое вдохновило Маргарет на написание ее прославленной книги.

Джун, поступай так, как сочтешь нужным. Кстати, «Баю-баюшки, луна» с автографом Маргарет стоит сейчас очень дорого. В тот день, когда печатали первое издание, Маргарет лично поджидала первые экземпляры в типографии (она всегда умела настоять на своем!). Она приберегла для меня самый первый экземпляр. Там есть одна маленькая опечатка – пролистай до последней страницы и сама увидишь. Плата соскользнула, и вместо одной мышки на подоконнике получилось две. Маргарет сказала, что это судьба: две мышки как олицетворение нас обеих. Две подружки, любующиеся ночью на луну.

Теперь эта книжка принадлежит тебе. Хочешь, сохрани ее, а хочешь, продай. В магазине полно первых изданий, и все они стоят немалых денег. Смело продавай их, если тебе потребуется сохранить крышу над головой. Все эти книги я купила для тебя, Джун. Все, что я делала, я делала только для

тебя.

Подобные излияния могут показаться тебе неуместными, однако пришла пора открыть тебе мой самый большой секрет. В 1975 году, когда мне было сорок шесть, я родила свое первое и единственное дитя – девочку с розовыми щечками и голубыми глазками. Нет, не мальчика, хотя именно в этом я пыталась убедить окружающих (я одевала ее в голубое и записала в свидетельстве о рождении неопределенное имя – Джи Пи).

Хоть я и любила малышку всем сердцем, мне пришлось распрощаться с ней – ради ее же блага. Ее отец принадлежал к семейству Магнусонов, которое издавна пользовалось в Сиэтле большим влиянием. Хотя сам он был человеком хорошим и я любила его всю свою жизнь, к моменту нашей встречи он уже был женат на другой. Умер он за пять месяцев до рождения моей девочки. Его жена, узнав о ребенке, пришла в настоящую ярость. Я боялась, что она не успокоится, пока не отомстит мне. Надо сказать, она действительно пыталась это сделать. Когда малышке было семь месяцев, я оставила ее ненадолго в магазине. Я вышла буквально на минутку, и за это время ее едва не украл мужчина в костюме и темных очках. Я закричала, и он сбежал. Уехал прочь на черном «Кадиллаке». Но на следующий день он вернулся – я видела, как он заглядывал к нам в окно.

Стало ясно, что в любой момент я могу лишиться ребенка. Надо было как-то защитить мою девочку. Я обращалась в полицию, но они проигнорировали мою жалобу. К тому же начальником полиции был в то время один из Магнусонов.

Тогда я решила отдать малышку в приемную семью. Подобное решение далось мне нелегко, но другого выхода не было. Я пустила слух, что отдала ребенка (мальчика) состоятельной семье из Нью-Йорка. Викторию Магнусон это сбило со следа, и черный «Кадиллак» перестал приезжать к магазину. Но мне срочно нужно было подыскать ребенку новую семью, и я остановила свой выбор на единственно близких мне людях.

Я хочу сказать, Джун, что мой ребенок – это ты. Моя племянница, единственная мать, которую ты знала, воспитала тебя как родную дочь. Мы обе сделали все, что от нас зависело.

Разумеется, мне не раз приходилось задумываться о том, правильно ли я поступаю – особенно в то время, когда дела у вас

дома шли не лучшим образом. К счастью, я была рядом и смогла вовремя вмешаться. Твоя мать тоже постаралась сделать все, чтобы ситуация изменилась к лучшему. Джун, она любила тебя, как собственную дочь, и за это я всегда буду ей искренне благодарна.

Все мы несовершенны, и мое решение, возможно, было не самым удачным. Но тогда я просто не могла придумать ничего лучше. Мне надо было хоть как-то обезопасить тебя.

Разве ты не чувствовала моей любви к тебе? То была материнская любовь. Девочка моя, я прожила совсем не ту жизнь, о которой мечтала, но жизнь редко соответствует нашим ожиданиям. У меня не было ни собственного дома с белой оградой, ни заботливого мужа. Я даже не смогла дождаться того момента, когда ты назовешь меня мамой. Но у меня была ты, и это лучшее, о чем я могла мечтать.

Твой отец ушел раньше, чем ты появилась на свет, но я не сомневаюсь, что он полюбил бы тебя с первого взгляда – так же, как это произошло со мной. Ты стала кульминацией нашей любви, тем подарком судьбы, которого мы меньше всего ожидали. Этот дар пришелся на самый конец нашей любовной истории.

И все это время в моей жизни был книжный магазин, этот замечательный магазин. Он придавал мне сил в те времена, когда казалось, что все уже кончено. Он был моей поддержкой и опорой. Надеюсь, он станет такой опорой и для тебя. Слишком долго тебя не было дома, детка. Пришла пора возвращаться.

Но есть последняя просьба, с которой я хочу обратиться к тебе. Перечитывая нашу переписку с Маргарет, ты не могла не обратить внимания на тему сестринских отношений. Нас с Маргарет связывали узы, которые обычно существуют между сестрами. Своим отношением ко мне она смягчила ту боль, которую вызвало отчуждение моей родной сестры, Люсиль. К сожалению, Люсиль умерла раньше, чем нам удалось примириться. Это был вовсе не тот конец, на который я рассчитывала, и эта мысль терзала меня все оставшиеся годы. И мне бы очень хотелось, чтобы у вас с Эми не случилось такого. На самом деле это страшит меня даже больше, чем потеря «Синей птицы». Что бы ни произошло, сестры всегда остаются частицей друг друга. Потерять сестру – все равно что

потерять руку или ногу. Мне бы хотелось лучшей судьбы и для тебя, и для Эми. Пообещай, что вы постараетесь все исправить.

Я поднимаю голову и встречаюсь взглядом с мамой.

– Она была бы так счастлива, – произносит мама сквозь слезы.

Я возвращаюсь к письму:

Ах да, мой медальон. Сколько раз ты просила меня показать, что там внутри? Не меньше сотни, это точно. Он висит сейчас у тебя на шее? Ну конечно. Открой его, детка. Это последний мой сюрприз для тебя.

Твоя любящая мать,

Руби.

Эмоции настолько переполняют меня, что я не могу вымолвить и слова. Мама бережно обнимает меня за плечи. Гэвин смотрит на нас с сочувствием на глазах.

В комнате воцарилось молчание. Молчание, которое зародилось еще тридцать пять лет назад. Все мои мысли только о Руби. О моей матери. Я протягиваю руку к цепочке, на которой висит медальон, и аккуратно беру его в руки.

– Присядь, – мягко говорит Гэвин.

Я усаживаюсь на скамеечку у камина и пытаюсь расстегнуть медальон. Пусть не сразу, но мне это удастся. Внутри лежит крохотный белокурый локон.

– Это твой, – говорит мама, – еще с младенчества. Смотри, тут твое имя, – она показывает на медальон.

По центру его действительно выгравирована надпись: Джун Патрисия. Ну конечно: Патрисия – второе имя Руби. Я-то всегда считала, что мать назвала меня Джун Патрисией в честь Руби.

– Джи Пи, – говорю я сквозь слезы.

– Руби никогда его не снимала, – кивает мама. – Говорила, что хочет держать тебя у самого сердца.

– Стипендия, которую я получила, – озаряет меня. – Это все Руби, да?

– Да. Ей пришлось взять для этого еще один кредит.

– Ох, мама, – плачу я, прижавшись к ее плечу. – Я понятия не имела...

– Твое сердце уже тогда обо всем догадывалось, – качает головой мама.

На дне сундучка лежит толстая пачка старых конвертов. Наверняка это недостающие письма – те самые, которыми Руби и Маргарет обменивались до смерти писательницы. Мне просто не терпится прочитать их.

Я оборачиваюсь, услышав за спиной шорох шагов. В дверях стоит Мэй. Поначалу меня это пугает. Никто не слышал, когда она вошла в магазин. *Сколько времени она здесь?* По лицу ее заметно, что она недавно плакала, но теперь на губах ее сияет улыбка.

– Вы похожи с ней как две капли воды, – говорит Мэй.

– Мэй, я... я просто не знаю, что сказать, – бормочу я. – Наверняка это стало для тебя таким же открытием, как и для меня.

– Получается, что мы с тобой сестры. Все это время я думала, что у меня есть брат. – Мэй смахивает со щеки слезу. – Для меня было чем-то само собой разумеющимся, что отец должен любить его больше меня. – Она окидывает взглядом магазин. – Здесь было его сердце, рядом с Руби. Домой он приходил очень поздно, но я всегда дожидалась его возвращения – просто чтобы взглянуть на него перед сном. Сама видишь, он предпочел мне Руби. Звучит ужасно, но это чистая правда.

– Мэй, – кладу я руку ей на плечо. – Твой отец оказался в трудном положении.

– Наш отец, – поправляет она.

На мои глаза наворачиваются слезы. Я еще не до конца уяснила случившееся. Да, Эми больше нет с нами. Но теперь, глядя на Мэй, я понимаю, что судьба сделала мне неожиданный подарок. Кровную сестру.

– Как-то раз отец подарил мне экземпляр книги «Баю-баюшки, луна», – продолжает Мэй. – Первое издание. Должно быть, ему дала ее Руби, хотя в то время я этого не знала. Он принес книжку на мой десятый день рождения, и я подумала, что ничего удивительнее в жизни своей не читала. На внутренней стороне обложки он написал мне что-то вроде стихотворения. Слова любви, обращенные к дочери. Я берегла эту книгу, как настоящее сокровище. Но когда я вернулась домой на его похороны и узнала, что Руби беременна, меня охватила настоящая злость. Это было верхом предательства по отношению к маме и ко мне. Я сунула в пакет книжку и те фотографии отца, которые у меня оставались, и отнесла все в магазин. Мне хотелось навсегда вычеркнуть его из своей жизни. – У Мэй невольно вырывается вздох. – И все же, несмотря на всю мою злость, в глубине души мне хотелось простить отца и принять его любовь к Руби. – Она печально качает головой. – Но было уже слишком поздно.

– Почему же ты не поговорила с Руби?

– Не могла, – отвечает Мэй. – Просто не могла. После смерти отца я

несколько раз приходила в магазин в надежде, что увижу где-нибудь свою книжку. Я даже написала Руби анонимное письмо, обещая за это издание кучу денег. Но гордость не позволяла мне лично встретиться с ней и признать тот факт, что я по собственной воле отдала столь дорогую мне вещь.

– Но она непременно вернула бы ее тебе, – говорю я, – если бы знала, что ты хочешь забрать ее обратно.

– Я слишком сердилась на нее, чтобы договариваться о чем-то лично.

– Ты была обижена, – замечаю я. – Когда людям больно, они часто совершают необдуманные поступки.

– Верно. – Она смахивает слезу. – Мне до сих пор кажется, что я не заслуживала любви отца.

– Это не так, Мэй, – качаю я головой. – Наверняка он глубоко сожалел о том, что ты оказалась в ловушке между двумя его мирами.

Мэй берет в руки книгу «Баю-баюшки, луна» и открывает первую страницу. Но это не тот экземпляр, который подарил ей когда-то отец.

– Теперь мне ее уже не найти, – говорит она.

– Подожди, – вспоминаю я про коробки, которые все еще стоят под кроватью Руби. – Идем со мной.

Мама поднимается за нами по скрипучей лестнице и берет из кровати малышку Руби. Перед тем как спуститься вниз, она ободряюще подмигивает мне.

– Мне всегда хотелось заглянуть в это любовное гнездышко, – в голосе Мэй нет больше ни злости, ни обиды.

Мы проходим внутрь, и Мэй окидывает квартиру внимательным взглядом.

– Очень мило, – говорит она. – Теперь я понимаю, почему отцу так нравилось бывать здесь. Все просто и незатейливо, но в этом-то и состоит вся прелесть этого места. Мама и помыслить не могла о чем-то простом. Ей нужны были лепка и позолота.

Я опускаюсь на колени рядом с кроватью Руби. Мэй присаживается рядом.

– Я прошу прощения, – говорит она.

– За что?

– За то, что вломила тогда без спросу в магазин. За то, что шпионила за тобой. Мне просто хотелось...

– Охотно тебя прощаю.

– Правда?

– Да.

Я вытаскиваю из-под кровати одну коробку, потом другую. Каждая доверху забита книжками и блокнотами, старыми счетами и прочими документами. Наконец приходит черед третьей коробки.

– Вот! – неожиданно восклицает Мэй. – Вот мой сверток.

Я наблюдаю за тем, как она достает оттуда фотографию нашего отца. Тот держит за руку маленькую Мэй. Девочка с черными локонами выглядит просто очаровательно. Мэй смотрит на отца так, будто это самый главный человек на свете.

Под этой фотографией прячется еще несколько, а на самом низу коробки лежит книжка. Я с первого взгляда узнаю обложку. Мэй берет ее в руки и открывает на первой странице.

«Моя дорогая девочка, – читает она слова, написанные еще в 1947 году, – я хочу быть рядом с тобой, когда тебе грустно и одиноко, когда мир кажется серым и несправедливым, чтобы ободрить и утешить тебя. А если меня не будет поблизости, взгляни на луну и вспомни, как сильно я люблю тебя. Твой папа».

Не в силах сдержать слез, Мэй наклоняется и целует страницу. Я осторожно кладу руку ей на плечо.

– Нас с тобой называли в честь самых прекрасных месяцев в Сиэтле, – говорю я. – Май идет перед июнем. Вот и ты у нас старшая. Не забывай об этом.

Мэй кивает, и мы тихонько плачем вместе, оставив в прошлом все наши разногласия.

Глава 25

В день презентации Гэвин стоит в дверях магазина. В сером костюме он выглядит просто потрясающе.

– Ну, как тебе? – спрашивает он с довольной ухмылкой. – Поскольку это книжная вечеринка, я решил одеться в стиле Фрэнсиса Скотта Фитцджеральда.

– Ты просто неотразим, – целую я его. – Надеюсь, все пройдет отлично.

– Где малышка Руби? – спрашивает он.

– Мама посидит с ней наверху, – говорю я. – Вряд ли я хорошо справлюсь с ролью хозяйки вечера с ребенком на руках. – В этот момент я замечаю, что Гэвин прячет что-то за спиной. – Что там у тебя?

Лукаво улыбнувшись, он протягивает мне мурлыкающего котенка.

– В каждом уважающем себя книжном магазине должен быть котенок, – гордо возвещает он.

– Ой, какая прелесть! – восклицаю я. – Как мы его назовем?

– Может, Маргарет?

– Слишком официально. Руби называла свою подругу Брауни. Как тебе?

Котенок мурлычет у моих ног, и Гэвин довольно улыбается.

– Знаешь, эта кошечка и правда выглядит как Брауни. – Он сует руку в карман брюк. – Я тут еще кое-что принес.

Он вручает мне свернутый лист бумаги, который слегка помялся в кармане.

– Помнишь, мы говорили о том, чтобы объединить «Синюю птицу» и кафе?

Я киваю.

– Я приглашал архитектора, чтобы тот оценил ситуацию на месте. – Гэвин разворачивает бумагу. – Пока это предварительные наброски. Смотри, книжный магазин останется таким же, как и сейчас. Мы просто снесем вот эту стену и соединим оба здания.

Я внимательно изучаю чертеж. Сразу видно, что архитектор хорошо поработал. Я так и представляю, как дети и их родители, побродив по книжному магазину и послушав очередную историю, соберутся в кафе за чашечкой горячего шоколада.

– Мне нравится, – говорю я. – Очень нравится.

Гэвин облегченно вздыхает.

– Я рад, что ты это оценила. – Свернув чертеж, он убирает его в письменный стол. – Магазин выглядит обновленным, – замечает он.

– А ты заметил цветы у входа? Мне их принесла местная медсестра. Я все смотрела на магазин и думала, чего же не хватает? Оказывается, я забыла про цветы.

– Что ж, – говорит Гэвин, – мы сделали все что могли. Посмотрим, поддержат ли остальные наши усилия.

* * *

Первыми приезжают Питер и Нейт. Пожав им руки, Гэвин вручает каждому специальное издание «Баю-баюшки, луна». В книги вложен список, где указывались различные варианты для пожертвований в пользу магазина.

– Замечательное место, – обнимает меня Питер. – Кажется, я понимаю, что вдохновило Маргарет Уайз Браун на написание ее знаменитой книжки.

– Спасибо, что приехали, – говорю я. – Так приятно видеть дружеские лица.

– А где ваш младенец? – улыбается Питер.

– Наверху с моей мамой. Заезжайте завтра, и я вас познакомлю. Малышке наверняка понравится ее будущий крестный.

Питер и Нейт берут по бокалу вина, а в магазин тем временем начинают стекаться гости. Хозяева «Джепетто», Джо с женой, Джи Пи и трое его коллег по работе, и еще много-много разных людей. Наконец, когда джаз-банд из «Антонио» начинает наигрывать какую-то мелодию, появляются Билл Гейтс и его жена Мелинда. На некотором отдалении от них держался мужчина в черном костюме – судя по всему, телохранитель. Билл (Билл!) протягивает мне руку.

– А вы, должно быть, Джун, – говорит он с теплой улыбкой.

– Рада видеть вас, мистер Гейтс, – отвечаю я.

Он знакомит меня с Мелиндой, после чего оглядывает магазин.

– Здесь все, как было в моем детстве, – он подходит к месту, где Руби обычно читала детишкам разные истории. – Я сидел вот тут и, затаив дыхание, слушал вашу тетю. Поверьте, это одно из самых приятных воспоминаний моего детства.

– Если бы Руби знала, что «Синяя птица» так много значила для вас, она была бы просто счастлива, – замечаю я.

– Я искренне сожалею, что ее нет больше с нами, – говорит он.

Гэвин вручает Мелинде экземпляр «Баю-баюшки, луна», после чего Билл и Мелинда берут по бокалу белого вина. В этот момент я чувствую, как кто-то легонько хлопает меня по плечу. Повернувшись, я вижу седовласого худого мужчину лет семидесяти.

– Это вы Джун? – спрашивает он.

– Да.

– Меня зовут Клайв. Я решил прийти сюда, поскольку давным-давно, когда мне было пятнадцать, я приезжал на каникулы в Сиэтл. По правде говоря, я ненавидел сюда приезжать. Я ненавидел дождь. Я ненавидел назойливых кузенов, с которыми мне приходилось проводить почти все свое время. Но в один прекрасный день мама привела меня в этот магазин. Я не слишком-то горел желанием, но вышло так, что я уселся за маленький столик и писательница – настоящая писательница! – рассказала мне и другим ребятишкам про то, как она пишет книги. Ее рассказ меня просто потряс! Когда я вернулся домой, я тут же написал свою первую историю. Думаю, именно это событие и помогло мне стать писателем.

– Подождите, – вырывается у меня. – Вы сказали, вас зовут Клайв. Так вы?..

– Клайв Касслер^[18]. – Он смотрит на меня с очаровательной улыбкой. – Все началось именно здесь, в этом магазине.

Он отходит, а рядом со мной появляется Гэвин.

– Это действительно тот, о ком я думаю? – шепчет он мне на ухо.

– Да, – отвечаю я, – Клайв Касслер. Такое чувство, будто я брежу.

– Думаю, уже все собрались, – говорит он. – Почему бы тебе не сказать пару слов?

Я выхожу вперед.

– Добрый вечер! – говорю я, и в зале наступает тишина. – Огромное спасибо, что пришли на нашу презентацию. Меня зовут Джун Андерсен, и я прихожусь Руби Крейн... дочерью. Я знаю, какое влияние оказала на вас в свое время моя мать, – я перевожу дыхание. – Думаю, вы уже слышали о том, что Руби была близкой подругой известной детской писательницы Маргарет Уайз Браун, автора книги «Баю-баюшки, луна». Сама я унаследовала этот магазин несколько месяцев назад. Тогда же я обнаружила письма, которые писали друг другу две эти замечательные женщины. Обе они, каждая по-своему, поддерживали и ободряли друг друга. Так, Руби убеждала Маргарет не сдаваться, когда той казалось, что она уже не в состоянии написать ничего интересного.

На мгновение я умолкаю и окидываю взглядом эти милые,

улыбающиеся лица. У стены я вижу Адрианну, которая стоит со своим новым приятелем, и в моей душе воцаряются мир и покой. Я искренне рада, что и она нашла свое счастье.

– Думаю, вас приятно удивит то обстоятельство, – продолжаю я, – что именно «Синяя птица» стала местом рождения культовой детской книжки «Баю-баюшки, луна». И я хочу показать вам две вещи, которые Руби берегла как настоящие сокровища. Во-первых, это единственный на сегодняшний день набросок книги, который Маргарет передала Руби в 1946 году, незадолго до опубликования «Луны». А еще у меня есть самый первый экземпляр, который Маргарет взяла для Руби в день выхода первого тиража.

Показав эти раритеты публике, я передаю их Гэвину.

– Как вы уже знаете, «Синяя птица» переживает сейчас серьезные финансовые трудности, что характерно в наши дни для большинства детских книжных магазинов. Мы хотели бы сохранить наследие Руби, но сделать это мы можем лишь с вашей помощью. Каждый из вас получил специальное издание книги «Баю-баюшки, луна». Внутри вы найдете перечень возможностей, которые позволят вам поддержать этот магазин. Надеюсь, вас не затруднит заполнить форму и отдать ее затем Питеру, тому мужчине, который стоит у дверей.

Все поворачиваются к Питеру, который приветственно машет рукой.

– Прошу вас, наслаждайтесь музыкой и теми замечательными закусками, которые доставили из ресторана «Антонио». Большое вам спасибо за внимание.

Как только стихают дружные аплодисменты, я пробираюсь сквозь толпу к Питеру.

– Похоже, ты попала прямо в яблочко, – шепчет мне он.

– Спасибо, – улыбаюсь я.

– Теперь пора выпить бокал вина. – Он подталкивает меня к столу. – А я займусь сбором денег. Как-никак это моя работа.

Я отхожу, мысленно вознося молитву: *Господи, пусть этих средств хватит на то, чтобы сохранить «Синюю птицу».*

* * *

Гэвин разрезает торт, который его друг испек в виде «большой зеленой комнаты», и все гости получают по куску этого шедевра кулинарного искусства. Оживление понемногу спадает, вечеринка близится к

завершению.

Я нервно поглядываю на стол, за которым Питер собирает заполненные формы. Как только последний гость выходит на улицу, мы с Нейтом запираем дверь и спешим к столу.

– Ну что? – спрашиваю я.

– Я раз восемь считал и пересчитывал цифры, – хмурится он. – Мне очень жаль, Джун, но этого не хватит.

– Даже с суммой, которую удалось выручить за билеты? Даже с дополнительными пожертвованиями?

Он кивает.

– А мои деньги ты посчитал? Страховку и сбережения?

– Посчитал, – говорит Питер. – Нам все равно не хватает довольно крупной суммы.

Я в изнеможении опускаюсь на пол и прячу лицо в ладони.

– Послушай-ка, – говорит Питер. – Может, тебе стоит продать первые издания?

– Это все равно что продать душу самого магазина. На это я не пойду.

Он с сожалением смотрит на меня, а я со вздохом поднимаюсь со стула.

– Что ж, мы пытались спасти «Синюю птицу», но нам это не удалось.

Бросив взгляд за окно, я вижу, что на улице, у дверей, стоит Гэвин. После ухода гостей он понес в «Антонио» грязную посуду, а мы, совсем позабыв об этом, заперли дверь.

Я щелкаю замком, и Гэвин заходит в магазин. В руках у него огромный букет лиловых роз.

– Похоже, ты успел разузнать, какие цветы нравятся мне больше всего, – говорю я бесцветным голосом.

– Хотелось бы сказать «да», но этот букет не от меня, – он вручает мне розы.

Пожав плечами, я кладу цветы на ближайшую полку.

– Ты что, не хочешь узнать, от кого они? – спрашивает Гэвин. – Вот тут есть открытка.

– Цветы все равно не спасут магазин, – говорю я.

– Мы что, мало собрали? – хмурится Гэвин.

Я устало киваю.

– Ох, Джун, мне так жаль.

Я отворачиваюсь, чтобы скрыть подступившие слезы. Краешком глаза я вижу, как Гэвин подходит к цветам и читает открытку. В следующее мгновение на лице его появляется улыбка.

– Джун, тебе стоит прочитать это. – Он едва ли не силой впихивает открытку мне в руки. – Давай!

Мне ничего не остается, как прочесть вслух:

Джун,

Я увидел твоё выступление на Си-эн-эн. Детка, ты сделала невозможное. Я закрыл не одну тысячу прогоревших кафе и магазинов. И я думаю, что настала пора спасти хотя бы один. Долговые обязательства уже уничтожены. Я лично покрою недостачу. Давным-давно я и сам был маленьким мальчиком, который любил читать книги. Ты напомнила мне об этом.

Твой Артур.

– Питер, Нейт, – плачу я, – идите сюда.

Я читаю им открытку. Мы перечитываем её снова и снова. Мы плачем. Смеемся. Мы открываем бутылку вина и пьем за будущее «Синей птицы».

– Никогда бы не подумала, – качаю я головой, – что Артур способен на такое. Знаешь, Питер, я искренне тебе благодарна. Это ты настоял на том, чтобы я написала ему письмо.

– Вот видишь, – говорит Питер, – ты же знала, что у него есть сердце.

– Я только не догадывалась, что оно такое большое.

Глава 26

Как только Питер и Нейт уезжают в гостиницу, в магазин спускается мама, и я спешу поделиться с ней хорошими новостями. Руби мирно спит в новой кровати, которую прислала нам сестра Гэвина. Мама вскоре уезжает, и мы остаемся вдвоем, на ковре из конфетти. Я тянусь за подносом и начинаю убираться на столе, но Гэвин кладет руку мне на плечо.

– Жаль тратить на уборку такую чудесную ночь, – шепчет он мне на ухо. – Пойдем, посидишь со мной.

Мы усаживаемся у большого окна и смотрим на небо. Я кладу голову Гэвину на плечо.

– Ты хорошо сегодня потрудились, – говорит он.

– Как бы я хотела, чтобы Руби мной гордилась!

– Наверняка она гордится тобой, – замечает Гэвин. – А ты видела, – добавляет он с улыбкой, – как Билл Гейтс кружил у подноса с десертами? Не каждый день самый богатый человек в мире съедает сразу три твоих канноли.

– Поверить не могу, что Артур сделал это для меня.

Гэвин понимающе кивает.

– Забавно, что именно он оказался в итоге настоящим героем.

– Знаешь, как говорила в таких случаях Руби? «Когда что-то ищешь, обычно оно оказывается там, где ты его находишь». – Ноги у меня гудят, но на душе необыкновенно хорошо. – Похоже, я излечилась, – с улыбкой говорю я Гэвину.

– О чем это ты?

– О своем беспокойстве. Такое чувство, что оно... просто исчезло.

Гэвин ободряюще сжимает мою ладонь.

– Жизнь не бывает идеальной, и я это хорошо понимаю. Но никаких тревог по этому поводу у меня больше нет. Хотелось бы только знать, что дальше.

– С нами, ты это имеешь в виду? – улыбается Гэвин.

Я робко киваю.

Он встает и поворачивает меня лицом к себе.

– Во-первых, я собираюсь тебя поцеловать. А потом я намерен на тебе жениться. Через некоторое время у нас появится маленькая девочка, чтобы у Руби тоже была сестричка. Или две. А может, и три, если ты согласишься.

Я улыбаюсь, не в силах сдержать смех.

– Мы вместе будем заниматься нашим кафе-магазином, – продолжает он. – Это будет лучшее на всю страну кафе-магазин для детей. Мы вложим в него массу сил, нервов и любви.

Гэвин берет меня на руки и несет к лестнице на второй этаж.

– Вместе мы напишем историю нашей жизни. Это будет прекрасная история, наполненная всем, что мы любим.

– Книгами, – говорю я.

– И вкусной едой, – улыбается Гэвин.

– Само собой.

Поднявшись по лестнице, он локтем распахивает дверь в квартиру.

– В большой зеленой комнате стояла полка с первыми изданиями...

– Еще там был подтекающий кран, – добавляю я.

– И стопки старых газет.

Я прижимаю палец к его губам и говорю:

– И красивый мужчина, который вкусно готовит.

– И жители Сиэтла с щедрой душой.

– И маленький шаловливый котенок.

– А еще паста, канноли и парень в жилете.

– И пожилая дама, которая наконец-то обрела покой. – Я смахиваю невольную слезу. – Как думаешь, Гэвин, Руби гордилась бы нами?

– Конечно. – Он ложится рядом со мной на кровать и целует меня с невыразимой нежностью.

– Доброй ночи, Гэвин. – Глаза у меня закрываются сами собой.

– Доброй ночи, Джун, – шепчет он мне на ухо.

Я засыпаю, и мне снится книжный магазин. Эми сидит у окна с малышкой на руках. Руби, устроившись в кресле-качалке, неторопливо вяжет. Спицы легонько поблескивают в ее руках. Там она была всегда и там же останется и впредь, наблюдая за тем, как мирно я сплю в свете луны.

Если прислушаться, то можно услышать, как она тихонько шепчет: «Ш-ш-ш».

Благодарность

У каждого романа свой, особенный путь. И на этом пути его сопровождают люди, которые помогают автору довести его дело до конца. Я выражаю свою искреннюю признательность Элизабет Вид, моей дорогой подруге и литературному агенту. Это первый человек (если не считать моего мужа), с которым я делюсь новыми замыслами. Я прекрасно помню тот волнующий момент, когда рассказала ей об этой книге. Я отправила Элизабет краткий синопсис, и она откликнулась на него с искренним воодушевлением. Благодаря ей я ощутила, что просто *обязана* написать этот роман. Мой опыт писателя-романиста научил меня двум вещам: доверять собственному сердцу и доверять Элизабет.

От всего сердца хочу поблагодарить своего редактора в издательстве «Пенгуин» Дениз Рой. Это она с непревзойденным мастерством редактирует все мои книги. Огромное спасибо тебе, Дениз, за твои бесценные предложения, благодаря которым моя история стала гораздо лучше, глубже и интереснее.

Я глубоко признательна за поддержку и дельные советы той замечательной команде, которая работает в издательстве «Пенгуин». Я говорю о вас, Дженни Мейер и Шейн Кинг, Дана Мерфи, Дана Боровиц, Элизабет Кинан, Эшли Мак-Клей, Фил Бадник, Кейт Наполитано, и всех тех, благодаря кому читатели знакомятся с моими книгами.

Особую признательность я выражаю прославленному автору и иллюстратору детских книг Тэчеру Херду (сыну Клемента Херда, который иллюстрировал книгу «Баю-баюшки, луна»). Это он подолгу беседовал со мной по телефону и рассказал чудесную историю о том, как гостил в детстве в Мейне, в доме Маргарет Уайз Браун.

Я благодарна своим близким, которые вдохновляли и поддерживали меня. Терри и Карен Митчелл, Джессика Кэмпбел, Джош Митчелл, Джосайя Митчелл – большое вам спасибо. Особое примечание для Джессики, моей любимой сестры: эта книжка посвящается тебе, ведь именно ты помогла мне понять, что значит настоящая дружба (и спасибо за то, что не сбежала ни с одним из моих бойфрендов!). Спасибо и тебе, Кэтрин Эстасьо Митчелл, моя замечательная невестка: читай между строк, и обязательно найдешь в романе себя – свою силу, мужество и упорство.

Своим появлением на свет эта книга во многом обязана тому, что мне хорошо знакома роль матери. Так что я спешу поблагодарить трех своих

мальчиков – Карсона, Рассела и Колби. Это они вновь и вновь упрашивали меня почитать «лунную книжку». Думаю, именно в эти моменты во мне и зародилась идея нового романа.

И конечно же, Джейсон, мой дорогой Джейсон. Спасибо за то, что ты в одиночестве управлялся с нашим маленьким семейством, пока сама я дописывала эту книгу в уюте своего кабинета.

notes

СНОСКИ

«Баю-баюшки, луна» – книга для детей автора Маргарет Уайз Браун. В англоязычных странах считается культовой. *(Здесь и далее примечания редактора.)*

Лора Инглз Уайлдер (1867–1957) – американская писательница, автор серии книг для детей «Маленький домик в прериях» о жизни семьи первопроходцев времен освоения «Дикого Запада».

Роальд Даль (1916–1990) – английский писатель норвежского происхождения, автор романов, сказок и новелл, поэт и сценарист. Его рассказы знамениты своими неожиданными концовками, а детские книги – отсутствием сентиментальности и часто – черным юмором. Обладатель многочисленных наград и премий по литературе.

Беатрис Поттер (*Элен Беатрикс Поттер*, 1866–1943) – английская детская писательница и художник.

«Там, где живут чудовища» – детская книга с картинками американского писателя и художника Мориса Сендака (1928–2012).

Маргарет Уайз Браун (1910–1952) – американская детская писательница.

Книга американской детской писательницы Джанет Себринг Лори (1892–1986).

«Дорогу утятам!» – детская книга с картинками американского писателя Роберта Макклоски (1914–2003).

Безумный Шляпник – персонаж сказки «Алиса в Стране чудес» английского писателя, математика, логика, философа, диакона и фотографа Льюиса Кэрролла (настоящее имя Чарльз Лютвидж Доджсон, 1832–1898).

Смурфы (также смёрфы) – существа, придуманные и нарисованные бельгийским художником Пьером Кюллифором (1928–1992), работавшим под псевдонимом Пейо. Впервые мир увидел смурфов в журнале комиксов «*Le Journal de Spirou*» 23 октября 1958 года, в 1980-х начал выпускаться анимационный сериал «*The Smurfs*», именно тогда в англоязычном мире произошел всплеск популярности этих маленьких существ.

Историческая новелла американской детской писательницы Рэйчел Филд (1894–1942).

«Маленькие золотые книжки» – популярная серия детских книг, издаваемая крупнейшим американским издательством «Рэндом Хаус» (*Random House*).

Романтический фильм, снятый режиссером Робом Райнером (1987) по мотивам одноименного романа американского писателя Уильяма Голдмана. В главных ролях: Кэри Элвис и Робин Райт.

«Закон и порядок» – американский процедуральный, полицейский и юридический телесериал, созданный Диком Вульфом. Премьера состоялась в 1990 г.

Элоиза Уилкин (1904–1987) – известный американский иллюстратор детских книг.

Кинофильм режиссера Фрэнка Капры, снятый в 1946 году по рассказу Филипа Ван Дорен Стерна «Величайший подарок». В главных ролях Джеймс Стюарт и Донна Рид.

Райан Томас Гослинг – канадский киноактер (р. 1980).

Клайв Касслер (род. 1931) – американский писатель, автор детективных и приключенческих романов.